

interaction

интеракция

interview

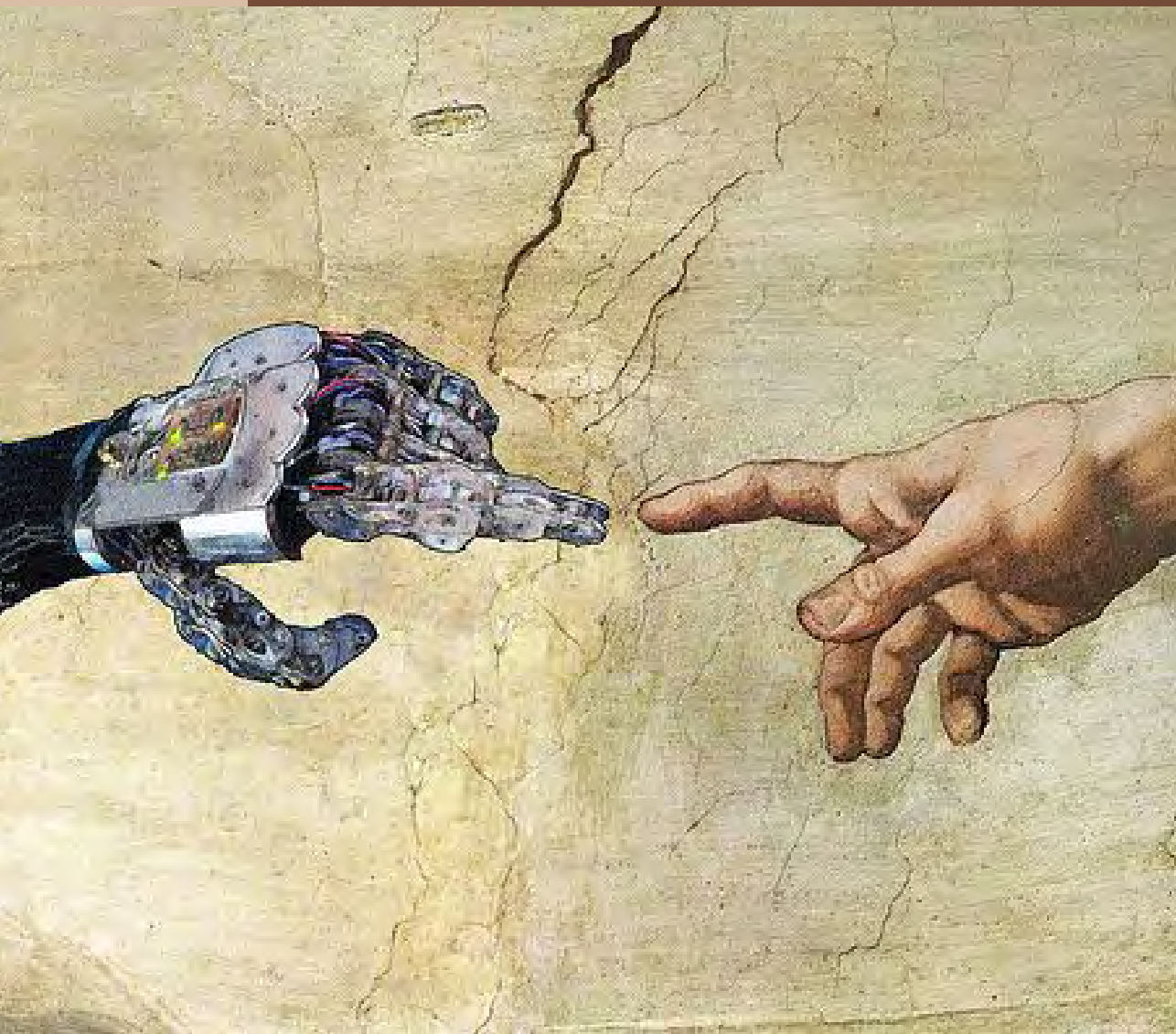
интервью

interpretation

интерпретация

INTER

2' 2026

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2026. Том 18. № 2
Interaction. Interview. Interpretation
2026. Volume 18. No. 2

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2026. Том 18. № 2

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2

EDN: WHVPZV

Учредители Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Издатель Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	А. В. Ваньке Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в базу [РИНЦ](#), перечень ВАК,
индексируется в международной базе данных RSCI.

Журнал входит в [Перечень](#) ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
[Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](#)

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

Иллюстрация на обложке:

Автор коллажа Sherise Harris

<https://ru.pinterest.com/pin/19984792066265992/>

9 772687 040006 >

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2026
© Interaction. Interview. Interpretation, 2026

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

- СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна** — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru
- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkope@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, научный руководитель ФНИСЦ РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; chief researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAeva — Doctor of Sociology, Professor, Saratov State University (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; chief researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

[Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

[Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Теоретические дискурсы и дискуссии	13
<i>Данила Иванов</i> Имитационные игры и искусственный интеллект: возвращение к корням проекта исследований экспертизы и опыта (SEE) третьей волны социологии науки	13
<i>Тарас Богданов</i> Этика использования искусственного интеллекта в качественных исследованиях	30
Полевые исследования	51
<i>Анна Андрееенкова</i> Тестирование возможностей искусственного интеллекта для изучения жизненного пути методом автобиографий	51
<i>Владимир Микрюков</i> Особенности и возникающие трудности тандема «исследователь + ИИ» в качественных социологических и маркетинговых исследованиях	69
<i>Полина Червоткина</i> Экспертная валидация тематического моделирования (BERTopic) и последующее применение LLM к выделенным темам в качественном исследовании в рамках тематического анализа	91
<i>Диана Багдасарян</i> Внедрение искусственного интеллекта в организационные практики: доверие, легитимность и этические вызовы (на материалах экспертных интервью)	126
Обзоры	147
<i>Кирилл Жуликов</i> Критерии оценки синтетических респондентов в качественных исследованиях: границы применимости	147
<i>Светлана Баньковская, Виктория Идоленко</i> Искусственный интеллект и видеоанализ в качественной социологии: обзор новейших исследований	161

Contents

Editor's Letter	9
Theoretical Discourses and Discussions	13
<i>Danila Ivanov</i> Imitation Games and Artificial Intelligence: Returning to the Roots of the Studies of Expertise and Experience (SEE) Project of the Third Wave of Sociology of Science.....	13
<i>Taras Bogdanov</i> The Ethics of Using Artificial Intelligence in Qualitative Research.....	30
Field Research	51
<i>Anna Andreenkova</i> Testing of AI-generated Autobiographies for Studying the Life Course.....	51
<i>Vladimir Mikryukov</i> Features and Emerging Challenges of the "Researcher+AI" Tandem in Qualitative Sociological and Marketing Research	69
<i>Polina Chervotkina</i> Expert Validation of Thematic Modeling (BERTopic) and Subsequent Application of LLM to Selected Topics in Qualitative Research Within the Framework of Thematic Analysis	91
<i>Diana Bagdasaryan</i> Introduction of Artificial Intelligence into Organizational Practices: Trust, Legitimacy and Ethical Challenges (Based on Expert Interviews)	126
Analytical reviews	147
<i>Kirill Zhulikov</i> Evaluation Criteria for Synthetic Respondents in Qualitative Research: Limits of Applicability	147
<i>Svetlana Bankovskaya, Viktoria Idolenko</i> Artificial Intelligence and Video Analysis in Qualitative Sociology: Recent Research Review	161

Письмо редактора

Специальный выпуск «**Искусственный интеллект и качественные исследования**» призван повысить осведомленность и поддержать актуальное обсуждение среди социологов вопросов, актуальных для взаимосвязи качественных исследований и искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект (включая традиционный, машинное обучение и генеративный) — это быстро развивающаяся область, предлагающая инструменты для исследований и инноваций, которые ранее были невозможны (Christou, 2023). Несмотря на растущий объем литературы по применению ИИ в различных областях, исследований его использования социологами-качественниками все еще мало (Hitch, 2024). Но возникающие вопросы открывают новые горизонты. Так, например, Ван Манен (2023: 1137–1138), занимающийся качественными исследованиями и довольно критично настроенный к использованию ИИ, формулирует прежде всего вопросы о влиянии ИИ на качественные исследования в социологии, о возможностях для расширения или ограничения понимания с помощью ИИ, о позиционировании исследователя, использующего ИИ, при формировании идей, разработке дизайна исследования, получении данных, помощи в анализе, представлении результатов исследования или других видах деятельности в рамках качественных исследований. Нужна рефлексия, рефлексия и рефлексия...

Сообщество социальных исследователей довольно поляризовано в отношении перспектив внедрения ИИ в практику. Наиболее оптимистичные ученые позиционируют ИИ как со-исследователя, даже со-автора (Mollick, 2024). Близкие направленности журнала исследователи в области качественной социологии также размышляют, как ИИ повлияет на их работу (Christou, 2023), ведь им есть о чем беспокоиться: качественные подходы фокусируются на понимании и осмыслении контекста, ориентации в социальных мирах (Paulus and Lester, 2023). Известно, что методологические подходы в качественной социологии исторически сложились как ориентированные на субъектов и исполняемые субъектами, вовлеченными в сбор, анализ и интерпретацию данных. А ИИ привносит в эту схему упрощение и берет на себя контроль за структуризацией — на уровне обобщения, категоризации и выявления общих закономерностей (Freeman, 2016). Не угрожает ли внедрение ИИ базовым основам качественного подхода?

Кроме того, возникают неизбежные этические вопросы, связанные с потенциальными предубеждениями и человеческим фактором, присущим качественным исследованиям, что подчеркивает необходимость прозрачной интеграции инструментов ИИ для поддержания требуемых глубины и контекста (Marshall, Naff, 2023).

Этим вопросам посвящены статьи спецвыпуска журнала ИНТЕР, фокус которых отражает контрапункты упомянутой дискуссии. При отборе мы соблюдали баланс между теоретическими и обзорными статьями, дающими представление о концептуальном запросе и состоянии дискуссии в избранной области знания, с одной стороны, а также практическими материалами, применяющими ИИ в исследованиях, прежде всего качественных, с другой. Среди первых — рассуждение Данилы Иванова об имитационных играх и ИИ: интеракционный опыт в интерпретативистской парадигме, ориентированной на субъективные смыслы и погружение в поле, открывает операциональное пространство для включения ИИ в исследовательскую процедуру.

В обзорной статье Тараса Богданова, сфокусированной на этике и динамике качественных исследований в эпоху ИИ, формирование новой исследовательской этики рассматривается через пересечение двух векторов: институционального регулирования («сверху вниз») и адаптации ИИ в реальных полевых условиях («снизу вверх»), соответственно, ИИ переходит из статуса вспомогательного инструмента в роль эпистемического медиума и со-исследователя.

Далее представлен целый ряд практических работ, демонстрирующих отечественную практику внедрения ИИ в процесс исследования. Так, Анна Андрееенкова критически тестирует возможности ИИ для изучения жизненного пути, сравнивая реальные и сгенерированные автобиографии, расширяя знания об автобиографиях, определяя возможные и малореальные сценарии жизненных путей в конкретных социально-исторических условиях, влияние социальной нормативности на биографическую информацию.

В свою очередь Владимир Микрюков анализирует особенности и возникающие трудности тандема «исследователь + ИИ» в качественных социологических и маркетинговых исследованиях, формулируя четыре этапа для успешной работы данного тандема: подготовку и разработку архитектуры анализа, функционирование системы итеративной обратной связи, валидацию на двух уровнях сложности и протокол выявления системных смещений. Автор также формулирует дополнительные критерии ИИ-поддержки валидности качественного исследования, что актуализирует важную дискуссию об уровне проводимых качественных исследований.

Применению методов машинного обучения и генеративных языковых моделей в анализе качественных интервью посвящена статья Полины Червоткиной, в которой делается вывод о том, что наиболее эффективной для таких целей является следующая комбинация: машинное обучение для первичной кластеризации, далее экспертная валидация с дополнением тем, затем финальное построение исследователем связей категорий с центральным феноменом на основе тем, выделенных алгоритмом.

Диана Багдасарян тестирует, как специалисты из финансового и академического секторов конструируют доверие к искусственному интеллекту, интерпретируют его легитимность и артикулируют этические границы автоматизации в организационных практиках. Автор обнаруживает доминирующий прагматический тип доверия к ИИ, сочетая его с необходимостью постоянной человеческой проверки.

Кирилл Жуликов в своем обзоре привлекает внимание к генерации синтетических респондентов — текстовых симуляций ответов информантов, которым задан определенный социально-демографический профиль. Им задействованы адаптируемые к качественной проблематике большие языковые модели (LLM), а также обозначены перспективные направления исследований, включая разработку специфичных для качественных данных критериев, проведение эмпирических сравнений реальных и синтетических интервью с использованием слепого кодирования и выработку стандартов прозрачности при публикации результатов, полученных с привлечением LLM.

Наконец, завершающая спецвыпуск статья Светланы Баньковской и Виктории Идоленко сфокусирована на обзоре и структуризации проблем интегрирования ИИ как инструмента в социологически выстроенный видеоанализ. Авторы уделяют внимание мультимодальным качественным исследованиям, использующим видеоданные и применяющим видеоанализ как основу методологического дизайна.

Безусловно, читатели найдут на страницах журнала прежде всего мнения заинтересованных в использовании ИИ исследователей. В то же время лейтмотив многих статей — осторожность и рефлексивное использование ИИ. Обзорные материалы (Paulus et al., 2025; Avnoon, Oliver, 2023) показывают, что исследователи признают неизбежность внедрения ИИ, которое нарушит, если не полностью преобразует, ландшафт социальных наук и поле научных публикаций. Преодолевая эту фаталистичность, Д. Хитч философски замечает, что вопрос не в том, следует ли ИИ внедрять, а в том, как лучше его внедрить: революция уже здесь, и она имеет потенциал значительно улучшить и преобразовать работу качественных исследователей из разных традиций и подходов (Hitch, 2024). Последуем его совету и внесем в список рубрик нашего журнала новую — «ИИ и качественные исследования».

Литература

- Avnoon N., Oliver A. L. (2023) Nothing New Under the Sun: Medical Professional Maintenance in the Face of Artificial Intelligence's Disruption. *Big Data & Society*. Vol. 10. No. 2. <https://doi.org/10.1177/20539517231210269>
- Christou P. A. (2023). How to Use Artificial Intelligence (AI) as a Resource, Methodological and Analysis Tool in Qualitative Research? *The Qualitative Report*. Vol. 28. No. 7. P. 1968–1980. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2023.6406>
- Freeman M. (2016) *Modes of Thinking for Qualitative Data Analysis*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315516851>
- de Vaujany F.-X., Leclercq A., Aroles J., Introna L., Davidson S. (2025). Rethinking Responsibility in the Digital Age: A Narrative Approach. *MIS Quarterly*. Vol. 49. No. 4. P. 1295–1318.
- Hitch D. (2024). Artificial Intelligence Augmented Qualitative Analysis: The Way of the Future? *Qualitative Health Research*. Vol. 34. No. 7. P. 595–606. <https://doi.org/10.1177/10497323231217392>
- Mollick E. (2024) *Co-Intelligence: Living and Working with AI*. Westminster: Penguin.
- Paulus T., Lester J. N. (2023) Digital Qualitative Research Workflows: A Reflexivity Framework for Technological Consequences. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 27. No. 1. P. 1–14. <https://doi.org/10.1080/13645579.2023.2237359>

Polletta F. (2015) Characters in Political Storytelling. *Storytelling. Storytelling, Self, Society: An Interdisciplinary Journal of Storytelling Studies*. Vol. 11. No. 1. P. 34–55. <https://doi.org/10.13110/storselfsoci.11.1.0034>

Paulus T., Lester J.N., Davis Ch. (2026) The Construction of the Role of AI in Qualitative Data Analysis in the Social Sciences. *AI & SOCIETY*. Vol. 41. No. 3. P. 1737–1748. <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02488-3>

Ответственный за спецвыпуск редактор
Рождественская Елена

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.6
EDN: AHLZZE

Имитационные игры и искусственный интеллект: возвращение к корням проекта исследований экспертизы и опыта (SEE) третьей волны социологии науки¹

Ссылка для цитирования:

Иванов Д. В. Имитационные игры и искусственный интеллект: возвращение к корням проекта исследований экспертизы и опыта (SEE) третьей волны социологии науки // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 2. С. 13–29. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.6> EDN: AHLZZE

For citation:

Ivanov D.V. (2026) Imitation Games and Artificial Intelligence: Returning to the Roots of the Studies of Expertise and Experience (SEE) Project of the Third Wave of Sociology of Science. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 2. P. 13–29. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.6>

Иванов Данила Владимирович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: d.ivanov@hse.ru

Статья посвящена решению методологического противоречия, возникающего при попытке инкорпорировать искусственный интеллект (ИИ) в качественные социологические исследования (преимущественно укорененные в интерпретативистской парадигме). Если в количественных исследованиях ИИ, как минимум на первый взгляд, органично вписывается в естественнонаучный идеал инструментального дистанцирования, то для качественной традиции, требующей чувствительности к контексту и близости к источнику субъективных смыслов, использование ИИ создает эпистемологический разрыв. В качестве теоретически обоснованного решения я предлагаю

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR 2025-070) This work/article is an output of a research project (HSE-BR 2025-070) implemented as part подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSEBR 2025-018).

вернуться к классической задумке Алана Тьюринга, решавшего проблему отличий человеческого и машинного мышления с помощью обращения к имитационной игре, специфика которой впоследствии повлияла на традицию исследований экспертизы и опыта (SEE) Гарри Коллинза и Роберта Эванса. Возвращение ИИ в структуру имитационной игры переопределяет диагностическую функцию метода: ИИ обладает ультимативной формальной осведомленностью, принципиально лишен социализации и неявного экспертного знания, что позволяет использовать имитационные игры как инструмент для эмпирической демаркации внешних (формализуемых) и внутренних (интуитивных, контекстно-чувствительных) горизонтов экспертного знания. Представленная структура метода позволяет посмотреть на ИИ как на эпистемологически специфического агента, углубляющего познание целевой для исследователя группы обладателей специфического опыта.

Ключевые слова: имитационные игры; социология науки; социология научного знания; этнография; исследования экспертизы и опыта; искусственный интеллект

Введение

В попытках инкорпорировать ИИ в область социальных, поведенческих и гуманитарных наук есть что-то неуловимо настораживающее. Деонтология этого процесса для меня не очень ясна, а генерируемые массивы текстов с применением ИИ оставляют тяжелое впечатление, хотя интуитивное понимание открываемых такими технологиями возможностей не может не впечатлять — таково мое отношение к теме, о котором я не могу не предупредить в начале текста.

Если оставить пространные рассуждения, налицо, что использование ИИ² уже находит продуктивное применение как минимум в журналистике, а также в социальных и поведенческих науках, в частности, в тех областях, которые можно назвать вычислительными и относящимися к количественным методам, где благодаря ИИ получается создавать коды для языков программирования, позволяющие проводить анализ данных, решать формальные задачи работы с большими данными, реализовывать ассистированный анализ данных и их интерпретацию, особенно когда речь идет о цифровых и хорошо формализованных данных [Grossmann, Feinberg, Parker, 2023; Xu, Sun, Ren et al., 2024]. В общем виде можно допустить, что в этих областях применение ИИ последовательно осмысливается не только как сугубо инструментальное или механическое нововведение, но и как возможность углубить или детализировать анализ и следующую за ним интерпретацию, поскольку источником

² Здесь и далее под ИИ, генеративными моделями и пр., если нет конкретных уточнений, я имею в виду узкие проявления ИИ в формате чат-ботов, среди которых можно вспомнить разные версии ChatGPT, DeepSeek, YandexGPT / Alice AI и множество других.

содержательных (смыслообразующих) выводов в таких видах исследований могут становиться сами факты наблюдения статистически значимых регулярностей (которые могут иногда упускаться из вида человеком-исследователем). Но возможно ли инструментальное и одновременно содержательное использование ИИ в качественных социологических (преимущественно относящихся к интерпретативистской парадигме) и гуманитарных исследованиях? В целом ясно, что инструментальное использование ИИ для кодирования интервью и т. п. не лишено смысла, однако возможно ли включение генеративных моделей в более содержательные, контекстно-нагруженные и ситуированные аспекты качественных исследований? Иначе говоря (в более широком аналитическом контексте), существует ли такая теоретико-методологическая перспектива, в которой ИИ обладал бы качественными и эпистемологически специфическими (то есть отличными от потенциально заменяемого человеком или другим инструментом) характеристиками, которые было бы возможно методологически осмысленно (и реплицируемо) использовать в социологическом исследовании?

Заявленный вопрос, несмотря на его актуальность, встроен в контекст проблемного напряжения, возрастающего в той степени, в которой мы совершаем попытку сближения качественных и количественных исследований. Конкретно речь идет о контексте формирования онтологических допущений эмпирического и естественно-научного пониманий опыта [Макинтайр, 1996]. В случае с эмпирическим ориентиром, который впоследствии стал одной из важных основ для интерпретативистской парадигмы в социальных науках, часто репрезентирующей качественные теоретико-методологические подходы (и исследования субъективного опыта), понимание исследуемых феноменов оказывалось тем более точным, чем более погруженным в изучаемый контекст был ученый или же сам субъект, например, в социально-феноменологических исследованиях, исследованиях биографий и нарративов [Рождественская, 2012; Моисеева, Рождественская, 2025], этнометодологии и особенно — в этнографических исследованиях [Пинчук, 2025]. Все эти направления в общем виде, несмотря на ряд существенных отличий по уровню методологического доверия к информантам, по принципам сбора и анализа данных, объединены стремлением преодолеть удаленность, или дистанцированность, мешающую понять естественный язык, субъективные смыслы, идиосинкратические реплики, индексичность и пр. Существенно, что в интерпретативистской традиции взаимодействия между исследователем и исследуемым оказываются опосредованными коммуникацией, являющейся инструментом конструирования опыта и гипотез [Kelly, 1964], а значит, ее (коммуникации) анализ требует со-конструктивной позиции, а не дистанцированного считывания (сделаю оговорку, что сближение тоже может иметь разные уровни допущений и обуславливаться разными когнитивными режимами наблюдений; однако тезис о стремлении к выработке восприимчивости к субъективным смыслам через сближение является общим знаменателем

для интерпретативистской парадигмы и качественных методов). Напротив, упомянутый естественно-научный ориентир, оформившийся одновременно с эмпирическим примерно в XVII–XVIII вв. [Макинтайр, 1996], подчеркивал идеал дистанцированности от субъективного опыта, который достигался благодаря новым технологиям, инструментам и т. п. Примерами следования такому ориентиру были физика и астрономия, в которых неточность человеческих глаз нивелировалась точностью телескопов, а позже более сложных технологических изобретений. В социальных науках это исторически прослеживается в исследованиях с количественными методами (и в исследованиях объективно наблюдаемых феноменов, которые обычно называют позитивистскими), например, Сен-Симона, вдохновленного Ньютоном и желающего математизировать социальные явления наравне с астрономическими [Давыдов, 1997], а позже в той или иной степени даже Дюркгейма на уровне коллективного порядка и представителей социального бихевиоризма на уровне индивидуального поведения, а также, конечно, в сравнительно недавних исследованиях, аккумулирующих большие данные, в областях применения сетевого анализа, библиометрии и т. д.

Из описанной выше экспликации двух ориентиров (эмпирического как качественного и естественно-научного как количественного) становится ясно, почему в области количественных подходов, вычислительных социальных наук и других сфер, придерживающихся естественно-научной линии, встраивание ИИ оказывается более гладким (хоть и не лишенным ряда серьезных эпистемологических и технических проблем). ИИ в логике естественно-научного ориентира (количественных исследований) можно рассматривать как дополнительный инструмент или аппарат, подобный телескопу, который (предположительно) поможет снизить влияние субъективного опыта на анализ и оформление данных (например, функция ИИ по выполнению редакторских задач, демократизации использования других цифровых инструментов, предоставлению сведений о потенциальных, упущенных в анализе регулярностях). В логике же эмпирического ориентира (в качественных исследованиях) ИИ в первом приближении видится посредником, увеличивающим дистанцию между исследователем и полем или же вне-контекстным и не-ситуированным комбинатором номинальных языковых единиц, ввиду чего становится чуждым интерпретативистской логике.

Таким образом, внедрение ИИ в область качественных исследований оказывается непростой задачей как в инструментальном прагматическом (не всегда очевидно, как отмечалось выше, как инструментально можно использовать ИИ), так и в концептуальном методологическом смысле (ввиду разнонаправленности ориентиров качественных исследований и того, что ИИ, на первый взгляд, есть «аппарат», парадигмально родственным количественным исследованиям). Все же существуют ли такие подходы, которые могли бы предложить последовательное использование ИИ в качественных исследованиях, а также концептуально опосредовать это выявленное противоречие?

От теста Тьюринга к исследованиям экспертизы и опыта: теоретические основания имитационных игр

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к традиции исследований экспертизы и опыта (studies of expertise and experience, SEE) [Collins, Evans, 2002], представители которой проблематизировали статус ИИ [Dreyfus, 1992] в исследовании знания, а также затрагивали предмет методологического использования ИИ. В частности, речь пойдет об имитационных играх (imitation game) [Collins, Evans, Weinel et al., 2017] — методе, логика которого открывает нетривиальную точку входа для осмысления роли ИИ в качественных исследованиях (как минимум тех, что связаны с исследованием экспертного/обыденного знания и специфического опыта). Истоки этой логики уходят к работам математика, пионера криптографии и философа Алана Тьюринга, чья статья 1950 года [Turing, 1950] стала отправной точкой не только для теории искусственного интеллекта, но, что принципиально, для последующей социологической операционализации вопроса о природе знания и экспертизы³. Одна из ключевых мыслей Тьюринга предполагала, что рассмотрение вопроса об отличии человеческого и машинного / компьютерного / искусственного интеллекта в контексте демаркации эссенциальных признаков непродуктивно, поскольку искомая формулировка вопроса о том, может ли машина мыслить, неминуемо уводит либо в сторону изучения общественного мнения (будем ли мы считать, что машины могут мыслить?), либо же в сторону довольно метафизического философского вопроса о том, что именно значит «мысль», «интеллект», «познание», а также что значит «человек», «компьютер/машина». Оба направления, безусловно, справедливы, однако, несмотря на их прямоту, они не позволяют разглядеть более важную для прагматических (и вместе с тем социологических) целей формулировку, которую я свожу к следующей: может ли компьютер/машина/ИИ размышлять как человек? Показательно, что у самого Тьюринга имитационная игра изначально не отсылала к процедуре, в которой прото-ИИ должен был убедить человека в том, что является человеком (то, что сегодня мы знаем как тест Тьюринга), а предполагала гендерную игру-ситуацию, в которой мужчина перед судьей притворялся женщиной: в игре задача судьи была угадать, кто имитатор, а кто — истинный обладатель женского опыта [Turing, 1950]. Отметим, что из гендерно окрашенного примера, несмотря на все оговорки конструктивистского толка о дихотомизации соответствующих атрибуций, налицо факт, что один из участников игры действительно обладает неотчуждаемым опытом, а другой — лишь имитатор; более того, сам контекст таких игр углублен

³ Обращение Г. Коллинза и Р. Эванса к Тьюрингу, имитационным играм и в целом их ориентир в сторону исследований экспертизы и опыта принято рассматривать как полемический ответ на релятивизм второй волны социологии науки, к которому относится социология научного знания Д. Блур. Здесь конструктивистская демонстрация социальной обусловленности научного знания устраняла нормативное различие между экспертом и не-экспертом. Именно это различие Коллинз и Эванс стремились реабилитировать, но уже не через апелляцию к эссенциальным свойствам знания, а через социологически операционализируемые типы опыта [Collins, Evans, Weinel et al., 2017], которые имитационные игры и были призваны позволить изучить [Collins, Evans, 2002].

в исторические традиции Великобритании, которые не были чужды самому Тьюрингу. Замена мужчины машиной в соответствующем примере — лишь следующий шаг, который делает Тьюринг, чтобы превратить решаемый им вопрос в разработку процедуры диагностики степени развитости прото-ИИ в ключе его способности выдавать себя за человека. Для социологии существенно, что исходная версия игры была практической языковой игрой-имитацией социального статуса и социальной роли, а не воспроизведением эссенциальных когнитивных состояний: именно эту версию Коллинз впоследствии переосмыслит как методологический инструмент. Такая перспектива исследования человеческого мышления отсылает к более фундаментальной социально-психологической, феноменологической и философской традициям теорий личности, связанным с работами Дж. Келли [Kelly, 1964] и идеей *as-if* / *as-if* («как если бы»), наследующей положения Х. Файхингера. Допущение этой теоретической модели подразумевает, что личность выражается через следование некоторому ролевому репертуару и проецируется (от феноменологически нагруженного слова «проект») благодаря именно практическому проявлению, а не эссенциальной характеристике.

В этом ключе постановка вопроса Тьюрингом прямо подводит нас к перспективе, которая не различает в явной форме режимы «есть» и «как если бы», поскольку «есть» (в этой парадигме) определяется только через практическое воплощение «как если бы». Коллинз, продолжая эту линию, переносит ее из условной психологии личности в социологию знания. Это не прямой перенос, поскольку Коллинз исходит из параллельных контекстов витгенштейнианской социологии, в которой он соглашается с тем, что правило определяется способом следования правилу [Dreyfus, 1992]: экспертиза не является внутренним достоянием субъекта, она реляционна (*relational*) и перформативна (то есть не является сугубо приватной) [Collins, Evans, Weinel et al., 2017]. Так, исследуя опыт человека, на практике мы определяем, как этот опыт выражается; и при переносе такой концептуальной модели в область исследования знания и, в частности, исследования экспертного знания и опыта, появляется основание для того, чтобы изучать сущность статусов (символических, социальных и пр.) благодаря фиксации образцов поведения, нацеленных на выявление *своих* и *чужих* признаков опыта.

Здесь важно добавить, что сам опыт, следуя Коллинзу, проявляясь вовне, имеет несколько видов, ранжированных по экспертности: опыт формальной осведомленности (низший уровень включенности, если не считать полного отсутствия знания), контрибуторный опыт (*contributory expertise*), являющийся наивысшим уровнем включенности и приобретаемый через полное погружение в образцы поведения среды и способность сделать существенный вклад в поле, и интеракционный опыт (*interactional expertise*), сводящийся к усвоению языка группы с возможностью понимать ее членов и пользоваться частью ее достижений [Collins, Evans, Weinel et al., 2017; Collins, Evans, 2019; Collins, 2004]. Концептуально контрибуторная экспертность атрибутирована к ультимативному статусу эксперта. Коллинз, выделяя разные виды (иначе иногда называемые измерениями) опыта/экспертности, задает тем самым

принципиальное различие, в соответствии с которым существуют внешний и внутренний контуры, или горизонты, знания, где внешний контур является формализованным и технически заметным для аутгруппы (особенно для тех, кто имеет формальные знания опыта), тогда как внутренний (иначе — эзотеричный) доступен только экспертам и не является явным (по своей природе он неявный (*tacit*), поскольку аспекты экспертности проявляются исключительно интуитивно [Dreyfus, 1992]), артикулированным и принципиально формализуемым (т. е. он часто не имеет теории объяснения специфики самого себя) сводом социально передаваемых правил. Принимая во внимание часть теоретических оснований SEE, метод имитационной игры — не просто инструмент, но целостный метод для эмпирического изучения лимитов внешних и внутренних горизонтов экспертного знания, позволяющий схватить сами экспертные этнометоды, демаркирующие *своих* и *чужих* [Gieryn, 1983], и очерчивающие символические границы между ин- и аутгруппами [Lamont, Pendergrass, Pachucki et al., 2015].

Процедура проведения классического формата имитационных игр

Рассмотрим наиболее простую форму — 3-P[layer] Game (рис. 1) имитационной игры для последующего указания места ИИ в этой методологии и решения вопроса исследования. Она реализуется помимо организатора-исследователя тремя участниками, двое из которых — представители целевой исследуемой группы, иначе говоря, носители специального опыта или экспертного знания, и один — имитатор, не являющийся носителем целевого опыта. Одного из носителей опыта назначают на роль судьи, его задача — задавать вопросы двум другим участникам; соответственно, второй носитель опыта вместе с имитатором в анонимной форме принимает роль ответчика (допрашиваемого).

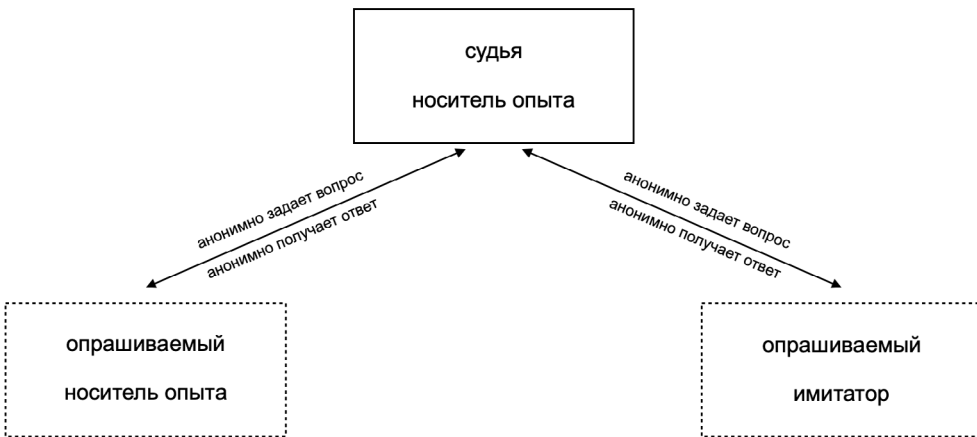

Рисунок 1. Структура простой имитационной игры

Все участники эксперимента заранее осведомлены о целях игры; самим носителям опыта / экспертам ничего не известно об имитаторе; имитатору во время игры запрещено обращаться к сторонним ресурсам. Цель судьи — сформулировать вопросы, которые должны изобличить, кто на самом деле является имитатором, а кто — реальным носителем опыта. Задаваемый судьей вопрос анонимно направляется сразу двум другим участникам; каждый из участников отвечает на этот вопрос; оба ответа высылаются судье, который оценивает их по 11-балльной шкале уверенности (возможно использование 7- или 9-балльных шкал), где 0 — уверенность, что соответствующий участник является имитатором, а 10 — носителем опыта. Сессия длится до тех пор, пока кумулятивная рефлексия судьи о характере серии ответов на сформулированные в рамках процесса вопросы не приведет к выставлению одному из участников нуля баллов. Сама возможность судьи оценить, кто *свой*, а кто *чужой*, опирается на тот факт, что судья сам является носителем целевого опыта.

Существенно, что Коллинз [Collins, Evans, Weinel et al., 2017] позиционируют имитационную игру как интегрированно-смешанный метод, так как одна и та же процедура одновременно генерирует количественные данные, прежде всего так называемые *pass rate* (долю случаев, в которых имитатор не был распознан судьей), и качественные: транскрипты вопросов и ответов, а также постигровые мини-интервью, позволяющие реконструировать логику суждений судьи. Это принципиально отличает имитационную игру от большинства смешанных дизайнов, в которых качественные и количественные компоненты лишь соседствуют, но не вытекают из единой процедуры [Collins, Evans, Weinel et al., 2017]. Так или иначе, эта количественная составляющая является скорее дополнительной и не столь важной для целей настоящей статьи. Более того, акцент изначально стоял на этнографии науки, количественная ипостась которой появилась скорее как следствие генерации существенного количества сессий⁴. Таким образом, описанная методологическая процедура позволяет изучить, насколько проницаемы и заметны контуры между разными культурными образцами, сферами экспертизы и опыта. Команда Коллинза использовала данную методологическую процедуру для исследования внутренних компетенций экспертных групп (физиков, коммунистов и мн. др.) и носителей особого опыта (гендерных идентичностей и др.) [Collins, Evans, Weinel et al., 2017], по которым фактически происходит категоризация *своих* и *чужих*, а значит и может изучаться принцип демаркации символических границ. В российском контексте метод апробирован мной и моими коллегами [Иванов, 2025] на материале сообщества глухих и слабослышащих в рамках исследования экспертной группы криптографов (совместно с научным сотрудником Музея криптографии Александром Дюльденко), а также в поле исследования дисциплинарных границ между социологией и психологией. И именно здесь возникает центральный для данной статьи вопрос: что происходит, когда на место имитатора-человека помещается языковая модель?

⁴ Такое суждение основано на серии бесед вместе с соавторами и коллегами Гарри Коллинза Робертом Эвансом и Мартином Холлом, которые (беседы) имели место в разные периоды 2025 года и были обусловлены процедурой апробации метода имитационных игр в рамках российского контекста.

ИИ вместо имитатора: какие данные получаются?

В результате проведения 3-Р имитационных игр создается подобие нарратива (напоминающего то, что получается в полуформализованных интервью), который, с одной стороны, отражает стереотипные представления о группе целевой экспертизы, следующие из ответов на вопросы с перспективы имитатора, а с другой — выявляет признаки, по которым очерчиваются внутренние и внешние границы знания группы (особенно если итоговое решение судьи оказывается корректным). По своей природе имитационная игра напоминает натуралистическое наблюдение в контролируемых полуструктурированных условиях; есть соблазн назвать такую структуру квази-натуралистическим псевдоэкспериментом по аналогии с тем, как некоторые примеры гарфинкелинга называются экспериментами. Однако здесь существенная оговорка: эксперименты Гарфинкеля нарушают норму и наблюдают реакцию, тогда как имитационная игра задает тему для беседы и испытывает границы экспертизы изнутри — это режим, в котором сложно проверяемые факторы (если следовать экспериментальной терминологии) определены без признаков (поскольку как раз целью таких игр оказывается выявление признаков целевого опыта). По факту эта методология ближе к включенному наблюдению за этнографической миниатюрой, в которой ученый подглядывает за тем, как носители опыта коммуницируют друг с другом, пытаются друг друга *признать* и отличить от *чужака*. Схожие ситуации можно представить в условиях, когда этнограф или антрополог изучает неизведанный язык чуждой языковой группы в присутствии носителей.

До недавнего момента в стороне оставалась родовая специфика применения метода имитационных игр, использующая ИИ (в его наиболее простой форме, существовавшей в гипотетическом виде во времена Тьюринга). Методологическое основание для такого использования ИИ в качественном исследовательском дизайне в целом не является беспрецедентным: существуют подходы, рассматривающие генеративные модели как ресурс и аналитический инструмент в качественных исследованиях [Christou, 2023]. Однако именно имитационная игра предлагает для этого теоретически обоснованный, а не сугубо технический контекст. Учитывая подчеркнутую проблему интерпретативной парадигмы, не терпящей дистанцирования от исследуемого объекта, а также посредничества между исследователем и исследуемым, есть возможность использовать ИИ в содержательном ключе (причем в прямой сцепке со всей традицией социологии знания и социологии науки) для детализированного и прицельного испытания непосредственной глубины пролегания внешних контуров знания экспертных сообществ.

Так, повторяя структуру Тьюринга, поместим ИИ вместо человека (который все же обладает не только общей осведомленностью, но еще самостью, которую всегда нужно учитывать в таких играх) на роль имитатора, сохраняя роли судьи и ответчика за экспертами или носителями специфического опыта. Результатом такого замещения становится качественно другой тип

метода, с другими социологически ценными целями и другим характером эпистемологического статуса. Дело в том, что ИИ: а) обладает энциклопедически полным (в идеальном случае) фактологическим корпусом знания о любой целевой группе в той степени, в которой это знание поддается формализации и дигитализации; б) для ИИ данное знание находится «всегда под рукой» и в условной равнодоступности и равнозаметности для использования.

Все это позволяет ИИ достигать ультимативного уровня формальной осведомленности о деталях соответствующего опыта и экспертизы, при этом не являясь носителем опыта или экспертом ни в каком социологически значимом смысле [Collins, Evans, Weinel et al., 2017] именно потому, что ИИ не проходил социализацию в коллективных практиках группы. Другими словами, ИИ априори не может иметь доступа к внутреннему знанию группы, так как внутреннее знание социально по природе получения [Collins, Evans, Weinel et al., 2017], а также это знание равнозаметно и формализованно для ИИ, а посему не может быть названо интуитивным и неформализуемым, что является ключевой чертой экспертности [Collins, Evans, Weinel et al., 2017; Dreyfus, 1992].

Получается, что все знание, которое доступно ИИ — это по своей предрасположенности *внешнее* знание, значит, по итогам игр оно будет оказываться недоступным для ИИ, а те принципы, по которым эксперты будут оказываться способными отличить *своего* от имитатора, будут составлять внутренний горизонт компетенций (который просто по общему знаменателю с ультимативной формальной осведомленностью ИИ будет оказываться на поверхности). Можно возразить, что хотя проигрыш ИИ в конкретной партии и может означать, что его (ИИ) напор формальной осведомленности не смог «сломить» неформализуемость внутренней экспертной интуиции, не стоит делать поспешный вывод об удачном схватывании корня внутреннего горизонта экспертного знания, поскольку массив данных, лежащих в основе ИИ, мог быть просто недостаточен, а значит эксперты могли просто переиграть ИИ в осведомленности в узкопрофильной сфере.

Несмотря на то, что такое замечание вполне справедливо и аргумент о мощности ИИ вполне валидный (тем не менее это скорее техническое ограничение), все же можно в ответ допустить, что если какие-то единицы информации являются недигитализируемыми и хотя бы в каком-то формализованном виде труднодоступными, они уже имеют шанс составлять как минимум пограничный контур внутреннего и внешнего экспертного знания (и, соответственно, балансировка ИИ на этой грани уже окажется порядочной мотивировкой для проверки как минимум наиболее очевидного фронта внешнего знания).

Куда более фундаментальная сложность, которая составила предмет полемики на тему ИИ между Г. Коллинзом и Г. Дрейфузом [Dreyfus, 1992], заключалась в допущении факта, что некоторые домены знания могут иметь такое эпистемологическое свойство, при котором они способны быть по своей природе более формализуемыми, чем другие, следовательно, предел,

в котором ИИ может вмешиваться в интерьеры внутреннего знания, может разниться от домена к домену. И ключевыми факторами, определяющими этот потенциал формализуемости, являются контекстуальность экспертного знания (контекстная чувствительность), историческая ситуированность и прямая зависимость от момента здесь и сейчас [Dreyfus, 1992], тогда как вневременные аналитические процедуры, завязанные на виртуальных и закрытых информационных системах, оказываются более успешно «схватываемы» ИИ. При учете характеристик отличий разных доменов знания получается более упорядоченно интерпретировать условия выигрыша ИИ, который, соответственно, будет означать, что исследователь имеет дело с полем экспертного знания, которое по своей природе имеет высокий уровень формализованности и низкую чувствительность к контексту и историческому моменту. Тем не менее и тут не стоит забывать, что даже в крайне формализованных и нечувствительных к контексту доменах знания (полагаясь на общие положения социальной феноменологии) неявным признаком экспертности может оказываться предрасположенность к совершению «правильных» ошибок, игнорированию «очевидных» вопросов и самопонятному (т.е. некритичному) отношению к (заметным лишь извне) противоречивым аспектам жизненного мира эксперта.

Таким образом, выходит, что ИИ как агент, лишенный социализации, возможности иметь экспертное и контекстно-чувствительное знание и основывающий свои высказывания на формализованных данных, имеет лиминальную позицию [Пинчук, 2025] между ультимативным обладателем формального знания (объем которого может превосходить даже объем знания эксперта) и агентом с интеракционным опытом (ввиду способности поддерживать коммуникацию с экспертами), однако, повторяюсь, полностью избавленным от возможности быть экспертом (в определении Коллинза) или иметь включенность в область внутреннего экспертного знания. Такая позиция делает из имитационной игры с ИИ в роли имитатора теоретически и методологически обоснованный метод, прицельно проверяющий пределы внешнего знания целевой экспертной группы и, соответственно, последовательно «выжимающий» признаки, которые оказываются основой для неявной реализации компетенций, интерьеризирующих внутреннее знание.

Стоит добавить, что помимо целей схватывания границ внутренних и внешних признаков экспертного знания, имитационные игры с привлечением ИИ можно использовать в режиме создания модели экспертного знания или особого опыта. ИИ с возможностью обучения можно тренировать на сессиях игр с целевой группой, в рамках которой проигрыш будет приводить к перенастройке потенциала языковой игры, которой будет владеть ИИ, предположительно, приводя к созданию модели знания целевой группы. Полученные результаты можно использовать в прикладных исследованиях и проектах (например, маркетинговых, UX, HR и т. п. областях), поскольку обученный на целевой группе ИИ может оказаться подручным и сравнительно бюджетным тестирующим и консультантом по необходимой теме (подобные

функции уже реализуются в рамках некоторых ИИ-агентов, где существуют обученные роли ИИ).

Отмечу некоторые ограничения такого метода имитационных игр. Во-первых, описанная процедура чувствительна к качеству промпта (то есть текстового условия правил, по которым ИИ должен будет отвечать на присылаемые ему вопросы): задание, формулируемое исследователем для ИИ-имитатора, неизбежно несет в себе предварительные допущения о характере изучаемой группы, а значит, частично предопределяет, какие признаки будут актуализированы в игре. Это не устраняет ценности метода, но требует отдельной рефлексии на этапе проектирования. Я сделал бы особый акцент на теме создания промпта, поскольку этот этап ныне является наименее проясненным: например, нужно ли в промпте указывать, чтобы ИИ отвечал *как человек*, нужно ли уточнять возраст этого человека, уровень образования, а также (что наиболее дискуссионно, исходя из личной практики) какая длина и стилистика ответа ожидается от ИИ (поскольку по умолчанию ИИ дает ответ стандартной длины на любые вопросы, нередко используя подпункты и непрямую речь)? Во-вторых, при интерпретации результатов исследователю необходима интеракционная экспертиза или же коммуникативная связка с носителями опыта, которую на первых этапах исследования не так просто заполучить, поэтому компетентный анализ нарративов имитационной игры невозможен по одному лишь факту реализации игр и статусу исследователя. В-третьих, технические особенности разных ИИ могут существенно занижать или завышать уровень фактологической доступности знания, что требует особого внимания при выборе модели ИИ. В-четвертых, необходимо учесть эстетически-символический аспект, связанный с «развлекательностью» метода, к организации которого можно ошибочно подойти несколько несерьезно (особенно учитывая ряд похожих имитационных игр в популярной культуре). Ситуация такова, что метод требует качественного погружения в культурные образцы изучаемого объекта, и принципы быстрой науки могут вредить как качеству получаемых результатов в рамках такого метода, так и исследуемому полю. Так или иначе, эта же черта «развлекательности» иногда помогает вовлекать экспертов в участие в социологической исследовательской практике.

Заключение

В данной статье я рассмотрел эпистемологическое напряжение, возникающее при попытке инкорпорировать генеративные модели ИИ (в узком смысле — в формате чата) в качественные социологические исследования, укорененные в интерпретативистской парадигме. Я показал, что если в количественных и вычислительных социальных науках ИИ (на первый взгляд) органично вписывается в идеал инструментального дистанцирования, восходящий к естественно-научному ориентиру XVII–XVIII вв. [Макинтайр, 1996], то для качественной традиции, требующей контекстной чувствительности

и близости к источнику субъективных смыслов [Kelly, 1964; Рождественская, 2012], использование ИИ создает методологический разрыв. В качестве теоретически обоснованного решения этого противоречия я обратился к традиции исследований экспертизы и опыта (SEE) [Collins, Evans, 2002] и, конкретнее, к методу имитационных игр, восходящему к работе математика, философа и пионера криптографии Алана Тьюринга [Turing, 1950]. Имитационные игры в своем классическом виде — метод, с помощью которого представителю экспертного знания предлагается благодаря формулировке вопросов и получению на них ответов угадать, кто из двух других участников тоже является экспертом, а кто, имитируя экспертность, им не является (в игре принимают участия три человека — два эксперта и один не-эксперт). Показано, что замена человека-имитатора на ИИ при сохранении на ролях судьи и ответчика носителей целевого (экспертного) опыта, переопределяет диагностическую функцию метода. ИИ, обладая ультимативной формальной осведомленностью о внешних, дигитализируемых аспектах экспертного знания (доступных для него в виде своего рода энциклопедии под рукой), принципиально лишен социализации и неявного знания, которое, согласно Дрейфусу [Dreyfus, 1992] и Коллинзу [Collins, Evans, Weinel et al., 2017], составляет ядро подлинной экспертизы. Благодаря этому имитационная игра с ИИ в роли имитатора превращается в инструмент эмпирической демаркации внешних и внутренних горизонтов знания. Проигрыш ИИ (неспособность обмануть судью-эксперта) указывает на наличие у изучаемой группы неформализуемых контекстно-чувствительных компетенций, тогда как выигрыш сигнализирует о высокой степени формализованности домена экспертного знания и, возможно, о низкой роли неявного знания в данном сообществе. Как подчеркивалось в полемике между Коллинзом и Дрейфусом, разные домены знания обладают разным потенциалом формализуемости, и предложенный метод позволяет операционализировать это различие.

Вместе с тем я выделил ряд ограничений метода. Во-первых, чувствительность метода к качеству промпта, который неизбежно несет в себе предварительные допущения исследователя. Во-вторых, необходимость обладания минимальным уровнем осведомленности об аспектах экспертного знания и языка у самого исследователя для адекватной интерпретации нарративов игры. В-третьих, техническая вариативность разных моделей ИИ, влияющая на объем доступного формального знания. Наконец, в-четвертых, «развлекательный» характер игровой процедуры, требующий осторожности, поскольку эта черта метода создает соблазн редуцировать сложность экспертного знания к развлекательной симуляции. Перспективы дальнейших исследований лежат в систематической разработке протоколов промптирования для имитационных игр с ИИ (вопрос, который я лишь обозначил); в апробации метода на различных доменах знания (естественнонаучных, технических, телесных, художественных и т. д.) для выявления связи между контекстной чувствительностью поля и «проходимостью» ИИ вглубь внутренних горизонтов знания; в использовании обучаемых языковых моделей ИИ не только как имитаторов, но и как средства для построения моделей экспертизы в прикладных целях

(маркетинг, HR, UX). Наконец, предложенный подход требует дальнейшей рефлексии о границах применимости: если ИИ когда-либо сможет успешно имитировать не только формальную осведомленность, но и интуитивные, «телесные» аспекты знания, это заставит пересмотреть сами критерии экспертности.

Таким образом, возвращение к замыслу Тьюринга, но уже с социологической, а не только компьютерно-инженерной точки зрения, позволяет не отвергать ИИ в качественных исследованиях, а использовать его как эпистемологический «пробник» для прощупывания границ между формализуемым и неформализуемым в коллективном опыте.

Литература / References

Давыдов Ю. Н. Сен-Симон: первоначальная версия позитивной науки об обществе // История теоретической социологии / Отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. Т. 1. М.: Канон, 1997. С. 3–496.

Davydov Yu.N. (1997) Sen-Simon: pervonachalnaya versiya pozitivnoy nauki ob obshchestve [Saint-Simon: The Original Version of the Positive Science of Society]. In: Davydov Yu.N. (ed.) *Istoriya teoreticheskoy sociologii* [History of Theoretical Sociology]. Vol. 1. Moscow: Kanon. P. 3–496. (In Russ.)

Иванов Д. В. Имитация глухих и слабослышащих: что доступно слышащим, а что — нет? // III Междисциплинарная конференция «Исследуя сообщество глухих». М.: ВШЭ, 2025.

Ivanov D.V. (2025) Imitatsiya gluhih i slaboslyshashchih: chto dostupno slyshashchim, a chto — net? [Imitation of the Deaf and Hard of Hearing: What is Accessible to Hearing People, and What is Not?]. In: *III Mezhdisciplinarnaya konferentsiya "Issleduya soobshchestvo gluhih"* [III Interdisciplinary Conference "Studying the Deaf Community"]. Moscow: VShE. (In Russ.)

Иванов Д. В., Десятко И. Ф. Библиометрические признаки как символические маркеры дисциплинарных границ: социологическая перспектива // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 27–51. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2627> EDN: JYHQOF

Ivanov D.V., Deviatko I. F. (2024) Bibliometric Indicators as Symbolic Markers of Disciplinary Boundaries: A Sociological Perspective. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6. P. 27–51. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2627>

Кожанов А. А. Обращение с аргументом «неявного знания» внутри «когнитивной» социологии науки // Давыдовские чтения. Исторические горизонты теоретической социологии / Под общ. ред. И. Ф. Десятко, Н. Орлова. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 56–68.

Kozhanov A. A. (2011) Obrashchenie s argumentom "neyavnogo znaniya" vnutri "kognitivnoy" sociologii nauki [Dealing with the "Tacit Knowledge" Argument within the "Cognitive" Sociology of Science]. In: Deviatko I. F., Orlova N. (eds.) *Davydovskie chteniya. Istoricheskie gorizonty teoreticheskoy sociologii* [Davydov Readings. Historical Horizons of Theoretical Sociology]. Moscow: Institut Sociologii RAN. P. 56–68. (In Russ.)

Кожанов А. А. Роль обыденной эпистемологии концептов при формировании ядра исследовательской программы социологии науки в 1970–80-е гг. // Вторые Давыдовские чтения. 2014. С. 333–343.

Kozhanov A. A. (2014) The Role of Everyday Epistemology of Concepts in Forming the Core of the Research Program of the Sociology of Science in the 1970s-80s. *Vtorye Davydovskie chteniya* [Second Davydov Readings]. P. 333–343. (In Russ.)

Макинтайр А. Факт, объяснение и компетенция // Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИС РАН— TEMPUS/TASIS, 1996. С. 117–128.

MacIntyre A. (1996) Fakt, obyasnienie i kompetenciya [Fact, Explanation and Expertise]. In: *Modeli obyasneniya i logika sociologicheskogo issledovaniya* [Models of Explanation and the Logic of Sociological Research]. Transl. by I. F. Devyatko. Moscow: IS RAN— TEMPUS/TASIS. P. 117–128. (In Russ.)

Моисеева А. А., Рождественская Е. Ю. Дневниковый метод в социологии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Vol. 17. № 3. P. 96–111. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.3.5> EDN: CROIPV

Moiseyeva A. A., Rozhdestvenskaya E. Yu. (2025) The Diary Method in Sociology. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 17. No. 3. P. 96–111. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.3.5> (In Russ.)

Пинчук О. В. На границе ролей: ролевая двойственность и лиминальное знание в полевой этнографии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Vol. 17. No. 4. С. 33–55. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.2> EDN: NUPEGW

Pinchuk O. V. (2025) On the Boundary of Roles: Role Duality and Liminal Knowledge in Field Ethnography. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 17. No. 4. С. 33–55. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.2> (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *Biograficheskiy metod v sociologii* [The Biographical Method in Sociology]. Moscow: Izd. dom NIU VShE. (In Russ.)

Christou P. A. (2023) How to Use Artificial Intelligence (AI) as a Resource, Methodological and Analysis Tool in Qualitative Research? *The Qualitative Report*. Vol. 28. No. 7. P. 1968–1980. DOI: <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2023.6406>

Collins H. (2004) Interactional Expertise as a Third Kind of Knowledge. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. Vol. 3. No. 2. P. 125–143. DOI: <https://doi.org/10.1023/B:PHEN.0000040824.89221.1a>

Collins H. (2025) Why Artificial Intelligence Needs Sociology of Knowledge: Parts I and II. *AI & Society*. Vol. 40. No. 3. P. 1249–1263. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-024-01954-8>

Collins H., Evans R. (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. *Social Studies of Science*. Vol. 32. No. 2. P. 235–296. DOI: <https://doi.org/10.1177/0306312702032002003>

Collins H., Evans R. (2019) *Rethinking Expertise*. Chicago: University of Chicago Press. DOI: <https://doi.org/10.7208/9780226113623>

Collins H., Evans R., Ribeiro R., Hall M. (2006) Experiments with Interactional Expertise. *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. Vol. 37. No. 4. P. 656–674. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2006.09.005>

Collins H., Evans R., Weinel M., Lyttleton-Smith J., Bartlett A., Hall M. (2017) The Imitation Game and the Nature of Mixed Methods. *Journal of Mixed Methods Research*. Vol. 11. No. 4. P. 510–527. DOI: <https://doi.org/10.1177/155868981561982>

Dreyfus H. L. (1992) Response to Collins, Artificial Experts. *Social Studies of Science*. Vol. 22. No. 4. P. 717–726.

Gieryn T. F. (1983) Boundary-Work and the Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 6. P. 781–795.

Grossmann I., Feinberg M., Parker D. C., Christakis N. A., Tetlock P. E., Cunningham W. A. (2023) AI and the Transformation of Social Science Research. *Science*. Vol. 380. No. 6650. P. 1108–1109. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.adi1778>

Kelly G. A. (1964) The Language of Hypothesis: Man's Psychological Instrument. *Journal of Individual Psychology*. Vol. 20. No. 2. P. 137–152.

Lamont M., Pendergrass S., Pachucki M. (2015) Symbolic Boundaries. In: J. D. Wright (ed.) *International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences*. 2nd ed. Oxford: Elsevier. Vol. 23. P. 850–855.

Turing A. M. (1950) Computing Machinery and Intelligence. *Mind*. Vol. 59. No. 236. P. 433–460. DOI: <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433>

Xu R., Sun Y., Ren M., Guo S., Pan R., Lin H., Han X. et al. (2024) AI for Social Science and Social Science of AI: A Survey. *Information Processing & Management*. Vol. 61. No. 3. P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2024.103665>

Сведения об авторе:

Иванов Данила Владимирович — магистр социологии, Международная лаборатория исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: d.ivanov@hse.ru. РИНЦ Author ID: 1306580; ORCID ID: 0000-0002-5242-5807; Researcher ID: ACL-8698-2022.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

Принята к публикации: 30.04.2026

.....

Imitation Games and Artificial Intelligence: Returning to the Roots of the Studies of Expertise and Experience (SEE) Project of the Third Wave of Sociology of Science

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.6

Danila V. Ivanov

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: d.ivanov@hse.ru

This article addresses a methodological contradiction that arises when attempting to incorporate artificial intelligence (AI) into qualitative sociological research grounded in the interpretivist paradigm. While in quantitative research, AI, at least at first glance, seamlessly fits into the natural-scientific ideal of “instrumental distancing”, for the qualitative tradition, which demands contextual sensitivity and proximity to the source of subjective meanings, the use of AI creates an epistemological rupture. As a theoretically grounded solution, I propose returning to Alan Turing’s classic conception, which addressed the problem of distinguishing human from machine thinking through the imitation game — a device that subsequently influenced the tradition of Studies of Expertise and Experience (SEE) developed by Harry Collins and Robert Evans. Reintroducing AI into the structure of the imitation game redefines the diagnostic function of the method: possessing ultimate formal familiarity but fundamentally lacking socialisation and tacit expert knowledge, AI enables the imitation game to be used as a tool for the empirical demarcation of the external (formalizable) and internal (intuitive, context-sensitive) horizons of expert knowledge. The presented structure of the method allows us to view AI as an epistemically

specific agent that deepens the understanding of the target group of individuals possessing specific experience.

Keywords: imitation game; sociology of science; sociology of scientific knowledge; ethnography; studies of expertise and experience; artificial intelligence

Author Bio:

Danila Ivanov — MA in Sociology, International Laboratory for Social Integration Research, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** d.ivanov@hse.ru. **RSCI Author ID:** [1306580](#); **ORCID ID:** [0000-0002-5242-5807](#); **Researcher ID:** [ACL-8698-2022](#).

Received: 15.04.2026

Accepted: 30.04.2026

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.4

EDN: BYQMLP

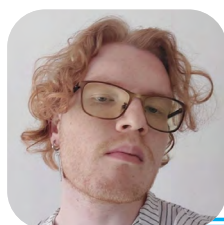
Этика использования искусственного интеллекта в качественных исследованиях¹

Ссылка для цитирования:

Богданов Т.В. Этика использования искусственного интеллекта в качественных исследованиях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 2. С. 30–50. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.4> EDN: BYQMLP

For citation:

Bogdanov T.V. (2026) The Ethics of Using Artificial Intelligence in Qualitative Research. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 2. P. 30–50. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.4>

Богданов Тарас Владимирович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
E-mail: tbogdanov@hse.ru

Статья посвящена этическим и методологическим аспектам использования искусственного интеллекта (ИИ) в качественных социологических исследованиях. Широкое применение генеративного ИИ в научных исследованиях запустило междисциплинарную дискуссию об инструментальной эффективности и моральной допустимости применения технологии в процессе получения научного знания. Наиболее активные дебаты ведутся в области социальных наук, в частности, среди исследователей, применяющих качественную методологию. Цель статьи — выявить векторы трансформации качественной методологии и очертить контуры новых этических дилемм, возникающих при делегировании интерпретативного труда нейросетям.

Формирование новой исследовательской этики рассматривается через пересечение двух векторов: институционального регулирования («сверху вниз») и адаптации ИИ в реальных полевых условиях исследователями («снизу вверх»). Показано, что ИИ переходит из статуса вспомогательного инструмента

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-018).

Автор выражает благодарности Рождественской Елене Юрьевне, а также рецензентам и коллегам, поддержавшим советами и рекомендациями.

в роль эпистемического медиума и со-исследователя, формируя модель гибридного (augmented) исследователя. Авторская позиция состоит в том, что этика использования ИИ не может быть сведена ни к нормативным запретам, ни к технооптимистическому принятию: продуктивным для исследователей, интегрирующих ИИ в свою практику, выступает принцип двойной рефлексивности. Главный вывод: этическое использование ИИ невозможно свести к формальным конвенциям. Решением выступает трансформация концепта методологической прозрачности из формальной декларации в подробный аудиторский след, фиксирующий все этапы взаимодействия алгоритма и исследователя, за которым сохраняется исключительная ответственность за валидность производимого социологического знания.

Ключевые слова: качественные исследования; генеративный искусственный интеллект; исследовательская этика; методологическая прозрачность; эпистемология социальных наук

Введение

Вопросы об этике применения генеративного ИИ на данный момент являются центральным элементом научных дебатов. Исследования сфокусированы на разных точках влияния ИИ на науку: множественности измерений разработки больших языковых моделей (LLM) и их влиянии на разные сферы жизни общества [Huang et al., 2023], проблемах разработки и предвзятости алгоритмов [Morley et al., 2020; Skotnicky et al., 2025; Ukanwa, 2024], ответственности при использовании и критическом мышлении [Lissack, Meagher, 2024; Reinhardt, 2023]. Также в работах рассматриваются разные векторы формирования этики как правил, налагаемых институтами [Perkins, Roe, 2024] и формируемых самим научным сообществом [Bedington et al., 2024; Kwon, 2025].

Часть исследований представляет собой скорее программные тексты, основанные на текущей академической дискуссии, и предлагает рассматривать разные точки влияния ИИ на науку: демократизацию [Jungherr, 2023], появление новых научных дисциплин [Jouye et al., 2021], изменение «режимов» эпистемологии [Demuro, Gurney, 2024]. Фактические работы об использовании ИИ и формировании новой этики в науке чаще всего принимают междисциплинарный характер [Dwivedi et al., 2023], что затрудняет изучение особенностей трансформации определенных сфер науки и исследовательских направлений. Существующие дисциплинарные исследования скорее предлагают поднимать вопросы инструментальной полезности больших языковых моделей и не стремятся делать выводы о влиянии на свою область в целом из-за отсутствия измеримых показателей [Драч, Торкунова, 2025; Grossmann et al., 2023]. О влиянии как таковом можно судить, например, по работам, в которых ИИ не только декларируется как инструмент, но где авторы пишут про его использование также с методологической и этической стороны.

Рассмотрение аспектов использования и декларации ИИ наиболее актуально для социальных наук, которые, по оценкам ряда исследований, могут быть в наибольшей зоне риска [Ara, Dash, 2026], в частности, для качественных исследований. В рамках этой работы мы опираемся на определение П. Асперса и У. Корте [Aspers, Corte, 2019], согласно которому качественное исследование рассматривается по четырем критериям: процессу создания различий, процессу нелинейного конструирования исследования, процессу налаживания близости, процессу углубленного понимания.

Данные критерии подчеркивают критическую важность человеческой рефлексии в производстве знания и выступают аналитической оптикой для оценки текущих трансформаций качественной методологии. Сегодня эта область уже переживает внутренний кризис: стремление к ускорению публикационного процесса все чаще приводит к поверхностному анализу и редукции глубокого понимания до механического кодирования. В этом контексте активное использование практик ИИ (от автоматизированного транскрибирования и генеративного кодирования до использования LLM в качестве интервьюера) вторгается в самую суть заявленных критериев. Делегирование аналитических задач алгоритму ставит под вопрос процесс сближения, отдаляя исследователя от данных и заменяя эмпатическое погружение алгоритмической оптимизацией.

Но при алгоритмизации качественной методологии в фокус внимания исследователей попадают новые этические вопросы, связанные с применением ИИ. Несмотря на наличие формальных предписаний, ограничений и инструкций по использованию технологии, исследовательская практика может отходить от них, что конфликтует с этическими нормами, распространенными в академической среде.

Поэтому в статье предлагается рассмотреть четыре основных вопроса:

1. Какие общие практики применения и регулирования ИИ складываются в научном дискурсе?
2. Какие вызовы, точки трансформации и проблемы выделяются в области качественной методологии в связи с использованием ИИ на данный момент?
3. Как исследователи используют ИИ в качественных исследованиях?
4. Как формируется этика использования ИИ в качественных исследованиях?

Прежде чем раскрыть первые три позиции, обозначим этический процесс как имеющий два направления: режим «снизу вверх», при котором исследователи формируют этику в процессе применения технологии, конструируя пределы возможного и выделяя из этого допустимое; и режим «сверху вниз», при котором они работают с уже существующим сводом правил и рекомендаций, которые обуславливают их практику применения нового инструмента. Два направления могут сосуществовать и часто сталкиваются, а процесс формирования исследовательской этики происходит, как мы покажем далее, в результате взаимодействия двух режимов конструирования. Мы дополняем эту рамку соответствием критерию рефлексивности, в частности, двойной

рефлексивности [Штейнберг и др., 2009], которую мы можем отнести к режиму «снизу вверх», а также критерием объективации субъекта П. Бурдые [Бурдые, 2011], когда исследователь сам становится объектом исследования, проблематизируя свое эпистемологическое позиционирование.

Соответственно, наша цель — выявить векторы трансформации качественной методологии и очертить контуры новых этических дилемм, возникающих при делегировании интерпретативного труда искусственному интеллекту. Авторская позиция, представленная в статье, состоит в следующем: этика использования ИИ в качественных исследованиях не может быть сведена ни к нормативным запретам, ни к технооптимистическому принятию. Признавая правомерность «отказной» стратегии [Jowsey et al., 2025], мы тем не менее полагаем, что для исследователей, интегрирующих ИИ в свою практику, единственно продуктивным решением является его рефлексивное использование, опирающееся на принцип двойной рефлексивности и реализуемое через подробный аудиторский след. Задача статьи — внести вклад в развитие научной дискуссии, касающейся практических аспектов использования технологий ИИ и, исходя из обзора актуальной литературы, выработать основные векторы изменения этики качественных социальных исследований.

ИИ и научные исследования

Помимо программных текстов, пытающихся отстоять или пересмотреть концепты академической добросовестности и этики (см., например, [Balalle, Pannilage, 2025; Blau et al., 2024]), ключевым направлением исследования влияния ИИ на научные работы является изучение возможностей применения LLM и прочих видов технологий ИИ, а также анализ уже существующих практик применения в исследовательском поле.

Наиболее известным видом ИИ является генеративный, т. е. способный благодаря обучению на большом массиве данных генерировать текст. Одной из главных задач применения ИИ в научной сфере также является работа с текстом: анализ научной литературы для написания соответствующих обзоров; редактирование текстов, перевод и оформление по определенному формату; получение отзывов (фидбека) или рецензирование [Bolaños et al., 2024; Cheng, 2025; Feng, 2024; Victor et al., 2023]. Эти форматы использования ИИ позволяют автоматизировать начальные этапы исследований (отбор литературы, понимание поля), из-за чего фокус исследователя смещается преимущественно на последующие этапы (сбор данных, проведение систематических литературных обзоров и т. д.).

Возможность получить помощь ИИ в переводе и оформлении текстов позволяет большему количеству авторов иметь доступ к зарубежным (в частности, североамериканским и европейским) академическим рынкам [Giglio, Costa, 2023], что подтверждается в отдельных кейсах декларации использования ИИ для перевода и прюфридинга [Stoker et al., 2025]. Влияние такого применения оценивается амбивалентно на данный момент: это может как

улучшить научную коммуникацию между исследователями и усилить международное сотрудничество, так и сформировать предвзятое отношение к авторам со слабым знанием английского языка.

Получение отзывов и критики при написании работ — важная часть научной коммуникации. Многими учащимися ИИ воспринимается как альтернатива научному руководству [Ren et al., 2025], помогает преодолеть страх чистого листа [Gordijn, Have, 2023; Vallis et al., 2025]. ИИ-инструменты ускоряют процесс написания работы, трансформируя привычные практики долгого погружения в исследовательское поле в возможность быстро, но поверхностно ознакомиться с материалом для формирования траекторий поиска.

Рецензирование как процесс институционально закрепленного отзыва-оценки о проделанной работе также претерпевает изменения, теперь оно требует такой же жесткой регуляции использования ИИ, как и написание научных материалов [Mollaki, 2024].

Генерация текста является наиболее дискутируемым вопросом применения ИИ, причем как в плоскости отношений между автором и текстом [Dergaa et al., 2023; Nguyen et al., 2024; Van Niekerk et al., 2025; Watson et al., 2025], так и в сфере юридических прав на данные и материал, полученные в результате аналитической обработки, но более всего — в поле ответственности за результаты исследования [Ivanov, 2025]. В связи с трансформацией научного этоса и научной добросовестности, ученые негативно относятся к «чистой» генерации текста без критического осмысления написанного [Kwon, 2025; Tao, Shen, 2025], а академические регуляторы в виде научных институций (высших учебных заведений, издательств и журналов) уже сформулировали принципы разграничения авторства ИИ и человека [Ara, Dash, 2026; Perkins, Roe, 2024]. Согласно им, генеративный ИИ не может являться автором работы, вся ответственность за представляемый материал лежит на исследователе, который пользовался этим инструментом.

В использовании ИИ на этапе анализа данных уже заметна динамика от начальных попыток применения технологии для написания литературных обзоров и редактирования текста к ключевому процессу — научному поиску. Некоторые авторы рассматривают дополнительный шаг — переход к использованию алгоритма в качестве помощника в систематическом обзоре литературы [Burger et al., 2023]. Отмечается, что необходимо фиксировать разные этапы включения ИИ в систематический обзор литературы:

- 1) инструктированный (briefed): текстовые промпты указывают на необходимость выполнения определенной задачи, содержат ее описание и необходимый формат;
- 2) информированный (informed): LLM получает сырые данные, обрабатывает их, но не генерирует выполнение задачи;
- 3) синтезированный (synthesized): LLM начинает работу с данными и выполняет задачи, предварительно заданные исследователем.

Различение этих этапов важно для того, чтобы создавать определенный нарратив исследования, сохранять токены, а также обеспечивать возможность воспроизведения результатов исследования. Однако за этим может стоять

и более широкий вопрос методологической прозрачности и обеспечения валидности того, как используется ИИ и почему выбран такой путь обработки данных.

Одной из положительных черт синтезированного этапа использования ИИ является возможность улучшить категоризацию и кластеризацию данных. Но некоторые исследователи утверждают, что ИИ не способен выстраивать семантические связи и демонстрировать понимание, необходимое для работы с научными публикациями [Van Manen, 2023], показывая, что это поле нагружено противоречивыми позициями и ожиданиями от применения ИИ, и далеко не все разделяют технооптимизм.

Социологические исследования являются одновременно работой с данными и текстами и непосредственным взаимодействием с людьми. Герменевтика, как и некоторые модели анализа интеракций, трактует действие человека как квазитекст, то есть композицию субъективных смыслов индивидов и попыток их реконструкции со стороны исследователя [Рикер, 2008]. Поэтому методологическая прозрачность в документации исследования особенно важна при работе с людьми [Purvis, Crawford, 2024], в частности для реконструкции рефлексии субъекта познания. Рамочное информированное согласие — это одновременно и формальное закрепление характера отношений между сторонами, и гарантия безопасности, и проявление заботы о человеке, согласившемся принять участие в исследовании. Со стороны исследователя важно четкое обозначение цели использования данных, при том что он имеет право не описывать методы обработки предстоящей беседы респонденту. С привлечением ИИ для обработки данных подобное согласие сложнее получить, ведь самой частой ассоциацией с генеративным ИИ является метафора черного ящика (black box), которая означает, что пользователю недоступна информация о том, как организации-разработчики обрабатывают промпты и прикрепляемые данные [Grossmann et al., 2023; Ivanov, 2025; Zajko, 2022].

Черный ящик ИИ имеет отсылку и к установкам самих разработчиков [Morley et al., 2020]. Часто это рассматривается в геополитическом поле противостояния двух ведущих государств мира: США и Китая, которые являются лидерами в разработке и применении ИИ. Многие авторы утверждают, что искусственный интеллект подвержен идеологиям разных политических режимов: ИИ может не отвечать на неудобные вопросы или генерировать текст, который может исказить репрезентацию социально-политического контекста и взглядов целых групп населения [Ukanwa, 2024]. Одним из решений данной проблемы выступает применение ИИ внутри контура национальных разработок, которые стали доступнее и получили необходимую инфраструктуру (серверы, открытые датасеты) [Spirling, 2023].

Позиции исследователей, применявших ИИ, разделяются на два лагеря: одни отмечают эффективность и улучшение в виде углубления понимания, детальной проработки содержательных частей процесса исследования [Salah et al., 2023], тогда как другие обращают внимание на предвзятость даже не интервьюера (т. н. эффект интервьюера), а самого алгоритма, обученного на данных предыдущих исследований, отбор которых не контролируется

исследователем [Zhou et al., 2023]. При этом нельзя утверждать, что эти позиции существуют отдельно друг от друга: преимущества использования ИИ признаются и декларируются даже на институциональном уровне, но по-прежнему встречаются предостережения и дискутируется этика подобного использования технологии.

Проверить, насколько добросовестно исследователь отнесся к задаче ручной проверки результатов, является дополнительной проблемой, из-за чего возникают риски появления сомнительных научных результатов. Гарантии не даст даже экспертный взгляд специалистов по работе с текстом, что осложняет регуляцию использования ИИ в научных публикациях [Casa, Kessler, 2023].

Применение ИИ сегодня предполагает синтез двух форматов: не только ранее описанной генерации материала на основе данных и исследовательского ввода, но и создания новых данных, имитирующих ответы живых респондентов. Второй формат является новым шагом в использовании генеративных моделей, но получает больше критики, поскольку исследователь не может ответственно говорить о методологической прозрачности данного эксперимента из-за ранее упомянутого эффекта черного ящика. Многие авторы указывают на искаженную репрезентацию определенных групп, которые менее представлены в сети интернет [Epstein et al., 2023; Nguyen M. et al., 2026], другие же пытаются обосновать, что при самостоятельном обучении нейронной сети (например, на данных лонгитюдного исследования или с использованием ИИ с открытым исходным кодом (open-sourced AI) [Spirling, 2023]) можно получить более точный инструмент разведывательного анализа [Dillion, 2023]. Технология имеет возможность структуризации жизненного пути респондента, но не может выделить субъективно значимые ключевые события, которые формируют биографию.

Итак, существующие исследования в целом создают картину того, каким образом ИИ изменяет поле исследований: они сводятся к процессам квантификации и повышения эффективности. Область изучения применения ИИ в науке предполагает переход от общих обзоров и выработки нормативного фундамента для регулирования и оценки целесообразности использования технологии к изучению конкретных кейсов применения и выделению паттернов интеграции технологии в практику.

Качественные исследования сегодня

Для понимания того, как ИИ интегрируется в качественную методологию, необходимо рассмотреть, какую форму принимают современные качественные социальные исследования, хотя отследить трансформационные процессы сложно, что указывает на адаптивный характер качественных исследований и их большое разнообразие [Yadav, 2022].

На уровне теоретической рефлексии о меняющемся облике качественных исследований развивается дискуссия о возвращении к теории и восприятию

качественного исследования как итеративного процесса. Первое является ответом на тенденцию производства литературных обзоров по критериям научных журналов, в результате чего исследователи зачастую не используют уже имеющиеся аналитические рамки и анализируют данные поверхностно. А. Джексон и Л. Маззеи [Jackson, Mazzei, 2022] предлагают новую возможность использования теории для повышения качества исследований. Авторы утверждают, что исследовательский процесс является итеративным процессом пересборки: влияние данных на теорию и теории — на данные; использование разных аналитических фреймворков (триангуляции [Donkoh, 2023]) и т. д. [Jackson, Mazzei, 2022]. На итеративный характер качественных исследований указывают и другие авторы [Aspers, Corte, 2019], о возвращении к теории говорят Коллинз и Штоктон [Collins, Stockton, 2018].

В области качественных исследований до сих пор идут методологические споры о достоверности результатов научных работ. Дженис М. Морс считает, что определение надежности, или строгости, качественной методологии является ключевым элементом контроля за результатами исследования, предлагая значимые методические рекомендации для исследователей, в числе которых: получение надежных данных; глубокое погружение в поле; отчетность и аудит сбора данных [Morse, 2015].

В другой своей статье автор указывает на кризис контроля за качественными исследованиями, эксплицируя проблемы ограничений сбора данных, незавершенности исследований и сокрытия отклонений от формальных критериев [Morse, 2020]. При этом подчеркивается, что качественные исследования являются не жесткой алгоритмической работой, а сложным концептуальным трудом. Один из ключевых примеров разрешения такого кризиса — привлечение нескольких кодировщиков для решения проблемы неконтролируемой субъективности результатов [Morse, 2020: 4], что проблематизирует интерпретативный характер исследования, в котором автор, проводивший интервью, читавший и кодировавший эти материалы, имеет более глубокое понимание собственной работы и результатов, чем внешний кодировщик. Это стимулирует качественные исследования к более продуманной аналитической рамке, а также рефлексии относительно ответственности за финальную интерпретацию данных. Другие авторы поддерживают идеи Морс, но также настаивают на строгости не как системе чек-пойнтов, а как на итеративном процессе самоконтроля исследователя [Johnson et al., 2020].

В эпоху интеграции цифровых технологий в социальные процессы качественные исследования меняют форматы: проводятся качественные опросы [Braun et al., 2021], разрабатываются методологии для онлайн-интервью [Humphries et al., 2022], а также применяются инструменты для ускорения работы с данными [Bryda, Costa, 2023]. Исследователи отмечают обогащение качественной методологии, при этом во многом предостерегая ученых и указывая на то, что исследователь не заменяется программами, они работают в тандеме для повышения качества анализа [Vindrola-Padros, Johnson, 2020].

Хотя данный обзор не охватывает всю литературу по изменениям в качественных исследованиях, можно увидеть, что вопросы трансформации

эпистемологии и методологии научной работы актуализируются при развитии цифровых технологий и практик их использования. Авторы отстаивают позицию качественных исследований как процесса построения глубокого понимания поля, последним словом в описании, анализе и интерпретации которого владеет исключительно исследователь, определяющий методологию получения и обработки данных. В свою очередь, от исследователя, использующего качественную методологию, сегодня требуется не только владение навыками проведения интервью и выхода в поле, методологией анализа и интерпретации и умение применять другие важные когнитивные способности, но и наличие определенных технических компетенций (работа с ПО, программирование и т. д.).

Практика применения ИИ в качественных исследованиях

Использование технологий ИИ в качественных исследованиях в целом совпадает с теми трендами, которые выделялись ранее, однако специфика практик интеграции ИИ наблюдается в анализе данных. Часть корпуса современных статей фокусируется на методологических аспектах использования ИИ в качественных исследованиях. Отличие их от прямой практики заключается в том, что они опираются скорее на вопросы не эффективности, а эпистемологических поворотов и этики, разворачивая рефлексию по поводу характера трансформации методов и их влияния на исследовательское поле.

Исследователи утверждают, что ИИ напрямую влияет на качественное исследование уже сейчас. Анализ с помощью технологий ИИ дает возможность открытия новых знаний посредством структурирования ранее неструктурированных данных [Kalanda, Cheboi, 2025]. Ключевой находкой, в частности, является трансформация процесса получения знания от модели «человек — человек» к модели гибридного (augmented) исследователя, использующего ИИ, на которого налагается дополнительная ответственность за результат, а значит, более явно эксплицируются требования к методологической прозрачности и итеративности процесса работы с качественными данными [Eryaman, 2025]. Несколько лет назад в академической среде наблюдался эпистемологический протекционизм [Dergaa et al., 2023; Van Noorden, Perkel, 2023; Xu et al., 2024], сейчас он сменился фазой адаптации и обучения использованию новых инструментов.

Некоторые авторы размышляют о гибридности путем присуждения ИИ, на первый взгляд, агентных характеристик. Так появилось понятие «ИИ как со-исследователь» [Costa et al., 2025]. Технология переходит из разряда инструмента в новую плоскость эпистемического медиума — источника новых данных, идей и возможностей, требующего особого понимания цели использования и ответственности исследователя. Агентность ИИ возникает тогда, когда исследователь отходит от использования технологии как простого инструмента и начинает наделять его субъектностью, обнаруживая в нем более глубокие возможности рецензирования, обзора, дополнительного

кодирования и поиска необходимых инсайтов, ставя под вопрос, за кем финальное слово. Парадоксально, но таким образом исследователи снимают дискуссию о чрезмерной субъективности человека в качественном исследовании, замещая ее новыми вопросами субъективной и распределенной ответственности. Не способен ли это переложить ответственность на ИИ?

Другая работа тестирует концепт «со-этнограф» [Retkowski et al., 2025]. Исследователи создали сквозную систему (пайплайн) для обработки качественных данных и сравнили ее с результатами работы двух кодировщиков-людей. Результаты показали, что ИИ не является полноценной заменой человеку, но позволяет обогатить исследование новыми перспективами. В рассматриваемой работе Ретковски и коллеги также предлагают здесь сфокусироваться на положении технологии как эпистемического медиума, чей продукт и посредничество в создании знания необходимо подвергать критике и относиться с долей скептицизма.

Исследователи, предложившие концепт со-этнографии, встречают активную оппозицию в сообществе антропологов и этнографов. Так, в работе С. Виттборна [Witteborn, 2026] обозначен ряд недостатков использования ИИ в этнографических исследованиях. Автор указывает на то, что технология не может производить значения и взаимодействовать, она не является полноценным участником поля, скорее, предлагает новый взгляд, сформированный с помощью векторного пространства, а не субъективного его проживания. Отчасти это связано с характером этнографических исследований, в которых наличие физического тела в определенном пространстве является важным эпистемологическим элементом [Blackie, Lockett, 2025]. Мы предлагаем рассматривать эту позицию ИИ как со-аналитика, который обрабатывает данные и предлагает взгляд с позиции семантического количественного анализа.

Важной частью данных методологических обзоров является внедрение ИИ в формальную документацию, сопровождающую качественные исследования. Несколько работ рассматривают возможность интеграции ИИ в нормативную структуру научных исследований [Barrera et al., 2025; Eryaman, 2025]. В частности, исследователи предлагают пересмотр системы COREQ (Consolidated Criteria for Reporting Qualitative Research [Tong et al., 2007]) для включения в нее ИИ по типу прочих нормативных документов, регулирующих научную деятельность. Помимо этого, предлагается внести правки в пункты об обучении (пункт 5), методологической прозрачности (пункт 9), включая обоснование и декларирование использования ИИ в процессах транскрибирования и кодирования (пункты 19 и 24), рецензирования тем, выделенных нейросетью (пункты 25 и 26). Редакция документа может принести пользу исследовательскому сообществу благодаря легитимации использования ИИ в качественных исследованиях, а также позволит улучшить процесс обучения ИИ в исследованиях.

Общей чертой многих обзоров выступает отстаиваемая центральная роль человека в исследовательском процессе. То, что ранее в качественном исследовании принималось как обязательное условие работы, проводимой исследователем с обследуемыми, сейчас становится важным эпистемологическим

аргументом, ведь именно благодаря человеческому взгляду, его агентности и принятию ответственности при использовании ИИ открытие проходит этапы первичной легитимации и валидации. Результаты, продуцируемые технологиями ИИ, необходимо подвергать тщательной проверке, ведь дополнение, которое повышает эффективность исследования, является и новой частью научного процесса. С. Пинк придает огромное значение рефлексии по поводу изменений самой эпистемологии качественной работы, а не только инструментальному пониманию процесса [Pink, 2025].

Часть корпуса статей освещает практическое применение ИИ в конкретных качественных исследованиях. Стоит указать, что граница между методологическими и практическими статьями достаточно условная: если первая группа статей строит рекомендации, исходя из нормативных представлений о стандартах исследования, то вторая стремится апробировать инструмент на практике.

На данный момент существует широкий выбор генеративных моделей для использования в исследованиях. Безусловно, чаще всего обзоревают применение ChatGPT как наиболее ранней разработки, запустившей волну создания новых инструментов (Claude, LLaMA² и т. д.) [Bijker et al., 2024; Morgan, 2023; Retkowski et al., 2025]. При этом уже запущенные программы для автоматизации процессов анализа данных в качественных исследованиях (ATLAS.ti) получают обновления, в которых интегрируются специализированные модели ИИ [Barrera et al., 2025; Kabir et al., 2025]. Также наблюдаются продвижения в сфере разработки собственных алгоритмов автоматического анализа текстовых данных [Luongo et al., 2025].

Транскрибирование интервью и прочих данных качественных исследований с помощью ИИ принимает разные форматы: исследователи сравнивают индуктивные и дедуктивные стратегии кодирования [Bijker et al., 2024]; предзадают коды для открытого кодирования с помощью ИИ [Barrera et al., 2025]; ограничивают кодирование и анализ интервью с помощью четкой теоретической рамки [Rodrigues Dos Anjos et al., 2024]. Ранее упомянутое исследование, вводящее концепт ИИ как со-этнографа, также делает вывод о том, что индуктивное кодирование с помощью ИИ требует большего числа итераций и проверок, нежели предзаданная оптика дедуктивной стратегии обработки интервью [Retkowski et al., 2025]. Другие авторы упоминают, что при сравнении ручного и машинного кодирования было обнаружено большое количество согласованных кодов [Yue et al., 2025].

Но что в отношении интерпретации? Здесь исследователи склоняются скорее к ограниченному использованию ИИ. Проблема интерпретации, выявления паттернов и глубокой обработки неструктурированных данных сохраняется со времен первых публичных моделей ChatGPT [Morgan, 2023] и отмечается в более современных работах [Goyanes et al., 2025; Hitch, 2024]. Ограничения преодолеваются новыми моделями использования технологии

² LLaMA (Large Language Model Meta AI) разработана компанией Meta AI, признанной экстремистской и запрещенной на территории Российской Федерации.

и переосмыслением эпистемологии, что было описано ранее на примере работ про ИИ как со-исследователя, однако такая рамка требует дополнительной доработки и по-прежнему признает ограниченные интерпретативные возможности генеративных моделей с условием сверки результатов при тонкой настройке интерпретативной оптики или более разработанных промптах, а также при сравнении результатов с ручным кодированием [Yue et al., 2025].

Почти все исследования сходятся в высокой оценке эффективности ИИ. Использование ИИ позволяет преодолеть некоторые ограничения органического интеллекта (например, усталость) [Luongo et al., 2025], увидеть закономерности, которые могли быть проигнорированы в ходе кодирования интервью [Rodrigues Dos Anjos et al., 2024]. Увеличение скорости обработки информации и возможность получения дескриптивного анализа интервью в целом дают преимущества. Однако в глубоком анализе ИИ значительно проигрывает интеллекту человека: технология может не распознавать сарказм, метафоры и сложные языковые игры [Goyanes et al., 2025; Hitch, 2024]; возникают галлюцинации и требуется сложная настройка для их купирования [Bijker et al., 2024; Yue et al., 2025; Kabir et al., 2025]; сохраняется зависимость от ограничений модели [Yue et al., 2025] или обнаруживаются внешние идеологические и политико-контекстуальные факторы.

Таким образом, накопившиеся за небольшое время использования ИИ исследования демонстрируют, что ИИ в качественных исследованиях функционирует прежде всего как инструмент дополнения, а не замещения: он эффективен на этапах предобработки данных, первичного кодирования и выявления поверхностных паттернов, однако требует постоянного участия исследователя для обеспечения контекстуальной валидности и глубины интерпретации. Именно эта зависимость от человека на всех этапах применения ИИ актуализирует вопросы, выходящие за рамки технической эффективности: если исследователь сохраняет финальную ответственность за аналитические выводы, то как распределяется ответственность за ошибки, допущенные на этапе автоматизированной обработки? Какие новые риски возникают при передаче сенситивных данных сторонним платформам? И каким образом эпистемологические основания качественного исследования — рефлексивность, контекстуальность, этическая ориентированность на участника — могут быть сохранены при интеграции инструментов, чьи внутренние механизмы принятия решений часто остаются непрозрачными?

Вопросы этики использования ИИ в качественных исследованиях

Во всех рассмотренных выше статьях авторы в том или ином виде затрагивают вопросы этики. Если на уровне науки в целом наблюдается анализ общих аспектов (конфиденциальности данных при использовании коммерческих моделей ИИ, плагиата и прозрачности), то дискуссия внутри исследований, использующих качественную методологию, фокусируется на более конкретных

вопросах. Как было указано ранее, этика применения ИИ в качественной методологии формируется на пересечении двух векторов: нормативного предписания («сверху вниз») и адаптации в полевых условиях («снизу вверх»). Переход технологии в статус эпистемического медиума и со-исследователя делает традиционные этические протоколы недостаточными, требуя пересмотра самого понимания исследовательской ответственности.

Пересмотр регуляторов в сфере качественных исследований обсуждается в формате правок в COREQ — одного из ключевых гайдлайнов по обеспечению прозрачности и валидности в качественных исследованиях [Barrera et al., 2025]. При этом уже существующие документы международного уровня (предписания ООН, международных организаций развития по типу OECD, регламент Европейского Союза об использовании ИИ) задают основное направление регулирования ИИ: обеспечение конфиденциальности предоставляемых алгоритму данных [Li et al., 2024] и ответственное использование сгенерированных результатов [Lissack, Meagher, 2024]. Обсуждается переход от макрорегулирования к контролю на местах, т. е. к институциональному регулированию. Одним из таких механизмов регуляции ИИ в исследованиях должны выступить этические комиссии, в компетенцию которых должно встраиваться и рассмотрение использования технологий ИИ в исследованиях [Nguyen-Trung, 2025; Yue et al., 2025].

Если построение этики «сверху вниз» является уже отлаженным процессом, то этика «снизу вверх» является более сложным феноменом. Отчасти это связано с тем, что метафора черного ящика распространяется не только на сами алгоритмы, но и на практику неявного применения ИИ. Работы, к которым мы обращались ранее, представляют собой лишь верхушку айсберга — в них напрямую говорится о том, как надо использовать ИИ, тогда как большая часть работ, фактически применяющих технологию, может пренебрегать данными требованиями [Fessenko, Jasperse, 2025]. Это формирует поле для спекуляций и размышлений о том, насколько добросовестно исследователи применяют ИИ и почему они не заявляют о его использовании в своих работах.

Позиция радикального отказа из-за наличия пространства для спекуляций получила широкое распространение в академических дебатах. Коллективное письмо авторов 419 качественных исследований об их осознанном отказе от использования ИИ [Jowsey et al., 2025] стало одним из наиболее ярких случаев реализации технопессимизма в социальных исследованиях. В письме декларируется, что качественные методы должны использоваться только людьми. Один из аргументов связан с идеологическими аспектами обучения технологии, ведь производство научного знания должно быть объективным и не ангажированным политическими системами. Вторым важным направлением письма является критика возможности технологии создавать смыслы. Примечательно, что авторы не предлагают компромиссного варианта, не рассматривают альтернатив. Мы предполагаем, что в ситуации, когда ИИ напрямую влияет на равенство возможностей исследований, модель важно обучать работе с новыми инструментами, а не баррикадироваться путем выстраивания жесткого контура защиты эпистемологии и этики. Более того,

разработка методических рекомендаций и пересмотр роли генеративных моделей могут решить часть эпистемологических вопросов по поводу природы знания, получаемого с помощью ИИ. Критицизм и скептицизм по отношению к сгенерированному знанию уже активно декларируются как основополагающие принципы применения технологии в качественных исследованиях [Pink, 2025], что создает базу этической регуляции «снизу вверх».

Подобное рефлексивное отношение к использованию ИИ является, на наш взгляд, наиболее предпочтительной практикой формирования этики «снизу вверх», которая представляет собой привычный формат научной коммуникации и обучения. Ранее упомянутый принцип двойной рефлексивности здесь трансформируется: исследователь должен проводить некоторый аудит не только себя и объекта изучения, но и алгоритма, который он использует для исследования, из-за чего наиболее этически допустимыми технологиями становятся собственные специализированные разработки. Исходя из этого жесткое регулирование и табуирование скорее уведут практику в серую зону, заставляя исследователей декларировать что-то допустимое, но не сообщать о своих провалах, способах их решения и т. д.

Отдельные вопросы, например, проблема использования синтетических данных, остаются на пересечении двух направлений формирования этики исследований. С одной стороны, генерация симулятивных нарративов, или цифровых персон (эпистемологическая практика «снизу вверх»), подрывает фундаментальные онтологические основания качественной методологии, так как синтетический текст лишен аутентичного социального опыта и исключает процесс налаживания близости исследователя и информанта. С другой стороны, эта практика создает слепую зону для институциональной регуляции («сверху вниз»): традиционные комитеты по этике выстраивают свою работу вокруг сохранения нормативных представлений об исследовании и защиты прав реальных людей, и на данный момент не обладают концептуальным аппаратом для оценки рисков репрезентации и предвзятости в исследованиях, базирующихся исключительно на алгоритмических галлюцинациях и идеологизации определенных распространенных моделей ИИ. Таким образом, статус синтетических данных в качественной социологии требует одновременной выработки нормативных определений и глубокой методологической рефлексии о границах применимости.

Связующим звеном, способным примирить институциональные требования и исследовательскую практику, становится концепт методологической и методической прозрачности. В контексте применения ИИ прозрачность перестает быть просто формальным требованием декларации инструмента при подаче статьи (регуляция «сверху вниз»). Она трансформируется во внутренний критерий валидности самого качественного исследования (практика «снизу вверх»), предполагающий детальное протоколирование того, на каком именно этапе интерпретации применялся алгоритм (инструктированный, информированный или синтезированный), какие промпты использовались для кодирования, как осуществлялась ручная сверка полученных результатов с оригинальными данными и осуществлялась ли она в принципе. Только

через трансформацию прозрачности из бюрократического чек-листа в подробный аудиторский след аналитического процесса возможно обеспечить этическую чистоту качественного исследования в условиях делегирования части когнитивного труда машинному интеллекту.

Заключение

Использование ИИ в социальных исследованиях поставило новые вопросы об эпистемологии и этике науки, что запустило обширные дебаты в поле качественных исследований. В данной статье мы рассмотрели текущий дискурс вокруг применения ИИ в науке в целом, основные практики использования технологии и процессы, в которые она встраивается. В проведенном обзоре представлена актуальная повестка, касающаяся дискуссии вокруг базовых принципов качественной методологии с методическими рекомендациями и кейсами применения ИИ. Этические аспекты в виде двух направлений построения принципов качественного исследования — «сверху вниз» и «снизу вверх» — соединяются в точке методологической и методической прозрачности использования ИИ, при том что до сих пор существует сильная оппозиция применению технологии.

Один из самых проблемных вопросов сейчас касается декларации и методической прозрачности использования инструмента. Метафора черного ящика усиливается из-за структурного давления на авторов, которые не указывают специфики использования инструмента из-за табуированности самого факта применения ИИ в научной работе, особенно настолько индивидуальной, как качественное исследование. Также существующие принципы рефлексивности и объективации исследователя как познающего субъекта нагружаются новыми задачами с распознаванием зон ответственности. Важно понимать изменение медиума эпистемологии из-за крайне человекоцентричного характера качественного исследования, требующего понимания и объекта изучения, и его субъекта.

Мы считаем, что формирование этики со стороны исследователей должно осуществляться с помощью критического мышления и рефлексивного использования ИИ, а не только с опорой на нормативные положения. Каждый исследователь может задаться вопросом о целесообразности применения технологии прежде, чем применить ее. Однако для этого он должен иметь свободу действия (ее обеспечивают отсутствие жестких запрещающих норм и негативных санкций), чтобы обучаться и приобщаться к технологии, давать собственную оценку. Нормативной регуляцией здесь может выступить обучение использованию ИИ, объяснение новых правовых отношений с респондентами и компаниями-разработчиками ИИ и реальных рисков исследователей. Поэтому данные академические дебаты и представляют особую важность, ведь в таком формате научной коммуникации создается возможность рассмотрения актуального опыта коллег, что также предопределяет рефлексивное использование технологии без нарушения этических конвенций науки.

Литература / References

- Бурдые П. Включенная объективация // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 21–38. DOI: <https://doi.org/10.38085/2308829X-2011-2-21> EDN: PBDUPP
- Bourdieu P. (2011) Participant Objectivation. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2. P. 21–38. (In Russ.)
- Драч В. Е., Торкунова Ю. В. Использование генеративного искусственного интеллекта для социологических исследований // Дискурс. 2025. Т. 11. № 1. С. 52–70. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70> EDN: BQIOAX
- Drach V. E., Torkunova Yu. V. (2025) The Use of Generative Artificial Intelligence for Sociological Research. *Diskurs* [Discourse]. Vol. 11. No. 1. P. 52–70. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70> (In Russ.)
- Рикер П. Модель текста: Осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 25–43. DOI: <https://doi.org/10.38085/2308829X-2008-7-1-25> EDN: JWUSCX
- Ricoeur P. (2008) The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 7. No. 1. P. 25–43. (In Russ.)
- Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы: полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009.
- Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (2009) *Kachestvennyye metody: polevye sotsiologicheskie issledovaniya* [Qualitative Methods: Field Sociological Research]. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Ara A., Dash S. (2026) Sustainable AI Integration in Research: Ethics, Equity, and Long-Term Impact. *AI and Ethics*. Vol. 6. No. 1. P. 105. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-025-00966-4>
- Aspers P., Corte U. (2019) What is Qualitative in Qualitative Research. *Qualitative Sociology*. Vol. 42. No. 2. P. 139–160. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11133-019-9413-7>
- Balalle H., Pannilage S. (2025) Reassessing Academic Integrity in the Age of AI: A Systematic Literature Review on AI and Academic Integrity. *Social Sciences & Humanities Open*. Vol. 11. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101299>
- Barrera B., Feliu A., Espina C., Brand T., Zeeb H., Ahmed F. (2025) Leveraging AI to Enhance Qualitative Research: Experiences and Recommendations from Case Studies in Cancer Prevention Literacy Across the European Union. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 24. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069251365766>
- Bedington A., Halcomb E. F., McKee H. A., Sargent T., Smith A. (2024) Writing with Generative AI and Human-Machine Teaming: Insights and Recommendations from Faculty and Students. *Computers and Composition*. Vol. 71. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compcom.2024.102833>
- Bijker R., Merkouris S. S., Dowling N. A., Rodda S. N. (2024) ChatGPT for Automated Qualitative Research: Content Analysis. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 26. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.2196/59050>
- Blackie M., Luckett K. (2025) Embodiment Matters in Knowledge Building. *Science & Education*. Vol. 34. No. 2. P. 717–730. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11191-024-00506-2>
- Blau W., Cerf V. G., Enriquez J., Francisco J. S., Gasser U., Gray M. L., Greaves M., Grosz B. J., Jamieson K. H., Haug G. H., Hennessy J. L., Horvitz E., Kaiser D. I., London A. J., Lovell-Badge R., McNutt M. C., Minow M., Tom M. M., Ness S., Parthasarathy S., Perlmutter S., Press W. H., Wing J. M., Witherell M. (2024) Protecting Scientific Integrity in an Age of Generative AI. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 121. No. 22. P. 1–3. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2407886121>
- Bolaños F., Salatino A., Osborne F., Motta E. (2024) Artificial Intelligence for Literature Reviews: Opportunities and Challenges. *Artificial Intelligence Review*. Vol. 57. No. 10. P. 1–57. DOI: <https://doi.org/10.10462-024-10902-3>
- Braun V., Clarke V., Boulton E., Davey L., McEvoy C. (2021) The Online Survey as a Qualitative Research Tool. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 24. No. 6. P. 641–654. DOI: <https://doi.org/10.1080/13645579.2020.1805550>
- Bryda G., Costa A. P. (2023) Qualitative Research in Digital Era: Innovations, Methodologies and Collaborations. *Social Sciences*. Vol. 12. No. 10. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci12100570>

- Burger B., Kanbach D.K., Kraus S., Breier M., Corvello V. (2023) On the use of AI-Based Tools Like ChatGPT to Support Management Research. *European Journal of Innovation Management*. Vol. 26. No. 7. P. 233–241. DOI: <https://doi.org/10.1108/EJIM-02-2023-0156>
- Casal J.E., Kessler M. (2023) Can Linguists Distinguish between ChatGPT/AI and Human Writing?: A Study of Research Ethics and Academic Publishing. *Research Methods in Applied Linguistics*. Vol. 2. No. 3. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rmal.2023.100068>
- Cheng D. (2025) Leveraging ChatGPT for Research Writing: An Exploration of ESL Graduate Students' Practices. *Computers and Composition*. Vol. 76. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compcom.2025.102934>
- Collins C.S., Stockton C.M. (2018) The Central Role of Theory in Qualitative Research. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 17. No. 1. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/1609406918797475>
- Costa A.P., Bryda G., Christou P.A., Kasperuniene J. (2025) AI as a Co-Researcher in the Qualitative Research Workflow: Transforming Human-AI Collaboration. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 24. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069251383739>
- Demuro E., Gurney L. (2024) Artificial Intelligence and the Ethnographic Encounter: Transhuman Language Ontologies, or What It Means "To Write Like a Human, Think Like a Machine". *Language & Communication*. Vol. 96. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2024.02.002>
- Dergaa I., Chamari K., Zmijewski P., Ben Saad H. (2023) From Human Writing to Artificial Intelligence Generated Text: Examining the Prospects and Potential Threats of ChatGPT in Academic Writing. *Biology of Sport*. Vol. 40. No. 2. P. 615–622. DOI: <https://doi.org/10.5114/biolsport.2023.125623>
- Dillion D. (2023) Can AI Language Models Replace Human Participants? *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 27. No. 7. P. 597–600. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2023.04.008>
- Donkoh S. (2023) Application of Triangulation in Qualitative Research. *Journal of Applied Biotechnology & Bioengineering*. Vol. 10. No. 1. P. 6–9. DOI: <https://doi.org/10.15406/jabb.2023.10.00319>
- Dwivedi Y.K., Kshetri N., Hughes L., et al. (2023) Opinion Paper: "So What If ChatGPT Wrote It?" Multidisciplinary Perspectives on Opportunities, Challenges and Implications of Generative Conversational AI for Research, Practice and Policy. *International Journal of Information Management*. Vol. 71. P. 1–63. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2023.102642>
- Epstein Z., Hertzmann A., the Investigators of Human Creativity (2023) Art and the Science of Generative AI. *Science*. Vol. 380. No. 6650. P. 1110–1111. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.adh4451>
- Eryaman M.Y. (2025) The Evolving Landscape of Qualitative Research: Exploring the Potential and Navigating the Challenges of Artificial Intelligence. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 24. P. 1–3. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069251400178>
- Feng G.C. (2024) Best Practices for Responsibly Using AI Tools in Social Sciences Research. *Cogent Social Sciences*. Vol. 10. No. 1. P. 1–2. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311886.2024.2420484>
- Fessenko D.S., Jasperse A. (2025) Ethics at the Heart of AI Regulation. *AI and Ethics*. Vol. 5. No. 3. P. 3387–3398. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00562-y>
- Giglio A.D., Costa M.U.P.D. (2023) The Use of Artificial Intelligence to Improve the Scientific Writing of Non-Native English Speakers. *Revista Da Associação Médica Brasileira*. Vol. 69. No. 9. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1590/1806-9282.20230560>
- Gordijn B., Have H.T. (2023) ChatGPT: Evolution or revolution? *Medicine, Health Care and Philosophy*. Vol. 26. No. 1. P. 1–2. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11019-023-10136-0>
- Goyanes M., Lopezosa C., Jordá B. (2025) Thematic Analysis of Interview Data with ChatGPT: Designing and Testing a Reliable Research Protocol for Qualitative Research. *Quality & Quantity*. Vol. 59. No. 6. P. 5491–5510. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-025-02199-3>
- Grossmann I., Feinberg M., Parker D.C., Christakis N.A., Tetlock P.E., Cunningham W.A. (2023) AI and the Transformation of Social Science Research. *Science*. Vol. 380. No. 6650. P. 1108–1109. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.adi1778>
- Hitch D. (2024) Artificial Intelligence Augmented Qualitative Analysis: The Way of the Future? *Qualitative Health Research*. Vol. 34. No. 7. P. 595–606. DOI: <https://doi.org/10.1177/10497323231217392>

Huang C., Zhang Z., Mao B., Yao X. (2023) An Overview of Artificial Intelligence Ethics. *IEEE Transactions on Artificial Intelligence*. Vol. 4. No. 4. P. 799–819. DOI: <https://doi.org/10.1109/TAI.2022.3194503>

Humphries N., Byrne J.-P., Creese J., McKee L. (2022) "Today Was Probably One of the Most Challenging Workdays I've Ever Had": Doing Remote Qualitative Research with Hospital Doctors During the COVID-19 Pandemic. Vol. 32. No. 10. P. 1557–1573. DOI: <https://doi.org/10.1177/10497323221106294>

Ivanov S. (2025) Responsible Use of AI in Social Science Research. *The Service Industries Journal*. P. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/02642069.2025.2537115>

Jackson A. Y., Mazzei L. A. (2022) Thinking with Theory in Qualitative Research. 2nd ed. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315667768>

Johnson J. L., Adkins D., Chauvin S. (2020) A Review of the Quality Indicators of Rigor in Qualitative Research. *American Journal of Pharmaceutical Education*. Vol. 84. No. 1. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.5688/ajpe7120>

Jowsey T., Braun V., Clarke V., Lupton D., Fine M. (2025) We Reject the Use of Generative Artificial Intelligence for Reflexive Qualitative Research. *Qualitative Inquiry*. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800425140>

Joyce K., Smith-Doerr L., Alegria S., Bell S., Cruz T., Hoffman S. G., Noble S. U., Shestakofsky B. (2021) Toward a Sociology of Artificial Intelligence: A Call for Research on Inequalities and Structural Change. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. Vol. 7. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1177/2378023121999581>

Jungherr A. (2023) Artificial Intelligence and Democracy: A Conceptual Framework. *Social Media + Society*. Vol. 9. No. 3. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/20563051231186353>

Kabir S. M. A., Ali F., Ahmed R. L., Sulaiman-Hill R. (2025) Exploring the Use of AI in Qualitative Data Analysis: Comparing Manual Processing with Avidnote for Theme Generation. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 24. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069251336810>

Kalanda B. F., Cheboi A. J. (2025) Artificial Intelligence in the Analysis of Unstructured Qualitative Data: A Literature Review. *Advances in Social Sciences Research Journal*. Vol. 12. No. 8. P. 199–205. DOI: <https://doi.org/10.14738/assrj.1208.19286>

Kwon D. (2025) A Nature Survey of 5,000 Researchers Finds Contrasting Views on When It's Acceptable to Involve AI in Research Papers and What Needs to Be Disclosed. *Nature*. Vol. 641. P. 574–578.

Li K., Wu H., Dong Y. (2024) Copyright Protection During the Training Stage of Generative AI: Industry-Oriented U.S. Law, Rights-Oriented EU Law, and Fair Remuneration Rights for Generative AI Training under the UN's International Governance Regime for AI. *Computer Law & Security Review*. Vol. 55. P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.106056>

Lissack M., Meagher B. (2024) Responsible Use of Large Language Models: An Analogy with the Oxford Tutorial System. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. Vol. 10. No. 4. P. 389–413. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sheji.2024.11.001>

Luongo M., Ponticorvo M., Ligorio M. B., Crescenzo P., Ritella G. (2025) Artificial Intelligence to Enhance Qualitative Research: Methodological Reflections on a Pilot Study. *Journal of Educational, Cultural and Psychological Studies (ECPS Journal)*. No. 30. P. 6. DOI: <https://doi.org/10.7358/ecps-2024-030-luon>

Mollaki V. (2024) Death of a reviewer or death of peer review integrity? The Challenges of Using AI Tools in Peer Reviewing and the Need to Go Beyond Publishing Policies. *Research Ethics*. Vol. 20. No. 2. P. 239–250. DOI: <https://doi.org/10.1177/17470161231224552>

Morgan D. L. (2023) Exploring the Use of Artificial Intelligence for Qualitative Data Analysis: The Case of ChatGPT. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 22. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069231211248>

Morley J., Floridi L., Kinsey L., Elhalal A. (2020) From What to How: An Initial Review of Publicly Available AI Ethics Tools, Methods and Research to Translate Principles into Practices. *Science and Engineering Ethics*. Vol. 26. No. 4. P. 2141–2168. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11948-019-00165-5>

- Morse J.M. (2015) Critical Analysis of Strategies for Determining Rigor in Qualitative Inquiry. *Qualitative Health Research*. Vol. 25. No. 9. P. 1212–1222. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732315588501>
- Morse J.M. (2020) The Changing Face of Qualitative Inquiry. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 19. P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1177/1609406920909938>
- Nguyen A., Hong Y., Dang B., Huang X. (2024) Human-AI Collaboration Patterns in AI-Assisted Academic Writing. *Studies in Higher Education*. Vol. 49. No. 5. P. 847–864. DOI: <https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2323593>
- Nguyen M., Zhang Y., Bu Y., Belk R. (2026) Generative AI in Academic Research Activities: The Hidden Side of Self-Detrimental Consumption. *International Journal of Information Management*. Vol. 87. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2025.103024>
- Nguyen-Trung K. (2025) ChatGPT in Thematic Analysis: Can AI Become a Research Assistant in Qualitative Research? *Quality & Quantity*. Vol. 59. No. 6. P. 4945–4978. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-025-02165-z>
- Perkins M., Roe J. (2024) Academic Publisher Guidelines on AI Usage: A ChatGPT Supported Thematic Analysis. *F1000Research*. Vol. 12. P. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.12688/f1000research.142411.2>
- Pink S. (2025) Artificial Intelligence and the Futures Turn: An Anticipatory Infrastructure for Qualitative Methods. *Qualitative Research in Psychology*. P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/14780887.2025.2570167>
- Purvis A.J., Crawford J. (2024) Ethical Standards in Social Science Publications. *Journal of University Teaching and Learning Practice*. Vol. 21. No. 9. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.53761/hqnqr710>
- Reinhardt K. (2023) Trust and Trustworthiness in AI Ethics. *AI and Ethics*. Vol. 3. No. 3. P. 735–744. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00200-5>
- Ren X., Zheng W., Zhang M. (2025) Navigating Cognitive Dissonance: Master's Students' Experiences with ChatGPT in Dissertation Writing. *Frontiers in Psychology*. Vol. 16. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1542559>
- Retkowski F., Sudmann A., Waibel A. (2025) The AI Co-Ethnographer: How Far Can Automation Take Qualitative Research? *Proceedings of the 5th International Conference on Natural Language Processing for Digital Humanities*. P. 73–90. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/2025.nlp4dh-1.8>
- Rodrigues Dos Anjos J., De Souza M. G., Serrano De Andrade Neto A., Campello De Souza B. (2024) An Analysis of the Generative AI Use as Analyst in Qualitative Research in Science Education. *Revista Pesquisa Qualitativa*. Vol. 12. No. 30. P. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.33361/RPQ.2024.v.12.n.30.724>
- Salah M., Al Halbusi H., Abdelfattah F. (2023) May the Force of Text Data Analysis Be with You: Unleashing the Power of Generative AI for Social Psychology Research. *Computers in Human Behavior: Artificial Humans*. Vol. 1. No. 2. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbah.2023.100006>
- Skotnicky P., Puccio A., Das S. (2025) The AI Compass: Navigating Ethical Dilemmas in Tech-Driven Sustainability. *Generative AI for a Net-Zero Economy*. Singapore: Springer. P. 111–128. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-96-8015-3_7
- Spirling A. (2023) Why Open-Source Generative AI Models are an Ethical Way Forward for Science. *Nature*. Vol. 616. No. 7957. P. 413. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-023-01295-4>
- Stoker A., Masná E., Kvasničková K., Novotný J. (2025) Uncomfortable Geographies of Research Ethics: A View from the Academic Semi-Periphery. *Geoforum*. Vol. 166. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2025.104426>
- Tao Y., Shen Q. (2025) Academic Discourse on ChatGPT in Social Sciences: A Topic Modeling and Sentiment Analysis of Research Article Abstracts. *PLOS One*. Vol. 20. No. 10. P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0334331>
- Tong A., Sainsbury P., Craig J. (2007) Consolidated Criteria for Reporting Qualitative Research (COREQ): A 32-Item Checklist for Interviews and Focus Groups. *International Journal for Quality in Health Care*. Vol. 19. No. 6. P. 349–357. DOI: <https://doi.org/10.1093/intqhc/mzm042>
- Ukanwa K. (2024) Algorithmic bias: Social Science Research Integration through the 3-D Dependable AI Framework. *Current Opinion in Psychology*. Vol. 58. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2024.101836>

Vallis C., Wilson S., Casey A. (2025) Fear and Awe: Making Sense of Generative AI Through Metaphor. *Journal of Interactive Media in Education*. Vol. 2025. No. 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.5334/jime.972>

Van Manen M. (2023) What Does ChatGPT Mean for Qualitative Health Research? *Qualitative Health Research*. Vol. 33. No. 13. P. 1135–1139. DOI: <https://doi.org/10.1177/10497323231210816>

Van Niekerk J., Delpont P.M.J., Sutherland I. (2025) Addressing the Use of Generative AI in Academic Writing. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. Vol. 8. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2024.100342>

Van Noorden R., Perkel J.M. (2023) AI and Science: What 1,600 Researchers Think. *Nature*. Vol. 621. No. 7980. P. 672–675. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-023-02980-0>

Victor B.G., Sokol R.L., Goldkind L., Perron B.E. (2023) Recommendations for Social Work Researchers and Journal Editors on the Use of Generative AI and Large Language Models. *Journal of the Society for Social Work and Research*. Vol. 14. No. 3. P. 563–577. DOI: <https://doi.org/10.1086/726021>

Vindrola-Padros C., Johnson G.A. (2020) Rapid Techniques in Qualitative Research: A Critical Review of the Literature. *Qualitative Health Research*. Vol. 30. No. 10. P. 1596–1604. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732320921835>

Watson S., Brezovec E., Romić J. (2025) The Role of Generative AI in Academic and Scientific Authorship: An Autopoietic Perspective. *AI & SOCIETY*. Vol. 40. No. 5. P. 3225–3235. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-024-02174-w>

Witteborn S. (2026) Ethnography and Artificial Intelligence: The Question of Context. *Annals of the International Communication Association*. Vol. 50. No. 1. P. 66–74. DOI: <https://doi.org/10.1093/anncom/wlaf026>

Xu R., Sun Y., Ren M., Guo S., Pan R., Lin H., Sun L., Han X. (2024) AI for Social Science and Social Science of AI: A Survey. *arXiv*. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2401.11839>

Yadav D. (2022) Criteria for Good Qualitative Research: A Comprehensive Review. *The Asia-Pacific Education Researcher*. Vol. 31. No. 6. P. 679–689. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40299-021-00619-0>

Yue Y., Liu D., Lv Y., Hao J., Cui P. (2025) A Practical Guide and Assessment on Using ChatGPT to Conduct Grounded Theory: Tutorial. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 27. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.2196/70122>

Zajko M. (2022) Artificial Intelligence, Algorithms, and Social Inequality: Sociological Contributions to Contemporary Debates. *Sociology Compass*. Vol. 16. No. 3. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/soc4.12962>

Zhou L., Rudin C., Gombolay M., Spohrer J., Zhou M., Paul S. (2023) From Artificial Intelligence (AI) to Intelligence Augmentation (IA): Design Principles, Potential Risks, and Emerging Issues. *AIS Transactions on Human-Computer Interaction*. Vol. 15. No. 1. P. 111–135. DOI: <https://doi.org/10.17705/1thci.00185>

Сведения об авторе:

Богданов Тарас Владимирович — студент магистратуры, стажер, Институт статистических исследований и экономики знаний, Центр статистики и мониторинга информационного общества и цифровой экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** tbogdanov@hse.ru. **ORCID ID:** [0009-0006-4818-9318](https://orcid.org/0009-0006-4818-9318).

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

Принята к публикации: 30.04.2026

.....

The Ethics of Using Artificial Intelligence in Qualitative Research³

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.4

Taras V. Bogdanov HSE University, Moscow, Russia
E-mail: tbogdanov@hse.ru

The article addresses the ethical and methodological aspects of using artificial intelligence (AI) in qualitative sociological research. The widespread use of generative AI in scientific research has sparked an interdisciplinary debate regarding the instrumental efficiency and moral permissibility of applying this technology in the processes of acquiring scientific knowledge. The most active debates are taking place within the social sciences, particularly among researchers employing qualitative methodology. The aim of this article is to identify the vectors of qualitative methodology transformation and to outline the contours of new ethical dilemmas arising from delegating interpretative labour to neural networks.

The formation of a new research ethics is examined through the intersection of two vectors: institutional regulation (“top-down”) and the adaptation of AI in actual field conditions (“bottom-up”). It is shown that artificial intelligence is transitioning from the status of an auxiliary tool to the role of an “epistemic medium” and “co-researcher”, shaping the model of the augmented researcher. The author’s position, developed throughout the article, is that the ethics of AI use cannot be reduced either to normative prohibitions or to techno-optimistic acceptance: for researchers integrating AI into their practice, the productive path lies in reflexive use grounded in the principle of double reflexivity. As a main conclusion, it is argued that the ethical use of AI cannot be reduced to formal conventions. The proposed solution is the transformation of the methodological transparency concept from a formal declaration into a detailed “audit trail” documenting all stages of interaction between the algorithm and the researcher, who retains exclusive responsibility for the validity of the sociological knowledge produced.

Keywords: qualitative research; generative artificial intelligence; research ethics; methodological transparency; epistemology of social sciences

Author bio:

Taras V. Bogdanov — Master’s Student, Research Assistant, Centre for Statistics and Monitoring of Information Society and Digital Economy, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: tbogdanov@hse.ru. **ORCID ID:** [0009-0006-4818-9318](https://orcid.org/0009-0006-4818-9318).

Received: 15.04.2026

Accepted: 30.04.2026

³ This article is an output of a research project HSE-BR-2025–018 implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

The author would like to thank Elena Yu. Rozhdestvenskaya, as well as the reviewers and colleagues for their comments and suggestions.

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.1
EDN: KYIMJG

Тестирование возможностей искусственного интеллекта для изучения жизненного пути методом автобиографий

Ссылка для цитирования:

Андреевкова А. В. Тестирование возможностей искусственного интеллекта для изучения жизненного пути методом автобиографий // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 2. С. 51–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.1> EDN: KYIMJG

For citation:

Andreenkova A.V. (2026) Testing of AI-generated Autobiographies for Studying the Life Course. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 2. P. 51–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.1>

Андреевкова Анна Владимировна

Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ),
Москва, Россия

E-mail: anna.andreenkova@cessi.ru

В экспериментальном исследовании были протестированы возможности использования искусственного интеллекта (ИИ) для создания социально типичных автобиографий россиян и проведения на их основе анализа жизненных путей и социальных процессов. Автобиографии людей одного поколения (1960–1975 годов рождения), сгенерированные с помощью разных ИИ-платформ, сравнивались с автобиографиями реальных респондентов этого же поколения, собранными в рамках проекта «Жизненный путь поколения, взрослого в 1990-е — G90» в 2024–2025 годах. ИИ-автобиографии помогают существенно упростить использование метода социологических автобиографий, избежать проблем с низкой кооперацией со стороны респондентов, этических трудностей, пропусков информации и логических ошибок, сократить время и затраты на сбор данных. Но были выявлены существенные отличия ИИ-автобиографий от реальных по полноте, стилю, языку, набору включенных жизненных событий, представлению прошлого и будущего. В ИИ-автобиографиях верно отражается нормативно закрепленное ядро жизненно-событийной матрицы, но существенно переоценивается стандартизация жизненного

пути, не учитываются многообразие жизненных выборов и групповые различия — гендерные, образовательные и социально-экономические. Данные ИИ не позволяют сделать правильные выводы о таких социальных процессах, как соотношение стандартизации и индивидуализации жизненных путей, о типах геомобильности, новых семейных и профессиональных траекториях и сокращении линейности, динамике социального неравенства. Выводы на основе ИИ-автобиографий приводят к упрощению социальных процессов и игнорированию того, что еще не является общепринятым знанием. Использование ИИ-автобиографий как эмпирического материала имеет низкую надежность. Однако ИИ-данные могут использоваться как аналитический инструмент при работе со сложными данными о жизненном пути. На основе сравнений реальных и искусственно созданных автобиографий удалось существенно расширить методические знания о социологических автобиографиях как методе, определить возможные и невозможные сценарии жизненных путей в конкретных социально-исторических условиях, влияние социальной нормативности на биографическую информацию.

Ключевые слова: жизненный путь; социологические автобиографии; искусственный интеллект; социологические методы; качество социологической информации; методическое тестирование; социальные изменения; социальные тренды

Изучение поведения, установок, мнений и оценок людей, а также индивидуальных и социальных изменений через анализ жизненного пути людей является относительно новым подходом в социальных науках. При таком подходе жизненный путь рассматривается в его целостности, события, траектории и переходы представляются единым динамическим процессом, что позволяет анализировать долгосрочное влияние исторических событий, политических решений, экономической политики на положение, поведение и субъективные оценки людей [Elder, 1995].

Основными методами получения эмпирических данных о жизненном пути являются лонгитюдные опросы и биографические исследования. Каждый из этих методов имеет свои сильные и слабые стороны [Андреенкова, 2024]. Лонгитюдные методы как вид синхронного сбора данных дают возможность получить информацию с высокой измерительной надежностью, но организационные сложности такого метода очень велики. Время для получения лонгитюдной информации течет с той же скоростью, что и жизнь исследователя, некоторые данные приходится ждать десятилетиями, требуются большие ресурсы и стабильная во времени исследовательская инфраструктура. Биографические методы — автобиографии, биографии, биографические интервью и «календари жизни» в формализованных опросах — позволяют получить ретроспективные данные в любой момент времени, однако под вопросом оказывается надежность измерений. Хотя история биографических методов в науке значительно длиннее, чем история лонгитюдных опросов [Thomas,

Znanecski, 1919], выйти за пределы анализа «естественных документов» [Козлова, 2004], или биографий отдельных элитных групп, производить такую информацию специально для исследовательских целей удавалось только в последние три десятилетия. Наибольшее внимание при этом как в российской, так и в международной науке уделялось методу биографических глубинных интервью [Bertaux, 1991; Schutze, 2008; Рождественская, 2012]. Изучение автобиографий как социологического метода находится еще в самом начале, хотя при использовании современных технологических достижений этот метод становится все более перспективным для изучения жизненного пути.

Социологическая автобиография: применение и проблемы

Под социологической автобиографией мы предлагаем понимать описание жизненного пути самим респондентом в свободной форме в виде текста или устного рассказа. В отличие от автобиографий литературных, официальных или мемуарных, они создаются специально в определенный исследователем момент времени для научных целей, читателем выступает анонимный исследователь, соблюдаются общие условия для написания автобиографии — правила, формат, следование инструкции, методы передачи. Результаты тестирования метода социологических автобиографий в рамках проекта «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е — лонгитюдное исследование через 30 лет (G90)» «Жизненный путь поколения, взрослого в 1990-е — G90» показали широкие возможности этого метода для изучения жизненно-событийной матрицы, последовательности и взаимосвязей разных событий и сфер жизни. Но также были выявлены ограничения, связанные с низкой кооперацией при построении случайных выборок, высокой когнитивной нагрузкой на респондентов, проблемами конфиденциальности и анонимности, ошибками измерения (влиянием памяти и контекста), большой вариативностью в качестве данных между респондентами, а также трудоемкостью при сборе и обработке, высокой субъективностью анализа [Андреенкова, 2025]. Такие ограничения являются серьезным барьером для более широкого использования социологических автобиографий как эмпирической основы для изучения жизненного пути.

Одной из возможностей решить хотя бы часть этих проблем является использование новых технологий. В последние несколько лет ведутся эксперименты по использованию ИИ в производстве социологических данных *виртуальными*, или *синтетическими*, респондентами. На основе обучения на данных, полученных от реальных респондентов, и общей информационной базы о человеческом поведении, ИИ моделирует поведение, предсказывает реакции и оценки респондентов из разных социальных групп, ответы на конкретные вопросы об электоральном выборе, потребительском поведении [Bisbee, Clinton, Dorff et al., 2024]. В России изучались возможности проведения фокус-групп с синтетическими респондентами [Дмитриева, 2025]. Можно

предположить, что ИИ способен сгенерировать автобиографии виртуальных россиян, используя большие данные — информацию о жизненном пути людей из социальных сетей, блоги, аналитические статьи, а также демографическую и экономическую статистику, медиасообщения об исторических событиях, изменениях в законодательстве, институтах и других контекстуальных сферах, влияющих на жизнь людей. В случае успеха ИИ-автобиографии могли бы заменить реальных респондентов и существенным образом повысить эффективность этого метода для социологического анализа. Такой подход сразу ведет к сомнениям и критике, в первую очередь в отношении измерительного качества такой информации — ее валидности, достоверности, отражения реального жизненного разнообразия. Но разрешить или подтвердить такие сомнения можно только доказательным экспериментальным путем.

Метод тестирования ИИ-автобиографий

Чтобы протестировать возможности ИИ для создания социологических автобиографий, проведено экспериментальное исследование на основе сравнения искусственно сгенерированных и реальных автобиографий.

База данных ИИ-автобиографий была создана с помощью пяти разных ИИ-платформ: DeepSeek, ChatGPT, Google Gemini, YandexGPT и GigaChat по заданию и характеристикам, сходным с теми, что были использованы для сбора автобиографий от реальных респондентов¹. Всего было создано 100 автобиографий в марте 2025 года (подготовка базы данных проведена ведущим научным сотрудником ЦЕССИ А. А. Медведевой). Для сравнения использовались реальные автобиографии россиян, собранные в рамках проекта «Жизненный путь поколения, взрослевшего в 1990-е — G90» в 2024–2025 годах: 100 автобиографий представителей возрастной когорты 1960–1975 годов рождения из разных социально-демографических, экономических и географических групп. Выборки ИИ-сгенерированных и реальных автобиографий сходны по базовым структурным параметрам, кроме образования. Среди ИИ-респондентов оказалось больше людей с высшим образованием, чем в реальной выборке, что само по себе является важным методическим результатом, так как критерий образования не использовался в задании для ИИ (структура выборок представлена в приложении 1).

¹ Генерация автобиографий выполнялась в октябре 2025 года в стандартных (базовых) конфигурациях всех перечисленных моделей без изменения параметров *temperature / creativity / memory* и без специальных режимов: ChatGPT (GPT-4o, OpenAI), DeepSeek (актуальная версия, режим чата по умолчанию), Google Gemini (Gemini 2.0 Flash, базовая температура), YandexGPT (нейтральный режим), GigaChat (стандартная инсталляция). Использование базовых настроек было выбрано специально, чтобы провести тестирование содержания текстов без дополнительного влияния параметров креативности или памяти. Также не использовалась функция поиска в сети (отключена или не включалась в моделях Gemini и ChatGPT). Реальные автобиографии проекта G90 не были доступны ИИ на момент генерации. Задание для всех моделей ИИ было одинаково. Выбор моделей основывался на идее включения разных подходов к созданию текстов. Например, ChatGPT часто использовал сценарий бизнес-успеха, YandexGPT — мотивацию в советских терминах, DeepSeek — детальное описание бытовых событий. Генерация одной автобиографии занимала около 12–15 секунд.

По результатам эксперимента планировалось получить ответ на основной исследовательский вопрос: насколько сходны или различны автобиографии, написанные реальными и виртуальными респондентами; можно ли заменить реальные автобиографии виртуальными и если нет, то почему? На этом этапе не ставилась задача научить ИИ производить автобиографии более высокого качества, чем первоначальное, а лишь зафиксировать и понять особенности и определить потенциальные возможности ИИ в этой области.

Реальные и виртуальные автобиографии: методические аспекты

Использование ИИ для создания социологических автобиографий помогло решить целый ряд задач: снять ограничения по кооперации со стороны респондентов, увеличить скорость подготовки автобиографий (несколько часов вместо многих недель), избежать проблем с сохранением конфиденциальности и защитой частной информации. ИИ-автобиографии не содержат пропусков информации, хронологически и содержательно логичны, не имеют смещений из-за проблем памяти. Такие автобиографии существенно облегчали процесс обработки: они были подготовлены в стандартной текстовой форме, все тексты были разборчивы и написаны правильным языком, не требующим индивидуальной расшифровки. С организационной точки зрения ИИ-автобиографии позволили решить многие проблемы, возникающие при сборе реальных автобиографий.

Для более глубокого методического анализа проведено сравнение реальных и виртуальных респондентов по стилю, языку, логике и отбору фактов для биографии, влиянию нормативности и социального одобрения, выраженности эмоций и оценок, представлению прошлого и будущего (таблица 1).

Таблица 1

Методические особенности реальных и смоделированных ИИ автобиографий

	Реальные	ИИ-автобиографии
Стиль автобиографии	40% — резюме (последовательность и взаимосвязь событий в разных сферах); 13% — хроника (временная последовательность событий без взаимосвязи); 9% — важные, поворотные, яркие события; 11% — трудовая биография; 2% — семейная история; 20% — история развития личности и внутренних изменений; 5% — рассказ о становлении	76% — рассказ о становлении в профессиональном плане, трудовых и карьерных этапах и достижениях; 16% — рассказ о внутреннем становлении и развитии личности; 8% — все другие стили

	Реальные	ИИ-автобиографии
Язык	Разнообразный, но часто близок к устной речи. Различается в социально-демографических группах (гендерных и образовательных)	Литературный, стройный, используются сложные грамматические формы, много описаний, прилагательных
Время	Даты — основа и главный элемент изложения. Даты используются чаще, чем возраст. Даты имеют самостоятельное значение	Подчиненная роль времени. Даты и возраст используются одинаково часто. Уровень готовности к событию
Логика	Логика только временная, события независимы, самодостаточны и равноценны. Восходящая линия редка	Четкая логика жизни, основная линия, цель, предназначение. События объединены причинно-следственными связями, показан источник и последствия события, выделяются поворотные, ключевые моменты. Общая логика — только восходящая
Социальное одобрение и политкорректность	Исключение мотивов социально неодобряемых поступков и выбора. Отсутствие героизации, возвеличивания своих поступков. Гендерные и семейные роли самые разные, часто отрицательные	Систематический пропуск событий, связанных с неудачами и проблемами, которые не удалось преодолеть. Преувеличение социально одобряемых действий и мотивации, просоциальной активности. Гендерные и семейные роли поданы в традиционном ключе
Эмоции	Эмоции яркие, непосредственные, резкие, включая боль, гнев, осуждение	Толерантность, принятие, эмоции рационализированы и приглушены
Оценка прошлого и будущего	Прошлое вызывает смешанную оценку и чувства. Будущее неопределенно и внушает опасения, но в неопределенности остается надежда	Прошлое оценивается рационально, как вклад в общую линию жизни. Заключение или мораль, жизненный урок. Позитив и оптимизм в отношении будущего

Особенностью ИИ-автобиографий является единообразие стиля в отличие от реальных автобиографий, где стиль очень разнообразен. Язык ИИ-автобиографий литературный — правильный, логичный, описательный. В реальных автобиографиях язык и лексика зависят от социально-демографических

характеристик респондентов и общего выбранного стиля текста, часто используется разговорная лексика, просторечие, тексты близки к устной речи. В реальных автобиографиях проявляется индивидуальный стиль, слышен голос респондента, в виртуальных индивидуальность сглажена². ИИ выделяет в биографии ключевые моменты, поворотные точки, анализирует жизненный путь и разные события жизни с точки зрения их конечной важности. В реальных автобиографиях события равнозначны, об их важности говорит только включение или невключение в текст. Реальные биографии чаще похожи на летопись, виртуальные — на литературный рассказ.

«Я родился 12 апреля 1960 года в Риге в интеллигентной семье. Наш дом был наполнен книгами на разных языках, запахом старой бумаги и звуками классической музыки. Я рано пристрастился к чтению, но больше всего меня манили не литературные герои, а устройство мира. В 7 лет, когда я пошел в школу, отец подарил мне набор „Юный химик“, а через пару лет мы вместе собрали первый транзисторный приемник. Ключевой поворот случился в 1975 году, когда я, пятнадцатилетний мальчишка, победил на республиканской олимпиаде по физике. Поездка в Москву стала путешествием в другой мир. Я вернулся в Ригу с четкой целью — любой ценой поступить на физфак МГУ» (DeepSeek, м., 1960).

«Я родился 10 октября 1975 года. Жизнь в Норильске с его полугодовой зимой и полярной ночью с детства приучила к дисциплине и выносливости. Главным моим увлечением, которое стало ключевым моментом, было творчество — радиоэлектроника. В 1989 году я впервые увидел персональный компьютер. Это полностью изменило мои цели. Я понял, что будущее не в рудниках, а в информации. Я сразу после школы уехал на материк и поступил в Санкт-Петербургский госуниверситет. Это был первый в моей жизни переезд, который стал символом освобождения от замкнутого мира. В 1995 году, в 20 лет, я открыл с однокурсниками маленькую фирму по сборке и настройке компьютеров. Это был ключевой поворот от чистой науки к предпринимательству» (Google Gemini, м., 1975).

«Родился я в 1968 году. В школу пошел, детсад проигнорил. В школе не было друзей, были приятели. Посещал краеведческие кружки. Ездил в Железноводск на курорт лечиться от гастрита. Осуществлял тимуровскую работу в 5 классе — помогал немощным бабкам с одноклассниками на Военном Шоссе. Я был окружен умными (не все) и понимающими (иногда) людьми» (реальный респондент, м., 1968).

² Примеры реальных и ИИ-автобиографий (полные тексты) размещены на сайте <https://www.cessi.ru/g90s>.

«Что о себе могу рассказать... Закончила 8 классов. Закончила их средненько, не очень мне понравилось учиться. До 5 класса мне очень хотелось стать врачом, я изучала таблетки, болезни всякие. А после я поняла, что я уже не тяну по знаниям, по учебе, и желание... Не то что желание, просто понимала, что уже не будет у меня этой профессии, и я не боролась за нее. Папа у меня хотел, чтобы я стала поваром, мне не очень нравилась профессия. Он меня несколько раз водил в детский сад, показывал, что хорошая профессия, всегда сытая, всегда в тепле. Но перечить не стала, поступила в кулинарное училище» (реальный респондент, ж., 1974).

Основное методическое отличие ИИ-автобиографий от реальных — подчинение одной логике в представлении событий, принципам театральности. Если событие упомянуто, то это требуется по сюжету, каждому персонажу отведена определенная роль, каждое событие имеет цель, тупики и бессмысленные повороты исключены, как и ошибки без урока или пользы. В каждой ИИ-автобиографии есть вывод, мораль, жизненный урок и жизнеутверждающее заключение. В основе ИИ-автобиографий лежит представление о цели, предназначении каждого человека, которое прослеживается на протяжении жизненного пути. ИИ пишет автобиографию с точки зрения внешнего наблюдателя и представляет ее цельной и понятной. Реальные респонденты далеко не всегда понимают себя, свой выбор, не видят развилки и важности сделанного выбора, воспринимают свою жизнь как процесс, который не имеет сценария.

Предположение, что ИИ-автобиографии будут свободны от нормативного давления и социальных ожиданий, не подтвердилось. Реальные люди склонны умалчивать о событиях, которые показывают их в негативном ключе, не всегда готовы раскрывать мотивы своих поступков и выбора. Но многие темы, которые являются щепетильными в выборочных опросах, например, материальные проблемы, здоровье, отношения в семье, домашнее насилие, проблемы с рождением и воспитанием детей, в автобиографиях освещаются довольно подробно как внешние препятствия и обстоятельства. В ИИ-автобиографиях исключается более широкий спектр событий, в том числе неблагоприятные внешние обстоятельства (неполная семья в детстве), неудачи. Семейные конфликты обсуждаются редко и мотивируются разными взглядами на жизнь и несовпадением целей, а не домашним насилием и изменами, как в реальных автобиографиях. Гендерные и семейные роли в ИИ-автобиографиях выдержаны в традиционном социально одобряемом ключе, где мужчина заботится о семье и принимает решения, женщина удачно сочетает семью и работу, дети продолжают дело родителей. ИИ-тексты наполнены социально одобряемыми действиями и поведением (среди которых наставничество, благотворительность, вклад в общество, передача ценностей детям) и про-социальной мотивацией (*«стал учителем, чтобы помочь детям понять историю»*). В реальных автобиографиях мотивы выбора часто вообще не ясны или самоцентричны, поступки и мотивы редко героизируются.

«Мы работали на переднем крае, и я чувствовал себя частью великого целого, причастным к чему-то грандиозному. Моя цель теперь — передать эстафету. Сын, к моей радости, пошел по моим стопам и учится на физтехе» (DeerSeek, м., 1960).

«Целей перед собой особо не ставил. Жизнь несла по течению. Речка была удобной. Течение не быстрое. Музыку не бросаю. Немного жалею, что живу без амбиций» (реальный респондент, м., 1960).

ИИ-автобиографии конструируют заверченный рассказ, где прошлое осмыслено, а будущее спланировано. Финал всегда содержит позитивный итог: семья сохранилась или создана новая, дети выросли, бизнес состоялся, мудрость накоплена. Ни одна история не заканчивается крахом, отчаянием, неопределенностью. Прошлое оценивается рационально, как вклад в общую линию жизни. В реальных автобиографиях люди редко составляют резюме, выводы о прошедшем, хотя иногда дают общую оценку прошедшего («в целом я своей жизнью доволен», «я прожила жизнь хорошо», «что случилось — было к лучшему»). Оценки будущего часто пессимистичны, полны страхов, опасений и почти всегда — неопределенности. Положительная сторона связана только с надеждой, с желанием позитивного развития событий, даже если для этого нет никаких предпосылок и оснований. Будущее в реальных автобиографиях редко описывается в терминах планов и целей, это не горизонт возможностей, а то, что просто продолжается, пока есть силы. Таким образом, реальные автобиографии фиксируют незавершенность жизни, в них нет точки.

«Семейная жизнь складывается гармонично, муж Александр работает хирургом, наши двое взрослых детей выбрали медицинские профессии. Мы живем активной социальной жизнью, занимаемся благотворительностью, стремясь поддержать тех, кому помощь действительно необходима» (GigaChat, ж., 1966).

«В последние годы жизнь турбулентна, нестабильна. С 2020 года не очень хорошая полоса не только для меня лично, но и для всей страны, все накладывает отпечаток на нашу жизнь. Но что будет дальше? Будем надеяться, что дальше все будет лучше» (реальный респондент, м., 1975).

Событийная часть жизни в реальных и виртуальных автобиографиях

Основными элементами автобиографии являются *события* или *жизненные периоды*: в среднем на одну реальную автобиографию их упоминалось 21, виртуальную — значительно меньше (10). Ряд событий встречается практически во всех описаниях жизненного пути (в реальных и ИИ-автобиографиях),

показывает общие представления о том, как должен и как обычно строится жизненный путь. Это нормативная сетка событий. В нее входят рождение, детство, начало и окончание школы, начало (или неудачное начало) получения профессионального образования, первая работа, первый брак и рождение детей, географические переезды, приобретение жилья, выход на пенсию, рождение внуков. На эту нормативную сетку накладываются события, отобранные по индивидуальным мотивам. В реальных автобиографиях события распределены неравномерно во времени: некоторые периоды насыщены событиями, некоторые пропускаются (*«растили детей, много путешествовали, были счастливы», «несколько лет просто жила», «ничего не происходило, работала и уставала»*). У ИИ нет провалов, каждый период описан и внесен в общий сценарий жизни.

Две основные сферы, вокруг которых строится изложение истории о жизненном пути изучаемого поколения, — семейно-брачная и образовательно-трудовая. В реальных автобиографиях чаще всего эти две сферы переплетаются, обе являются центральными. Из 100 автобиографий в 18 основную линию составили события семейной сферы, в 6 — хобби (танцы, спорт, музыка), 2 автобиографии строились вокруг материальных приобретений, накопления капитала и финансовых потерь. В нескольких автобиографиях был описан путь духовного становления, прихода к вере, хотя чаще всего он включал перелом — жизнь до Бога, без Бога и жизнь с Богом. В ИИ-автобиографиях есть одна центральная линия — профессиональная. Семья упоминается вскользь в ряду других значимых жизненных событий.

«Я родился в Архангельске, городе моряков и корабелов. Я с детства пропадаю на причалах, вдыхая запах смолы, водорослей и мазута, замороженно глядя на огромные суда. Морем бредил. В 14 лет я поступил в Архангельское мореходное училище. Я медленно, но верно рос по карьерной лестнице: матрос, третий помощник, второй. Объездил полсвета. Сейчас я капитан на судне, работаю вахтовым методом. Жена и двое взрослых детей ждут меня на берегу. Я не представляю себя на суше. Даже дома я чувствую зов океана. Это судьба» (DeepSeek, м., 1965).

«Я родился в Ленинграде. Благополучно закончив институт, начал трудовую деятельность на ткацкой фабрике в 1982. Женился. В 1987 году безболезненно развелся. В 1987 женился второй раз, но уже по любви, как на то время думал. С 1990 по 2000 много чем занимался — торговля, извоз, случайные заработки. В 2000 году началась новая веха жизни: развод, новые отношения. С 2009 года несколько раз менял сферу деятельности, занимался физическим трудом в том числе. С 2012 года стал жить в гражданском браке» (реальный респондент, м., 1960).

«С 14 лет я дружила со своим будущим мужем и сразу после школы забеременела. Все мои учителя прочили мне поступление вуз, но я родила в 1978 году дочь. Было обидно, что одноклассники стали студентами,

а я — с ребенком. С мужем по приходу его из рядов Советской армии мы разошлись. По специальности не работала практически. По распределению не пошла, так как мне квартира была нужна, я с ребенком одна. Пошла в Жилтрест» (реальный респондент, ж., 1966).

В реальных автобиографиях семья, история ее формирования, взаимоотношения с родителями, воспитание детей, распад партнерских союзов являются центральными в 60% текстов, в еще трети работа и семья выступают одинаковыми по значимости и лишь в небольшом количестве случаев работа и профессиональная жизнь являются центральной темой. В реальных автобиографиях событиями выступают смена или потеря работы, то есть факты трудовой биографии. Профессиональные достижения и карьерный рост отмечались лишь в некоторых рассказах.

Помимо семьи и работы в реальных автобиографиях присутствует большое количество личных событий. К ним относятся события детства — счастливые воспоминания о бабушках и дедушках, друзьях, детских играх и первых впечатлениях. Другая сфера — материальная, важное место здесь занимает приобретение или потеря жилья, покупка машины, нередко упоминание материальной характеристики целого жизненного периода («*это были очень трудные в материальном плане времена*», «*в этот период мы зажили очень хорошо*»). Особое место занимают трагические события — смерть близких, несчастные случаи (аварии), болезни. Многие из этого поколения пережили потерю партнера в молодости (в 1990-е), большим ударом в зрелом возрасте стал ковид. В автобиографиях находят отражение такие жизненные события, как переезд (в другой дом или в другой город/страну), хобби и увлечения. В более чем половине автобиографий рассказывалось о достижениях детей и рождении внуков как значимых событиях в личной биографии. В ИИ-автобиографиях индивидуальные линии, помимо нормативных, описаны коротко или вообще отсутствуют, хобби всегда связано с профессией. ИИ почти не поднимает тему болезней и потери близких, проблем в семье и неудачных отношений, службы в армии, а также тему путешествий, которую отмечают многие реальные респонденты, описывая события молодости и 2000-х годов.

Отражение социальных процессов в автобиографиях

По форме и в отношении событийной структуры ИИ-автобиографии в значительной степени отличаются от реальных. Однако остается вопрос, могут ли они помочь в решении главной задачи социологического анализа жизненного пути — изучении социальных процессов и социальных изменений (их направлений, скорости, затронутых социальных групп, влияющих факторов и последствий)? Если ИИ-автобиографии помогают верно определить какие-либо из этих аспектов, то их вклад уже может быть признан значимым. Рассмотрим несколько выводов, которые можно сделать на основе реальных

и ИИ-автобиографий в отношении гипотез о социальных процессах в изучаемом поколении.

Стандартизация или индивидуализация жизненных путей. В отношении сходств и различий жизненных путей людей в социологической науке выдвинуты: гипотеза об увеличивающейся стандартизации жизненного пути в современном обществе и гипотеза о постепенной индивидуализации — увеличении разнообразия в разных аспектах и направлениях [Macmillan, 2005]. На основе данных ИИ-автобиографий можно сделать вывод об очень высокой стандартизованности жизненного пути изучаемого поколения. Сходство событий, возраста их наступления и последовательности очень велико. На основе анализа реальных автобиографий картина получается гораздо более сложной, что подтверждают и данные выборочных опросов [Андреенкова, Медведева, 2025]. Если на этапе взросления и молодости жизненный путь поколения высоко стандартизован, то по достижении зрелости на первый план выходит индивидуализация. Разные стартовые условия, жизненный выбор, а также трагические события, неудачи, влияние и решения других людей ведут к построению уникальных жизненных путей. Чем шире пространство для жизненного выбора и меньше зависимость от внешних обстоятельств, тем более индивидуально выстраивается жизненный путь. Данные ИИ ведут к упрощенному пониманию этого социального процесса.

Географическая мобильность и миграция. В ИИ-автобиографиях нашел отражение важный социальный процесс, затронувший изучаемое поколение, — миграция из республик бывшего СССР в Россию после распада страны. Среди ИИ-автобиографий 22 респондента из 100 родились в республиках бывшего СССР и переехали в Россию. В реальной выборке автобиографий таких лишь 6 (что согласуется с данными выборочного опроса РСИ-10 по программе ESS — 6%³). Внутрискановая геомобильность в этом поколении довольно высока, что находит отражение и в реальных автобиографиях (60 из 100), и в ИИ-автобиографиях (50 из 100), что опять же близко к результатам выборочных опросов (50% этой возрастной когорты переезжали хотя бы 1 раз во взрослой жизни, по данным опроса «РУССЕТ через 30 лет»⁴). Однако ИИ-автобиографии подводят к выводу о центральной роли образовательной и профессиональной мобильности, а реальные автобиографии — к тому, что наряду с образовательной мобильностью основное место занимает мобильность из-за семейных мотивов (влияние решений и обстоятельств других людей, чьи жизни связаны с респондентами, — супругов, родителей, детей) и по экономическим причинам (для улучшения уровня и качества жизни, в поиске заработка). Полагаясь на ИИ-автобиографии, можно было бы серьезно недооценить процесс возвратной мобильности, связи с малой родиной и высокой значимости региональной идентичности и социальных связей.

³ Российское социальное исследование (РСИ), сопоставимое с Европейским социальным исследованием (ESS). URL: www.russiansocialsurvey.ru.

⁴ Опрос «РУССЕТ через 30 лет». Новая выборка — Три поколения россиян. URL: <https://www.cessi.ru/g90s>.

Как и в первом случае, данные ИИ верно отражают центральную тенденцию, но упрощают социальный процесс и не показывают его вариативность и разнонаправленность в отдельных группах.

Демографическое поведение. Данные реальных автобиографий позволяют говорить о том, что поколение реформ оказалось на переломе не только социально-экономических отношений, но и демографических трендов. Они стали последним поколением с ранним средним возрастом вступления в брак и ранним возрастом первого родительства, часто еще до завершения образования, высоким уровнем заключения официальных браков. Вместе с тем в более поздних периодах своей жизни эти люди столкнулись с высоким уровнем разводов, одиноким материнством, нереализованными планами по рождению детей (в этом поколении высока доля тех, кто имеет меньше детей, чем хотели бы, обычно речь о 2 и 3 ребенке), ранним вдовством, вынужденным одиночеством, в старшем возрасте — заключением новых форм партнерских союзов (гостевых браков и других неофициальных союзов). Нормативная система и модели демографического поведения у этого поколения были сформированы в период до начала второго демографического перехода, а основная часть жизни прошла уже в новых условиях изменения роли семьи, гендерных ролей и социальных ожиданий, что привело к высокому уровню напряженности и внутренним конфликтам в этом поколении. В ИИ-автобиографиях практически ни один из этих процессов не отражается. Возраст демографических событий, таких как первый брак и рождение первого ребенка, у ИИ серьезно преувеличен: средний возраст вступления в брак и рождения первого ребенка — 27 и 30 лет соответственно по сравнению с 24 и 25 годами в реальных автобиографиях. В ИИ-выборке все респонденты вступали в брак и только единожды, лишь четверо прошли через вдовство. Среди реальных респондентов 20 человек из 100 вступали в повторный брак, 7 из 100 состояли в трех официальных браках, 30 из 100 проходили через развод и 15 через вдовство. Образование партнерских союзов в старшем возрасте ИИ не отмечает.

Профессиональные траектории и профессиональное образование. В изучаемом поколении произошли значимые изменения в профессиональных траекториях людей: резкое сокращение линейных траекторий, нарушение непрерывности трудовой деятельности периодами безработицы, разнообразием форм занятости. ИИ верно отражает идею изменений на рынке труда и последовавших изменений профессиональных траекторий, но напрямую связывает такие изменения с конкретными историческими событиями — распадом СССР и затем стабилизацией в начале 2000-х. В реальных автобиографиях профессиональные траектории этого поколения выглядят значительно сложнее, характеризуются частыми сменами работы (добровольными и вынужденными), сменой сфер деятельности, профессий, наемного труда и работы на себя, высокой уязвимостью такого положения.

Факторы социального неравенства. Одним из важнейших направлений исследований на основе информации о жизненном пути является изучение закрепления или ослабления социального неравенства, влияния стартовых

возможностей на дальнейший жизненный путь. Данные ИИ-автобиографий ясно показывают сокращение стартового неравенства, его преодоление, движение вверх, достижение хотя бы относительного благополучия на поздних стадиях жизни. Анализ реальных автобиографий приводит к другому выводу: неравные стартовые возможности имеют высокую вероятность закрепления, чему способствует жизненный выбор на ранних этапах становления и взросления (ранний спонтанный брак, рождение ребенка до получения образования, одинокое родительство, определяющие депрофессионализацию). Также реальные автобиографии показывают, что серьезный барьер для этого поколения — длительность обучения и квалификационные требования для получения высшего образования. Респонденты из малообеспеченных семей вынуждены были уйти из школы после получения неполного среднего образования, они не могли позволить себе еще два года старшей школы и после — пять лет вуза без заработка и этим определили свой дальнейший социальный статус и перспективы. Первая неудачная попытка поступления в вуз для людей из малообеспеченных семей становится последней попыткой: потребность в немедленном заработке лишает возможности продолжить образование и воспользоваться этим социальным лифтом. В целом ИИ-автобиографии не дают представлений о барьерах к преодолению неравенства и их закреплению на жизненном пути.

Заключение.

Чем полезно и чем опасно включение ИИ-автобиографий в социологический анализ

Создание автобиографий с помощью ИИ определенно помогает решить целый ряд организационных вопросов, существенно сократить время и затраты на сбор данных. У ИИ нет проблем с памятью, поэтому информация не имеет пропусков, логических ошибок. Вместе с тем тестирование показало, что автобиографии, произведенные ИИ, отличаются от автобиографий, написанных реальными людьми, по многим параметрам — стилю, форме, языку, основаниям для отбора включаемых жизненных событий и фактов. Хотя ИИ-автобиографии верно отражают нормативно закрепленное ядро жизненно-событийной матрицы, они существенно переоценивают стандартизацию жизненного пути и недооценивают многообразие, особенно на зрелых и старших этапах жизни, а также групповую дифференцированность. Как источник эмпирической информации, ИИ показывает либо уже известные, доказанные тренды, либо ведет к неверным выводам или существенной недооценке. Таким образом, он не может заменить собой получение информации о жизненном пути от реальных людей. ИИ в автобиографиях упрощает социальные процессы и социальную реальность, выделяя общие тенденции, но игнорируя разнообразие. Вероятно, результат ИИ можно было бы улучшить, научив его создавать автобиографии более «правильно», но мы не ставили перед собой такую задачу. И без наличия реальных данных

для процесса обучения и верификации результата создать базу данных искусственных автобиографий, которая была бы полезна исследователям, не получится.

Но эксперимент, который мы провели, несмотря на отрицательный результат, оказался совсем не бесполезным. Если ИИ-автобиографии не могут служить надежным и достоверным эмпирическим материалом, они могут стать ценным инструментом для анализа данных. С одной стороны, ИИ отражает современные мифы и стереотипы, получившие распространение в медиапространстве, с другой — дополняет несуществующие знания случайно отобранными моделями. Определение точек расхождения реальных и искусственно созданных, альтернативных автобиографий, тех, которые могли бы быть, помогают оценить, какие именно условия и обстоятельства не позволили такому сценарию осуществиться, выделить специфику социального контекста, влияющего на жизненный путь. Использование жизненного пути как объекта анализа представляет собой трудную задачу из-за многообразия вариантов, переплетений событий и решений, случайных факторов, не всегда понятного и оправданного человеческого выбора. Искусственные автобиографии помогают определить границы возможного и невозможного в заданном социальном контексте, границы жизненного разнообразия. В рамках изучаемой задачи ИИ показал себя не столько производителем результата, сколько инструментом, который поможет исследователю в работе с таким сложным объектом, как жизненный путь людей.

Литература / References

Андрееenkova А. В. Исследования жизненного пути — концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1> EDN: ADRPHA

Andreenkova A. V. (2024) Life Course Studies — Conceptual and Methodological Approaches and Solution. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 12. No. 1. P. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1> (In Russ.)

Андрееenkova А. В. Изучение жизненного пути методом автобиографий (опыт методического тестирования) // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162525070069> EDN: HKCHJE

Andreenkova A. V. (2025) Studying the Life Course via Authobiographies (A Methodological Testing). *Sociologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7. P. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162525070069> (In Russ.)

Андрееenkova А. В., Медведева А. А. Динамика событийной структуры жизненного пути в России // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3. С. 189–209. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3.11> EDN: KQHANN

Andreenkova A. V., Medvedeva A. A. (2024) Dynamics of the Event Structure of the Life Course in Russia. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 15. No. 3. P. 189–209. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3.11> (In Russ.)

Дмитриева Е. В. Искусственный интеллект и качественные методы: перспективы развития метода фокус-групп // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2025. Т. 61. С. 232–258. DOI: <https://doi.org/10.19181/4m.2025.34.2.6> EDN: HSNUNR

Dmitrieva E.V. (2025) Artificial Intelligence and Qualitative Methods: Prospects for the Development of Focus Group Method. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. Vol. 61. P. 232–258. DOI: <https://doi.org/10.19181/4m.2025.34.2.6> (In Russ.)

Козлова Н.Н. Методология анализа «человеческих документов» // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26. EDN: NKAJQJ

Kozlova N.N. (2004) Methodology of the Analysis of “Human Documents”. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 14–26. (In Russ.)

Пузанова Ж.В., Кожоридзе Г.Г., Кожоридзе Д.Г. ИИ и социология: анализ технологических возможностей виртуальных респондентов // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4M). 2025. № 60. С. 216–246. DOI: <https://doi.org/10.19181/4m.2025.34.1.6> EDN: PRPHTP

Puzanova Zh.V., Koshoridze G.G., Koshoridze D.G. (2025) Generative AI and Sociology: Analyzing Virtual Respondent Technology. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya: 4M)* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)]. No. 60. P. 216–246. DOI: <https://doi.org/10.19181/4m.2025.34.1.6> (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательство ВШЭ, 2012. EDN: SDSRBR

Rozhdestvenskaya E.Y. (2012) *Biograficheskij metod v sociologii* [Biographical Method in Sociology]. Moscow: Izdatelstvo VShE. (In Russ.)

Bertaux D. (1991) Biographical Method: Methodological Validity, Its Potentials. *Cahiers Internationaux de Sociologie*. Vol. 691. P. 331–370.

Bisbee J., Clinton J.D., Dorff C., Kenkel B., Larson J.M. (2024) Synthetic Replacements for Human Survey Data? The Perils of Large Language Models. *Political Analysis*. Vol. 32. No. 4. P. 401–416. DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2024.5>

Elder G.H. (1995) The Life Course Paradigm: Social Change and Individual Development. In: P. Moen, G.H. Elder, K. Lüscher (eds.) *Examining Lives in Context: Perspectives on the Ecology of Human Development*. Washington: American Psychological Association. P. 101–139.

Macmillan R. (ed.) (2005) *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized?* Amsterdam: Elsevier.

Schütze F. (2008) Biography Analysis on the Empirical Base of Autobiographical Interviews: How to Analyse Autobiographical Narrative Interviews — Part One. *European Studies on Inequalities and Social Cohesion*. No. 1–2. P. 153–242. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691454.2008.10599164>

Thomas W.I., Znaniecki F. (1919) *The Polish Peasant in Europe and America. Life Record of an Immigrant*. Vol. 3. Boston: Badger; New York: Scribner.

Сведения об авторе:

Андреенкова Анна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия. **E-mail:** anna.andreenkova@cessi.ru. **РИНЦ Author ID:** 259928; **ORCID ID:** 0000-0002-6776-7703; **ResearcherID:** AAB-7872-2020.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

Принята к публикации: 30.04.2026

Testing of AI-generated Autobiographies for Studying the Life Course

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.1

Anna V. Andreenkova Institute for Comparative Social Research (CESSI),
Moscow, Russia
E-mail: anna.andreenkova@cessi.ru

The benefits and limitations of using AI for constructing sociological autobiographies as empirical base for analysis of life courses and social processes were tested in experimental study. Autobiographies of Russians from one generation (1960–1975) were generated by different AI-platforms and compared with autobiographies of real respondents from the same generation, collected in the project “Life course of generations grown up in 1990-s (G90)” in 2024–2025. AI-autobiographies significantly simplify the method of sociological autobiographies by increasing the sample penetration and coverage for different types of respondents, eliminating ethical issues, excluding the issue of missing data and logical errors, substantially reducing the time and cost of data collection. But large differences were found between AI and real autobiographies in style, language, selection of life events and life facts, impact of norms and social desirability and the presentation of the past and future. AI-autobiographies properly reflect the normative core of the life-event matrix, but they overestimate the standardization of the life course, fail to represent the diversity of life choices and decisions and also the group differences — gender, educational, and socioeconomic. AI data does not lead to accurate conclusions about the number of social processes such as the balance between the standardization and individualization of life courses, types of geomobility, new family and professional trajectories and the reduction of their linearity, about the dynamics of social inequality during the life course. Conclusions based on AI-autobiographies result in the simplification of social processes and the ignoring of new trends and knowledge which are not broadly accepted. The use of AI-autobiographies as empirical data has low validity. However, AI data can be used as an analytical tool for working with complexly-structured life course data. Using AI as reference information for the comparison and finding discrepancies helps to get deeper knowledge of sociological autobiographies as scientific method, define realistic and unrealistic scenarios in particular socio-historical context, the impact of social norms and social desirability on biographical information.

Keywords: life course; sociological autobiographies; artificial intelligence; sociological methods; quality of sociological data; methodological testing; social changes; social trends

Author Bio:

Anna V. Andreenkova — Doctor of Sociology, Deputy Direction, Institute for Comparative Social Research (CESSI), Moscow, Russia. **E-mail:** anna.andreenkova@cessi.ru. **RSCI Author ID:** 259928; **ORCID ID:** 0000-0002-6776-7703; **ResearcherID:** AAB-7872-2020.

Received: 15.04.2026

Accepted: 30.04.2026

Структура участников эксперимента

	Количество реальных респондентов	Количество ИИ-респондентов
ПОЛ		
Мужчины	47	54
Женщины	53	44
ВОЗРАСТ		
1970–1975 (50–54 года)	32	24
1965–1969 (55–59 года)	38	32
1960–1964 (60–64 года)	30	44
ОБРАЗОВАНИЕ		
Высшее	55	84
Нет высшего	45	16
ГЕОГРАФИЯ		
Центральный ФО	41	40
Северо-Западный ФО	22	16
Приволжский ФО, Южный и Северо-Кавказский ФО	19	22
Уральский, Сибирский и Дальневосточный ФО	18	22

Задание для ИИ было сходно с тем, что получили реальные респонденты: *«Напишите развернутые автобиографии от первого лица с указанием времени, когда случилось то или иное событие. Включите все аспекты жизненного пути: последовательность событий, ключевые моменты, которые повели жизнь по новому пути, изменили ее; люди, которые стали важными для жизни; цели и задачи, которые перед собой ставили и как их добивались; взгляды, убеждения, чувства на разных этапах жизни; история во всех ее аспектах — профессиональная, семейная, переезды, материальная, здоровье, творчество, отношения с людьми, радости и горести, личные события и общие для страны».*

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.7

EDN: UDDQFT

Особенности и возникающие трудности тандема «исследователь + ИИ» в качественных социологических и маркетинговых исследованиях

Ссылка для цитирования:

Микрюков В. О. Особенности и возникающие трудности тандема «исследователь + ИИ» в качественных социологических и маркетинговых исследованиях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 2. С. 69–90. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.7>
EDN: UDDQFT

For citation:

Mikryukov V. O. (2026) Features and Emerging Challenges of the “Researcher + AI” Tandem in Qualitative Sociological and Marketing Research. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 2. P. 69–90. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.7>

Микрюков Владимир Олегович

Финансовый университет
при Правительстве РФ,
Москва, Россия

E-mail: vomikryukov@fa.ru

Качественные социологические и маркетинговые исследования в последние годы столкнулись с парадоксом: спрос на глубокий интерпретативный анализ больших массивов данных сочетается с экспоненциальным ростом объемов получаемой информации и сокращением проектных сроков, что делает традиционные методы анализа неэффективными в связи с большими затратами времени и ресурсов. Внедрение инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в качественный анализ социологической и маркетинговой информации помогает решить некоторые технические проблемы, однако порождает фундаментальные методологические вызовы, касающиеся прежде всего сохранения рефлексивности исследователя как центрального элемента валидности качественного исследования.

В статье рассматриваются три ключевых вызова: проблема делегирования интерпретации алгоритму на базе ИИ, риск алгоритмической инерции и галлюцинации ИИ, а также вопрос о методологических пределах применения ИИ в социологии и маркетинге. Автор предлагает концептуализацию тандема

«исследователь + ИИ» как особой конфигурации аналитической практики, в которой человеческая рефлексивность остается центральной, а ИИ выступает вспомогательным инструментом. На основе авторского опыта проведения исследования, в котором с помощью ИИ-платформы eXeDrive проанализированы 86 глубинных интервью, обосновывается возможность существенного сокращения времени анализа без ущерба качеству и валидности выводов при условии систематического контроля и методологической дисциплины исследователя.

В статье предложены четыре процедуры работы в тандеме «исследователь + ИИ»: подготовка и разработка архитектуры анализа, система итеративной обратной связи, валидация на двух уровнях сложности и протокол выявления системных смещений. Автор формулирует дополнительные критерии ИИ-поддержки валидности качественного исследования (прозрачность алгоритма, валидация с участием человека, аудит предвзятостей, интерпретируемость результатов) и предлагает методологические решения для минимизации алгоритмической предвзятости. В статье также делается вывод о необходимости трансформации профессиональных компетенций социолога-качественника и внедрения в учебные планы специализированных дисциплин по ИИ-методологии.

Ключевые слова: качественное исследование; искусственный интеллект; тандем «исследователь + ИИ»; методология анализа данных; валидность исследования; алгоритмическая предвзятость ИИ; методология качественного исследования

Введение

Качественные социологические и маркетинговые исследования в последние два-три года переживают период бурного роста и изменений. С одной стороны, стратегический маркетинг, государственное управление и корпоративные коммуникации предъявляют растущие требования к глубокому, интерпретативному пониманию аудитории, ее нарративов, мотиваций и культурных контекстов (именно того, что традиционно достигается методами качественной социологии: глубинными интервью, фокус-группами, нарративным анализом, тематическим кодированием). С другой стороны, сжатые сроки реализации больших проектов, экспоненциальный рост объемов качественных данных (транскриптов интервью, открытых ответов в опросах, социальных медиа, видеоинтервью) и ограниченные (прежде всего временные) ресурсы исследовательских групп делают традиционный анализ этих материалов, базирующийся на ручном кодировании и транскрибации, содержательной интерпретации и гипотезировании, сложно выполнимыми в рамках ускоренных проектных циклов. Иными словами, исследователь стоит перед необходимостью обеспечить качество анализа в условиях, когда классические инструменты становятся неэффективными по затратам времени и ресурсов.

Следует отметить, что тематика использования ИИ в социологических и маркетинговых исследованиях стала популярной [Lundberg, Brand, Jeon, 2022; Nguyen-Trung, 2025; Соколов, Фролов, Бабаджанян, 2025; Стребкова, 2025; Ядова, 2025]. Однако есть вопросы, которые требуют дальнейшей проработки, в первую очередь касающиеся методологических проблем использования ИИ в качественных исследованиях. По нашему мнению, внедрение инструментов ИИ в качественный анализ позволяет выйти из этого затруднения, а автоматизированное тематическое кодирование, машинное выведение паттернов, генерация гипотез для последующей проверки их методами качественной и количественной социологии и выявление нетривиальных связей в больших объемах материала становятся технически возможными. Различные ИИ-инструменты позволяют исследователю сократить время на рутинные этапы анализа и освободить когнитивный ресурс для более сложных операций, таких как концептуализация, критический пересмотр выводов, построение объяснительных схем и др. Однако вместе с надеждой на техническое решение проблемы ресурсов появляются методологические вызовы, которые в значительной мере остаются неартикулированными в отечественной и мировой литературе по качественной методологии.

Главный из этих вызовов касается самого основания валидности и надежности качественного исследования, то есть рефлексивности исследователя. Как известно из методологических работ российских ученых [Герасимова, 2023; Декал, Борзова, 2025; Лустин, 2025; Ярская-Смирнова, Романов, 2006], рефлексивность — это конституирующий элемент любого исследовательского проекта. Исследователь, вступая в диалог с эмпирическим материалом, не является нейтральным регистратором фактов, он активно конструирует смыслы через собственную интерпретацию, переживание, личный опыт в исследуемой проблеме и т. д. Поэтому кодирование текстов, поиск паттернов, формулировка гипотез происходят в единстве рефлексивного сознания исследователя, его умения «встречаться» с текстом, видеть подтексты, улавливать противоречия и многозначительные паузы в речи респондентов. Когда же значительная часть этих аналитических операций делегируется алгоритму, возникает фундаментальный вопрос: как сохранить эту рефлексивность? Также важно понять, не происходит ли ее атрофия, когда исследователь становится не аналитиком, а скорее куратором или инженером алгоритмических выводов?

Второй, не менее важный, вызов связан с проблемой галлюцинаций ИИ и ложного представления информации, то есть наличия встроенных предубеждений, доминирующих дискурсов, социокультурных стереотипов, заложенных в обучающих массивах информации. При анализе качественных данных эти смещения могут привести к упрощению сложных нарративов, воспроизведению мейнстримных интерпретаций, утрате индивидуальных голосов информантов, а в экстремальных случаях — к конфабуляции (выдумке) связей и цитирований, которых не было в исходных текстах. Для исследователя, который должен полностью и наиболее объективно анализировать эмпирический материал, такой люфт между данными и выводами недопустим.

Третий вызов имеет методологический характер и касается потенциального расширения исследовательского функционала ИИ. За последние два-три года мы видим попытки применять ИИ не только для ускорения анализа, но и для замещения некоторых исследовательских функций, например, проведения интервью (использование нейросети ChatGPT в роли интервьюера), генерации вопросов для гайда глубинного интервью и даже формирования теоретических гипотез на основе данных социологического опроса. Такие эксперименты ставят вопрос о границах и пределах применения ИИ в качественной социологии, о точках, где его использование начинает подрывать саму эпистемологию качественного исследования.

Многие исследователи все чаще задаются вопросом, каким образом возможна интеграция ИИ-инструментов в качественный анализ так, чтобы не просто автоматизировать процессы, но и сохранить и укрепить методологическое основание качественного исследования (т. е. его рефлексивность, валидность, глубину интерпретации и критическую установку в отношении собственных выводов). В данной статье автором будут раскрыты некоторые практики использования ИИ-инструментов при проведении качественных исследований (в частности, при применении специализированной ИИ-платформы eXeDrive¹, которую автор использовал для анализа качественных данных в контексте стратегических коммуникационных исследований). На основе этого материала автор предлагает концептуализацию тандема «исследователь + ИИ» как особой конфигурации современной аналитической практики, выявляет ее потенциал и предел использования, а также формулирует некоторые методологические процедуры, которые позволяют сохранить контроль исследователя над интерпретативным процессом и минимизировать риски алгоритмической предвзятости².

В настоящей статье целесообразно понимать взаимодействие исследователя и ИИ не как симметричный тандем в строгом смысле слова и не как субъектно-субъектное партнерство, а скорее как особую конфигурацию распределенной аналитической работы. В этой конфигурации ИИ не выступает самостоятельным интерпретатором или носителем исследовательской позиции. Это экспертно-консультативный инструмент в руках исследователя, способный ускорять поиск, сопоставление и предварительную группировку смысловых единиц, тогда как ответственность за интерпретацию, отбор значимых фрагментов, контроль над логикой вывода и итоговой валидацией остается за исследователем. Такой подход позволяет избежать как упрощенного сведения ИИ к алгоритму в детерминистском смысле, так и необоснованного наделяния его субъектностью. Тем самым исследователь не передает ИИ

¹ Сайт ИИ-платформы для маркетинга eXeDrive. URL: <https://exedrive.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

² Термин «тандем» в данной статье используется условно и обозначает рабочее взаимодействие, в котором ИИ выступает вспомогательным аналитическим инструментом, а исследователь сохраняет ведущую интерпретационную и этическую роль. Подчеркнем, это не равноправное партнерство человека и ИИ, ИИ — лишь помощник для исследователя в решении стоящих перед ним задач.

право понимать материал, а использует его как средство расширения аналитических возможностей при сохранении собственной методологической и интерпретационной ответственности.

Качественное исследование: от парадигмы интерпретации к вызовам цифровизации

Качественная социология в ее современном понимании сформировалась в середине XX века как альтернатива позитивистской схеме количественной науки. Ее фундаментальный принцип заключается в признании того, что социальная реальность не всегда сводима к измеряемым переменным и статистическим закономерностям: она конструируется через смыслы, интерпретации, практики взаимодействия между акторами, общий культурный контекст. Исследователь-качественник, в отличие от количественника, не стремится к объективному дистанцированию от объекта изучения; напротив, он признает, что его присутствие, его вопросы, его интерпретативная позиция неотделимы от того, что он изучает. Этот исходный посыл определил целый ряд устойчивых характеристик качественного исследования, которые зафиксированы в методологической литературе [Georgiou Konstantinos, 2024; Olmos-Vega, Dolmans, Vargas-Castro et al., 2023; Trundle, Araújo, Khan et al., 2025; Дудина, 2018; Рождественская, 2020].

Во-первых, это герменевтический характер анализа. Текст в контент-анализе, интервью, социологическое наблюдение понимаются не как прямое зеркало реальности, а как герменевтический объект, требующий интерпретации [Gülpinar, 2024; Хорошилов, 2024]. Всем социологам, кто занимается качественными исследованиями, с вузовской скамьи известно, что смыслы в качественных данных не лежат на поверхности, они скрыты, многослойны, зачастую противоречивы. Исследователь совершает акт интерпретации, вглядываясь в текст, задавая множество уточняющих вопросов в глубинных интервью, обнаруживая подтексты, истинные причины поведения информанта, ищет противоречия. Это именно то, что Х.-Г. Гадамер назвал горизонтом понимания [Гадамер, 1988: 351]. Этот процесс не может быть полностью алгоритмизирован, потому что он требует культурной, контекстуальной, иногда экзистенциальной вовлеченности исследователя.

Во-вторых, это рефлексивность. Согласно классическим работам в этой области, исследователь постоянно осознает и артикулирует собственную роль в процессе исследования (как его позиция, его предпосылки, его эмоции и предубеждения влияют на сбор и интерпретацию данных) [Gurr, Jones., McNabol, 2024; Olmos-Vega, Dolmans, Vargas-Castro et al., 2023; Ожиганова, 2018]. В данной работе под рефлексивностью понимается встроенная в исследовательскую процедуру практика контроля собственной аналитической позиции. Исследователь исходно занимает определенную профессиональную и методологическую позицию, которая влияет на отбор кодов, интерпретацию смысловых единиц и построение аналитических категорий. Поэтому

в процессе авторского исследования применялись процедуры самопроверки, сопоставления конкурирующих трактовок и повторного обращения к исходному материалу в тех случаях, когда возникал риск подмены данных исследовательскими ожиданиями. Таким образом, рефлексивность выступает здесь условием методологической дисциплины и интерпретационной ответственности исследователя. Заметим, что рефлексивность не является недостатком качественного исследования, который нужно нейтрализовать. Скорее, это его преимущество, поскольку признание собственной субъективности позволяет исследователю относиться критически к собственным выводам, видеть их парциальность, что открывает перспективу множественных интерпретаций. К тому же, именно рефлексивность зафиксирована в методологических требованиях к описанию исследовательского контекста, рассмотрению альтернативных интерпретаций, прояснению позиции автора и т. д.

В-третьих, это процессуальность и итеративность. Любое социологическое исследование (в т. ч. и качественное) — это, с одной стороны, четкая последовательность процедур, а с другой — циклический процесс, в котором анализ может инициировать новый сбор данных, новые гипотезы порождают необходимость повторного изучения уже собранного социологом материала и т. д.

Наконец, в-четвертых, это контекстуальность анализа. Качественное исследование исходит из того, что смыслы всегда связаны с контекстом (историческим, культурным, социальным или ситуационным). Слова и действия людей нельзя понимать изолированно, за ними стоят традиции, обстоятельства, эмоции, социальные нормы. Хороший анализ раскрывает не только то, что люди говорят и делают, но и все фоны, которые делают их смыслы именно такими [Geertz, 1973]. Для исследователя это означает отказ от простого сжатия данных в коды и категории. Вместо этого анализ должен разворачивать материал, показывая, как конкретный смысл возникает именно в этих условиях, именно у этих людей, именно в этой ситуации.

Однако в последнее десятилетие это привело к новому вызову, который можно обозначить как вызов масштабирования и ускорения. В контексте больших данных (big data), соцсетей, цифровой коммуникации объемы качественного материала, подлежащего анализу, выросли на порядок. Исследованием, оперирующим данными из 30–50 интервью, теперь уже никого не удивить. Все чаще мы видим в научных статьях результаты исследований, опирающихся на данные, взятые из сотен часов видеозаписей, десятка тысяч комментариев в соцсетях и т. п. Параллельно с этим сократились бюджеты и сроки исследовательских проектов. Поэтому многие социологи начинают применять ИИ и программирование в качественных исследованиях.

По нашему мнению, ИИ предлагает частичный ответ на вызов масштабирования и ускорения. Однако это может быть и решением, и ловушкой. Решением, если ИИ остается инструментом, подчиненным исследовательской логике, и находится под контролем рефлексивного исследователя. Ловушкой, если автоматизация подменяет саму аналитическую работу, когда исследователь делегирует интерпретацию алгоритму, полагаясь на его объективность.

Проблема делегирования интерпретации в качественном исследовании

Рефлексивность в качественной социологии определяется не только тем, что исследователь должен прилагать усилия для решения задач исследования, это еще и наблюдение за самим процессом исследования, критическое отношение к собственным предпосылкам, готовность пересмотреть свои интерпретации на основе эмпирики и ответов информанта. Рефлексирующий исследователь должен постоянно задавать себе вопросы: «Как я пришел к этой интерпретации? На основе какого прочитанного мною текста или услышанной информации я это заключаю? Есть ли альтернативные объяснения? Какие мои предубеждения, позиции, аффекты влияют на анализ?»

Эта рефлексивная установка раскрывается в конкретных методологических практиках. В глубинном интервью исследователь активно слушает, замечает тон голоса, паузы в речи информанта, уточняет неясные моменты, следит за своей реакцией на услышанное. В процессе кодирования исследователь делает это не механически, а задает себе вопросы: «О чем говорит этот отрывок? Какое событие, состояние, процесс здесь обозначаются? Как этот код соотносится с другими кодами? Какую более общую категорию он может представлять?» Такая работа предполагает непрерывный внутренний диалог между исследователем и текстом, в котором исследователь активен, вопрошает, ставит под сомнение собственные первые впечатления.

Именно эту рефлексивность ставит под вопрос внедрение ИИ. Когда исследователь получает от алгоритма готовое кодирование текста (список выявленных тем, предложенных категорий, выведенных закономерностей), он может быть выключен из процесса создания этих смыслов. Его роль может трансформироваться из активного интерпретатора в пассивного проверяющего того, верны ли коды и выводы, которые выдал ИИ. Такое смещение позиции, на наш взгляд, может привести к потере той рефлексивной глубины, которая составляет силу качественного анализа.

Более того, возникает проблема, которую условно можно назвать алгоритмической инерцией³, когда ИИ выдает свои выводы с видимостью объективности, научности, нейтральности. Исследователь может бессознательно склоняться к тому, чтобы принять эти выводы, предполагая, что ИИ более непредвзят, чем его собственное суждение. Стоит отметить, что ученые уже доказали, что люди часто переоценивают надежность алгоритмических рекомендаций и склонны следовать им, даже когда они противоречат их

³ Алгоритмическую инерцию в контексте данной статьи следует понимать в связи с феноменом когнитивной капитуляции (cognitive surrender), достаточно ярко описанной в работах американских ученых С. Шоу и Г. Нэйва [Shaw, Nave, 2026], то есть с тенденцией принимать ответы ИИ без достаточной критической проверки. В отличие от сугубо технического смысла инерции, в данной статье речь идет о методологическом сдвиге, когда исследователь начинает воспроизводить предложенные ИИ ходы интерпретации, ослабляя собственную рефлексивную проверку и поиск альтернативных объяснений. Таким образом, алгоритмическая инерция обозначает не столько свойство самой системы, сколько риск смещения аналитической инициативы, когда исследователь бездумно передает рефлексию ИИ.

собственной информированной оценке [Vicente, Matute, 2023; Logg, Minson, Moore, 2019]. Поэтому важно учитывать, что молчаливое согласие с выводами ИИ, утрата критической позиции и другие проблемы, которые пока что не преодолены, требуют разработки специальных методологических процедур контроля, обеспечивающих сохранение исследовательской рефлексивности и эпистемологической ответственности.

Таким образом, использование ИИ в качественном анализе требует не просто технической подготовки, но и активного методологического переосмысления роли исследователя в условиях делегирования части аналитических функций ИИ.

Критерии ИИ-поддержки валидности и надежности качественного исследования

Классические критерии валидности качественного исследования, сформулированные Линкольном и Губой, включают:

- доверительность и правдоподобность: соответствие полученных результатов эмпирическому материалу; степень, в которой исследователь адекватно репрезентировал точки зрения информантов;
- трансферабельность: возможность переноса полученных выводов на другие контексты; описание контекста исследования должно быть достаточно подробным;
- надежность: воспроизводимость процесса исследования; документирование процедур анализа;
- подтверждаемость: возможность для внешнего рецензента проверить логику и основания исследовательских выводов [Lincoln, Guba, 1985: 289–331].

Эти критерии приобретают новое значение, когда в исследование вводятся ИИ-инструменты. Проблема воспроизводимости становится наиболее острой, поскольку если алгоритм ИИ не полностью детерминирован (большинство современных ИИ-моделей содержат элементы стохастичности), то запуск одного и того же анализа дважды может дать разные результаты. Проблема доверительности усложняется тем, что ИИ на момент написания данной статьи пока что склонен к частым галлюцинациям (фактически — к искажениям результатов анализа). Проблема надежности требует расширенного описания: исследователь должен описать не только классические процедуры анализа, но и специфику работы с ИИ-инструментом, т. е. прописать, какая модель нейросети использовалась, какие параметры были установлены, какие промпты или инструкции давались алгоритму, какие проверки валидности были проведены. Так поступают далеко не все исследователи.

Вследствие этого возникает необходимость в появлении дополнительных критериев для оценки качества исследования, в котором задействован ИИ. Перечислим некоторые из них:

- прозрачность алгоритма: степень, в которой исследователь может понять и объяснить, как алгоритм пришел к своим выводам;

- валидация с участием человека: процедуры, при которых выводы алгоритма систематически проверяются исследователем на соответствие исходным данным;
- аудит предвзятостей: явное выявление и документирование предубеждений, встроенных в ИИ-модель и обучающие данные;
- интерпретируемость результатов: возможность для исследователя полностью объяснить и обосновать каждый алгоритмический вывод на основе эмпирического материала.

Таким образом, повсеместное внедрение ИИ-инструментов в практику социологов-исследователей и маркетологов-стратегов трансформирует классические критерии валидности качественного исследования, создавая новые методологические вызовы, особенно в области воспроизводимости и доверительности. Необходимость разработки дополнительных критериев подчеркивает принципиальную роль исследовательского контроля в тандеме «исследователь + ИИ».

Алгоритмическая предвзятость и ее проявления в качественном анализе

Под алгоритмической предвзятостью (algorithmic bias) в широком смысле понимается систематическое отклонение результатов, которое производит алгоритм, независимо от того, намеренное оно или нет. По опыту автора, можно отметить, что в контексте машинного обучения и генеративных ИИ-моделей, которые используются для анализа качественных данных, источники такой предвзятости многочисленны:

1. Предвзятость в обучающих данных. Известно, что генеративные модели обучаются на больших объемах текстов из интернета. Эти массивы данных в полной мере отражают социальные предубеждения, которые присутствуют в интернет-дискурсе. Когда модель обучается на этих данных, она усваивает эти смещения [Logg, Minson, Moore, 2019].
2. Предвзятость в архитектуре модели и целевых функциях, когда ИИ-модель устроена так, что может вводить систематические смещения. Например, если модель обучена минимизировать ошибку классификации путем максимизации согласия с большинством примеров, она может систематически игнорировать или недооценивать оставшиеся голоса, маргинальные точки зрения, необычные паттерны поведения.
3. Предвзятость в формулировке заданий. Если исследователь работает с генеративной моделью через промпты (инструкции на естественном языке), то, как показывает опыт автора данной статьи, формулировка самого промпта может иметь огромное влияние на результаты, которые выдает ИИ. Небольшое изменение в формулировке может кардинально изменить выводы из анализа. Поэтому исследователь, часто неосознанно, может встроить свои предубеждения в сами промпты, и алгоритм ИИ будет их репродуцировать и усиливать.

Конкретно для качественного анализа эти смещения проявляются в нескольких формах:

1. Упрощение и нормализация нарративов. Алгоритм ИИ может иметь тенденцию воспринимать и выделять из текстов типичные, социально одобренные нарративы, игнорируя или недооценивая необычные, конфликтные, маргинальные голоса. Например, в исследовании карьерных планов молодежи Москвы ИИ-модель может выделить романтизированный нарратив успеха и богатства, оставив в тени более сложные истории сомнений, неудач, социальной стигматизации.
2. Воспроизведение доминирующих дискурсов. Массивы данных, на которых обучаются ИИ-модели, отражают не нейтральное распределение голосов в обществе, а распределение голосов в интернете, где часто доминируют более молодые, более активные пользователи сети. Анализируя качественные данные, ИИ-алгоритм может «тянуться» к этим доминирующим дискурсам, даже если они нерепрезентативны для анализируемого массива данных конкретного исследования.
3. Конфабуляция и галлюцинация. Для качественного исследователя это критически опасно, поскольку может подрывать валидность исследования.
4. Смещение в сторону количественных показателей. Алгоритмы часто учатся минимизировать ошибку, оцениваемую количественно. Это может привести к тому, что алгоритм начинает игнорировать качественные аспекты анализа, которые нелегко поддаются численной оценке (например, контекст, двусмысленность, полисемию слов).

Эти источники предвзятости требуют от исследователя особого внимания и разработки протоколов проверки и верификации.

Опыт проведения качественных исследований в тандеме «исследователь + ИИ»

Использование различных информационных технологий в качественном исследовании всегда сопровождалось тем, что внедрение чего-то нового в практику изменяло позицию исследователя и его отношение к данным.

На основе проведенного исследования мы предлагаем четырехэтапную схему работы в тандеме «исследователь + ИИ», ориентированную на сохранение рефлексивного контроля и повышение прозрачности аналитического процесса. Первый этап включает предварительное проектирование аналитической архитектуры: формулирование исследовательской задачи, определение границ корпуса, описание единиц анализа и построение первичной системы кодов. Второй этап представляет собой итеративный цикл сопоставления: здесь ИИ используется для предварительного тематического группирования и выявления повторяющихся смысловых линий, после чего исследователь вручную сопоставляет предложения, которые ему дает ИИ, с исходными фрагментами и уточняет задачи. Третий этап связан с двухуровневой

валидацией: на первом уровне проверяется согласованность кодирования и устойчивость тематических решений, на втором — интерпретационная обоснованность выводов с учетом контекста, источника высказывания и возможных альтернативных прочтений. Четвертый этап включает аудит системных смещений и методологическую рефлексию, в рамках которых фиксируются случаи алгоритмической инерции, потенциальные искажения, вызванные чрезмерным доверием к результатам, которые выдает ИИ, а также моменты, когда исследовательская позиция требует пересмотра собственных аналитических ожиданий.

Подчеркнем, предлагаемая схема не сводится к техническому описанию работы с платформой, основанной на ИИ, поскольку каждый этап предполагает не только действие, но и процедуру контроля со стороны исследователя. В этом смысле методологический вклад настоящего исследования состоит в том, что ИИ включается не как источник готовых интерпретаций, а как средство повышения аналитической чувствительности при обязательном сохранении авторской ответственности за итоговый результат. Такая организация работы позволяет одновременно ускорять анализ и удерживать рефлексивный характер качественного исследования, не подменяя интерпретацию автоматической генерацией выводов.

Заметим, когда в конце XX века в качественные исследования вошли компьютеры и программы для качественного анализа данных, такие как NVivo, ATLAS.ti и др., это ускорило процесс проведения качественных маркетинговых и социологических исследований. Инструменты изменили саму логику аналитической работы. Исследователь, который раньше вручную размечал текст цветными карандашами, создавая собственную визуальную семиотику кодов, теперь работает с древовидной иерархией кодов в интерфейсе программы. Это имело следствия: с одной стороны, облегчало поиск и сортировку кодов, позволяло быстро находить все примеры кода в массиве данных; с другой — могло способствовать более механистическому подходу к кодированию, потере контакта с целостностью текста.

Похожим образом будет перестраивать процессы в качественных исследованиях использование ИИ-инструментов. Исследователь, который будет использовать ИИ, не просто получит новый инструмент, он войдет в новую конфигурацию: человек + алгоритм + интерфейс. В этой конфигурации появляются не только новые возможности (скорость, масштабируемость, возможность выявления паттернов, которые не заметны человеку), но и новые риски (алгоритмическая предвзятость, потеря рефлексивности, делегирование интерпретации).

Важное значение имеет то, как исследователь позиционирует себя в этой конфигурации. Цифровые технологии одновременно являются источником этических проблем и инструментом внедрения этических политик⁴.

⁴ Например, в Финансовом университете при Правительстве РФ уже более 2 лет ведется дискуссия о применении ИИ в образовательном процессе и анализе данных исследований. Результатом этой дискуссии должен стать внутренний нормативный документ, регламентирующий применение ИИ студентами при подготовке к занятиям, обработке данных исследований, создании презентаций и т. д.

В свете вышеописанных вызовов и проблем в данной статье предлагается концептуализировать использование ИИ в качественном анализе через категорию тандема (от французского *tandem* — пара). Тандем — это сочетание двух элементов, особая конфигурация, в которой два субъекта движутся в одном направлении, синхронизируя свои действия, энергию и скорость.

Концепция тандема «исследователь + ИИ» противостоит двум крайностям:

- 1) полной автоматизации, при которой исследователь отдает аналитические функции в полное ведение алгоритма, превращаясь в администратора инструмента;
- 2) полному отвержению ИИ как методологически несовместимого с качественной социологической парадигмой.

Тандем предполагает, что исследователь и ИИ работают в тесной координации, каждый выполняет те функции, для которых он лучше приспособлен:

- ИИ быстро обрабатывает большие объемы текстовых данных, выявляет статистические паттерны, предлагает гипотезы на основе обучения на больших массивах информации, ускоряет рутинные операции кодирования и категоризации;
- исследователь сохраняет контроль над общей логикой исследования, критически оценивает алгоритмические выводы, проверяет их соответствие исходным данным, выявляет и корректирует алгоритмические смещения, совершает качественный скачок от данных к теории, интегрирует выводы в более широкий контекст знания, несет этическую и профессиональную ответственность за результаты [Diakopoulos, 2016; Pasquale, 2015].

Такой тандем, безусловно, требует от исследователя новых компетенций: понимания того, как работает ИИ-инструмент, способности сформулировать четкие инструкции (промпты) алгоритму, критического отношения к алгоритмическим выводам, умения проектировать процедуры верификации. Но в то же время тандем сохраняет то, что делает качественное исследование мощным: рефлексивность, критическую позицию, ориентацию на смыслы и контексты, приверженность эмпирическому материалу.

Техническая реализация тандема «исследователь + ИИ» требует четко разработанного рабочего плана, в котором каждый этап имеет явные критерии качества и точки принятия решений. Ключевое отличие от традиционного CAQDAS-анализа (NVivo, MAXQDA и др.) в том, что исследователь не просто управляет категориями, но и активно взаимодействует с логикой алгоритма, переучивая его под специфику своего материала.

Для удобства работы с полученными данными⁵ мы использовали платформу eXeDrive⁶. В разработанной нами схеме ключевые этапы анализа

⁵ Автор статьи не ставит задачу рекламировать данную платформу, в этом нет необходимости. Данная платформа использовалась лишь как инструмент, который помог реализовать авторские задумки и решить поставленные исследовательские задачи. Платформа выступает не как самостоятельный интерпретатор, а как технологический модуль в составе исследовательской процедуры, подчиненной логике рефлексивного контроля.

⁶ eXeDrive — это российская онлайн-платформа на базе ИИ, которая помогает повышать продажи и ускорять бизнес-процессы за счет выстраивания маркетинговых стратегий, решения задач и автоматизации. Она обучена на более чем 3000 маркетинговых кейсов, выстраивает

социологической информации оставались под контролем исследователя, тогда как ИИ, который реализован внутри eXeDrive, обеспечивал ускорение рутинных операций и выявление повторяющихся смысловых структур. Именно такая конфигурация позволила сократить время анализа без потери методологической управляемости процесса.

Мы выделяем тут несколько этапов:

1. Этап подготовки и разработки архитектуры анализа. Перед загрузкой данных исследователь сначала должен сконструировать исследовательский запрос. На старте работы с платформой eXeDrive производится диагностика, определяются методические сложности, которые могут возникнуть в процессе исследования⁷. Далее исследователь производит описание семантических полей каждой категории исследования, создает многоуровневую структуру анализа данных. Для каждой подкатегории с помощью ИИ указываются типичные лингвистические маркеры, релевантные метафоры, контекстные условия и т. д. Параллельно документируется исследовательская позиция: какие предположения имеет исследователь, какие альтернативные объяснения он хочет исключить или включить. Фактически получается подробный профессионально составленный промпт, который разрабатывается совместно и исследователем, и ИИ. По времени это занимает от 1 до 7 часов в зависимости от опыта исследователя в области промптирования и сложности стоящих перед ним задач.
2. Система итеративной обратной связи и коррекций. На этом этапе уже должны быть получены результаты качественных исследований на небольшой выборке (можно провести 10–12 полуструктурированных глубинных интервью, транскрибировать их в текст, например, с помощью телеграм-бота «Буквица», далее составить с помощью ИИ общий файл и «скормить» его ИИ). Исследователь не ждет, пока интервьюеры предоставят весь пакет транскриптов интервью, он начинает работу с первыми транскриптами сразу же, чтобы система получила первые данные для последующей ее отладки. Он проводит микроаналитику (еще ее можно назвать супервизией): внимательно изучает результаты того, что выдал ИИ при обработке результатов нескольких интервью, анализирует наиболее проблемные фрагменты (низкая уверенность модели, случаи галлюцинации и др.) и лично дает обратную связь ИИ с подробным обоснованием, с чем он как исследователь не согласен. Эти правки формируют обучающий набор, на котором ИИ переобучается локально (не переучивая общую архитектуру, что позволяет избежать перефразирования и др.). Результат — точность ответов ИИ

персональный трек под исследовательские задачи, помогает проводить диагностику проблем в маркетинге, анализирует результаты качественных исследований, строит отчеты и делает презентации под различные метрики.

⁷ Типовой промпт, который вводится в диалоговое окно платформы при старте работы с ней, выглядит так: «Изучи массив данных. Далее выдели тематические кластеры по критериям X, Y, Z, игнорируя эмоциональный фон».

- по уточненному промпту повышается на 8–15% за одну итерацию. Процедура повторяется 2–3 раза. Временные затраты — до 5 часов.
3. Валидация на двух уровнях сложности. После достижения приемлемой точности исследователь проводит проверку:
 - уровень 1 (связность внутри интервью): проверка логики кодирования внутри одного интервью. Например, если информант говорит о карьере как о стабильности в самом начале интервью и как о саморазвитии в конце, коды должны отражать эту траекторию, а не унифицировать высказывания. Исследователь вручную читает транскрипты 10–12 полных интервью, проверяя, сохранила ли система внутреннюю нарративную логику;
 - уровень 2 (чувствительность к контексту): исследователь создает набор контрольных вопросов. Например: *«Как система кодирует высказывание: „Я хотел бы больше зарабатывать, но это не главное“? Это финансовая мотивация или все-таки деньги — это не главное в жизни?»* Такие вопросы выявляют скрытые предположения ИИ-алгоритма о приоритизации смыслов. Временные затраты — до 6 часов (по опыту автора данной статьи).
 4. Протокол выявления и нейтрализации системных смещений. После базовой валидации исследователь проводит специальный аудит на предмет ошибок в рабочем варианте промпта. Для этого по каждой основной категории запускается анализ распределения по подвыборкам (пол, возраст, образование, основная сфера деятельности и др.). Если выявляется асимметрия, например, видна разница между тем, что выдал ИИ при обработке всего массива транскриптов, и статистическими данными по полу, исследователь вручную проверяет несколько интервью этого пола, чтобы убедиться в четкости или в ошибочности работы ИИ-алгоритма. На основе проверки принимается решение: либо скорректировать промпт (если это системная ошибка), либо зафиксировать асимметрию как исследовательское наблюдение. Временные затраты — до 3 часов.

Далее представим результаты реального исследования, которое автор проводил в период с 19 мая по 26 июня 2025 года. Объем выборки: 86 полуструктурированных глубинных интервью (средняя длительность 78 минут), итого 287 страниц транскриптов, это примерно 600 000 знаков в тексте (интервью проводили шесть исследователей-стажеров по разработанному автором гайду, велась аудиозапись с согласия информантов, затем она транскрибировалась в текст с помощью телеграм-бота «Буквица»). Заказчик исследования предоставил четкий портрет целевой аудитории, по которому отбирались информанты: гендер (23 мужчины, 63 женщины), возраст (пропорциональное распределение по когортам), профессиональный статус (пять категорий: наемные работники, самозанятые и ИП, руководители, госслужащие, студенты), сфера деятельности, уровень дохода.

Мы разработали схему из 15 основных кодов и 43 подкодов. Кодировочная схема была основана на пилотном ручном анализе 12 интервью

и теоретическом обзоре научной литературы. При загрузке всего массива транскриптов в eXeDrive эта ИИ-платформа обработала его за 6 минут. Однако на пилотной выборке из 12 интервью согласованность промежуточных решений составила только 74% (по контрольной разметке исследователя). Основные проблемы:

- ИИ путал близкие семантически коды (например, «поиск смысла» и «самообеспечение»), потому что оба содержали слова о развитии и будущем;
- система чрезмерно активировала код «социальное давление», даже когда речь шла о согласованном выборе, совпадающем с ожиданиями окружающих.

Далее автор-исследователь провел 4 итерации микрокоррекции. В первой итерации были пересмотрены 87 фрагментов из 1500 кодировок (5,8%). Переклассификации касались уточнения граней между кодами: «поиск смысла» переопределен как внутренне мотивированная переоценка жизненных целей, в отличие от «адаптации к обстоятельствам», которая реактивна. Добавлены маркеры различия: поиск смысла содержит нарративы о кризисе и последующем переопределении; адаптация — о принятии внешних условий. После переобучения ИИ на этих примерах точность выросла до 84%. Вторая итерация (82 переклассификации, 5,5%) сосредоточилась на различии интенциональности. Высказывание: «я делаю это потому, что так надо», — может быть и нормой (человек согласился с требованием), и подавленным сопротивлением. После второй итерации точность составила 91%. Третья и четвертая итерации касались граничных случаев и редких кодов (например, «трансцендентные переживания» встретились всего в трех интервью). Финальная доля устойчиво воспроизводимых кодовых решений достигла 95,1%.

Заметим, что включение количественных индикаторов в исследование, основанное на герменевтической логике, оправдано лишь в том случае, если они рассматриваются как показатели процедурной надежности, а не как измерители смысла. В данном исследовании такие показатели отражают устойчивость кодировочных решений, согласованность аналитических шагов и степень необходимости корректировки первоначальных выводов. Тем самым количественные данные выполняют вспомогательную функцию, поддерживая интерпретативный анализ и обеспечивая его контролируемость, но не подменяя собой понимание текста. Иными словами, герменевтика в данной работе определяет способ понимания материала, а количественные показатели фиксируют дисциплину этого понимания и позволяют сделать процесс анализа более прозрачным для внешней проверки.

После стабилизации промпта на платформе eXeDrive исследователем был проведен кросс-кейсный анализ. Выявлены асимметрии в распределении кодов:

- в когорте более молодых потенциальных пользователей ИТ-платформы (25–30 лет) доминируют коды «профессиональное становление». У более возрастных информантов (36–40 лет) зафиксирован резкий рост кодов «пересмотр приоритетов», «принятие ограничений»;
- по гендеру: женщины чаще упоминают баланс «работа — семья», но парадоксально чаще говорят о полной отдаче работе в ущерб личной жизни.

Мужчины демонстрируют большую унифицированность выборов: либо карьера, либо семья, редко их интеграцию;

- по профессиональному статусу: самозанятые и ИП чаще упоминают «финансовую нестабильность как источник личного роста», а наемные работники — «организационную идентичность».

Однако исследователь провел контрверификацию каждого паттерна. Например, паттерн «женщины и баланс» был перепроверен путем прямого чтения интервью 10 женщин, которым система не присвоила этот код. Результат: в 6 из 10 интервью баланс действительно не упоминался; в 4 интервью баланс был, но завуалирован (женщины говорили о нем косвенно, через истории о конфликтах в семье). Это привело к переклассификации и уточнению промпта: *«Выдели не только прямые упоминания баланса, но и нарративы о конфликте, когда человек пытается совмещать различные социальные роли»*. После коррекции паттерн стал более точным.

Проект, описанный выше, был завершен за 3 недели (104 рабочих часа) (включая полевой этап сбора информации интервьюерами, транскрибацию 86 глубинных интервью с помощью ИИ, работу по налаживанию системы обработки качественной информации на платформе eXeDrive, подготовку и валидацию промптов и составление итогового отчета для заказчика исследования). Для сравнения: традиционный анализ 86 интервью с использованием только ручного кодирования в NVivo требует гораздо больше времени (по опыту автора, примерно в 4–6 раз больше). Кроме того, ИИ помогает в транскрибации аудиозаписей: 70-минутная запись глубинного интервью транскрибируется без потери слов за 2–3 секунды с помощью телеграм-бота «Буквица» или аналогов. Экономия времени и ресурсов команды исследователей очевидна.

Заказчик использовал результаты представленного выше анализа для разработки маркетинговой стратегии, ориентированной на разные ценности в продукте для своей целевой аудитории.

Несмотря на отличные результаты работы в тандеме «исследователь + ИИ», описанный выше проект выявил границы применимости ИИ-кодирования:

- коды, основанные на отсутствии речи (молчание информанта в ответ на вопрос и т. п.), крайне плохо кодируются алгоритмом. Например, информант может избегать разговора о финансовых затруднениях, что является диагностическим признаком стигматизации. ИИ при транскрибации не может пока улавливать такие подтексты. Исследователь вынужден был ввести специальный код-маркер «невыговоренное», но его валидность остается низкой;
- иронические и парадоксальные высказывания часто неправильно кодируются. Фраза: *«Я очень люблю дедлайн»*, — может быть как восторженным выражением увлеченности работой, так и саркастическим высказыванием о том, что очень часто приходится работать в режиме нехватки времени, даже если этого не хочется. ИИ-алгоритм выбирает буквальное толкование в большинстве случаев, т. к. по транскрипции не до конца понятно, что имел в виду информант;

- цитирование чужих мнений (информант пересказывает, что сказала ему мама, начальник, подруга) часто кодируется как собственное мнение информанта. Требуется ручное выделение таких случаев и их отдельная кодировка.

Предлагаемые методологические решения и трансформация роли исследователя

Опыт показывает, что интеграция ИИ требует не только технической адаптации, но и переопределения исследовательской профессии. Можно обозначить несколько моментов, на которые следует обратить внимание исследователей, использующих ИИ в качественных исследованиях:

1. Иерархическая система промптов. Вместо единого статичного промпта лучше разработать систему из 3–4 уровней промптов, каждый из которых специализируется на определенном классе проблем:
 - уровень 1 (базовый): кодирование явных смыслов, стандартных категорий;
 - уровень 2 (углубленный): поиск коннотаций, неявных смыслов, противоречий;
 - уровень 3 (критический): выявление умолчаний, сарказма, цитирования, парадоксов.

Каждый промпт запускается последовательно; результаты комбинируются с разработкой приоритизации (явные смыслы приоритизируются выше в случае конфликта). Это обеспечивает многомерность без одновременной перегрузки алгоритма.

2. Встроенный модуль верификации исследователем данных. Например, eXeDrive можно интегрировать с модулем обученной только на ответах нейросети (так, можно создать ИИ-агента в ChatGPT, который автоматически разбирает сегменты с низкой уверенностью в чем-то и сложные случаи — сегменты с множественными и подробными ответами). Исследователь в этом случае получает отфильтрованный список из 200–300 проблемных фрагментов вместо того, чтобы проверять весь корпус. Это сокращает время верификации на 40–50%.
3. Динамическое переопределение кодов в процессе анализа. Традиционный подход в качественных социологических и маркетинговых исследованиях требует фиксированной кодировочной схемы перед анализом. Но мы предлагаем использовать гибридный подход: 70% кодов задаются априори (базируясь на теории и пилоте), 30% появляются позже, в процессе анализа первых 10–12 интервью. После этого ИИ-система переобучается на всем массиве данных. Это позволяет избежать как теоретической закрытости, так и чрезмерной фрагментации кодов.
4. Эксплицитное моделирование контекста. Для кодирования молчаний и парадоксов система нуждается в контекстной информации, которая

не видна в отдельном сегменте. Предлагается добавить метаданные на уровне интервью: пол, возраст, социальный статус информанта, стиль работы интервьюера, эмоциональный тон беседы. ИИ-алгоритм может использовать эти переменные для условного кодирования: код «финансовое затруднение, скрываемое» применяется, если информант моложе 30 лет и говорит о финансах монотонно (низкий эмоциональный градус, что может указывать на защиту).

Таким образом, внедрение ИИ в качественные исследования принципиально меняет профессиональный профиль социолога-качественника:

- исчезают навыки механического кодирования, умение долго сохранять концентрацию на повторяющихся операциях (теперь это делает ИИ);
- усиливаются такие качества, как критическое мышление (постоянная проверка алгоритма), концептуальное творчество (больше времени на синтез получаемой информации), коммуникативные навыки (объяснение выводов заказчикам, которые могут скептически относиться к ИИ-анализу);
- появляются новые навыки работы с современными системами (понимание работы ИИ-алгоритмов, написание рабочих промптов и т. д.), умение проектировать процедуры верификации, знакомство с основами машинного обучения (на уровне понимания ограничений и возможностей).

На наш взгляд, это требует переподготовки социологов. Опираясь на опыт автора в проведении качественных исследований с помощью ИИ, можно предложить внедрение в учебные планы подготовки социологов и маркетологов такие учебные дисциплины или факультативы, как: «ИИ для качественного анализа», «Основы промпт-инженерного дела для исследователей», «Этика и ответственность в ИИ-исследованиях».

Заключение

Исследование демонстрирует, что ИИ в качестве помощника для исследователя позволяет существенно сократить время качественного анализа без ущерба валидности выводов при условии систематического контроля результатов, которые выдает ИИ. Ключевым достижением апробированной методологии стала разработка четырехэтапной процедуры работы в тандеме «исследователь + ИИ»: проектирование аналитической архитектуры, итеративное сопоставление версий кодирования, двухуровневая валидация результатов и аудит системных смещений. Эти шаги обеспечивают не только прозрачность процесса, но и возможность отслеживания случаев алгоритмической инерции и когнитивной капитуляции, когда исследователь рискует передать интерпретационную инициативу ИИ.

Особо стоит отметить, что опыт работы в такой конфигурации не просто ускоряет анализ, но и интенсифицирует рефлексивность исследователя. Постоянное сопоставление предложений, выдаваемых ИИ, с собственными

интерпретациями делает видимыми как потенциальные предвзятости ИИ, так и собственные аналитические ожидания автора. Иерархическая система промптов, двухуровневая проверка и протокол аудита смещений превращают взаимодействие с ИИ в инструмент повышения методологической дисциплины и эффективности работы исследователя.

Таким образом, ИИ не замещает, а усиливает исследовательскую рефлексию, делая ее более систематической и документируемой. Предложенная в статье схема представляет собой фактически готовый инструмент для проведения сложных качественных исследований, позволяющий работать с большими массивами данных без потери интерпретативной глубины.

Также подчеркнем, что интеграция ИИ-инструментов в качественный анализ не является технологическим ноу-хау. Но следует отметить, что использование тандема «исследователь + ИИ» станет в ближайшие годы частой практикой. Считаем, что предложенные в статье процедуры служат инструментами сохранения исследовательского контроля в условиях автоматизации качественных исследований. По мнению автора, будущие разработки должны быть направлены на совершенствование прозрачности алгоритмических решений и развитие методологического образования социологов в области ИИ-компетенций. В перспективе развитие таких подходов потребует трансформации профессиональных навыков и включения специализированных курсов по ИИ-методологии в образовательные программы социологов и других исследователей.

Литература / References

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем и общ. ред. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.

Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki* [Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics]. Transl. from Germ and ed. by B. N. Bessanova. Moscow: Progress. (In Russ.)

Герасимова Т. А. Генезис понятия «рефлексивные умения» в исследованиях современных ученых // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80–2. С. 81–85. EDN: ISOBFK

Gerasimova T. A. (2023) The Genesis of the Concept “Reflexive Skills” in the Research of Modern Scientists. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. No. 80–2. P. 81–85. (In Russ.)

Декал Е. Е., Борзова Т. В. Становление понятия рефлексивности в психологии (по материалам отечественных и зарубежных источников) // Российский журнал образования и психологии. 2025. Т. 16. No. 3. С. 514–540. DOI: <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-3-761>

Dekal E. E., Borzova T. V. (2025) Formation of the Concept of Reflexivity in Psychology (Based on Domestic and Foreign Sources). *Rossijskij zhurnal obrazovaniya i psihologii* [Russian Journal of Education and Psychology]. Vol. 16. No. 3. P. 514–540. DOI: <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-3-761> (In Russ.)

Дудина В. И. Эпистемическая рефлексивность в социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. № 2. С. 146–159. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.201>

Dudina V.I. (2018) Epistemic Reflexivity in Sociology. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. Vol. 11. No. 2. P. 146–159. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.201> (In Russ.)

Лустин Ю. М. Рефлексивное мышление студента в гносеологической доминанте цифрового образования // Архонт. 2022. Т. 32. № 5. С. 93–102. EDN: [BLMCCCK](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.201)

Lustin Yu.M. (2022) Reflective Thinking of a Student in Gnoseological Dominant of Digital Education. *Archont* [Archont]. Vol. 32. No. 5. P. 93–102. (In Russ.)

Ожиганова Г. В. Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 5. С. 22–31. EDN: [MKWIMP](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.201)

Ozhiganova G.V. (2018) Reflexion, Reflexivity and Higher Reflexive Abilities: Approaches to Research. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 23. No. 5. P. 22–31. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) INTER-Encyclopedia: Narrative Interview. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 4. P. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8> (In Russ.)

Соколов А. В., Фролов А. А., Бабаджанян П. А. Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 622–637. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637> EDN: [LRRSDH](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637)

Sokolov A.V., Frolov A.A., Babajanyan P.A. (2025) Leveraging AI Technologies in Politics: Navigating Threats and Unveiling Opportunities. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science]. Vol. 27. No. 3. P. 622–637. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637> (In Russ.)

Стребкова К. Е. Технологии искусственного интеллекта как инновационный инструмент реализации государственной молодежной политики РФ: стратегии, механизмы и практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 590–605. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-590-605> EDN: [LSQJAX](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-590-605)

Strebkova K.E. (2025). AI-driven Innovation in Russian Youth Policy: Strategies, Mechanisms, and Practices. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science]. Vol. 27. No. 3. P. 590–605. DOI <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-590-605> (In Russ.)

Хорошилов Д. А. Тематические сообщения: методология качественных исследований О. Т. Мельниковой // Новый психологический журнал. 2024. Т. 13. № 1. С. 29–37.

Khoroshilov D.A. (2024) Thematic Messages: Methodology of Qualitative Research by O.T. Melnikova. *Novyi psikhologicheskii zhurnal* [New Psychological Journal]. Vol. 13. No. 1. P. 29–37. (In Russ.)

Ядова М. А. Социальный портрет российских пользователей сервисами искусственного интеллекта: попытка анализа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2025. № 3. С. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.31249/iajpravo/2025.03.02>

Yadova M.A. (2025) Social Portrait of Russian Users of Artificial Intelligence Services: An Attempt at Analysis. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law]. No. 3. P. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.31249/iajpravo/2025.03.02> (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Феноменология профессионализма: практическое знание в социальной работе // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. С. 35–51.

Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V. (2006) Phenomenology of Professionalism: Practical Knowledge in Social Work. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management]. No. 2. P. 35–51. (In Russ.)

Diakopoulos N. (2016) Accountability in Algorithmic Decision Making. *Communications of the ACM*. Vol. 59. No. 2. P. 56–62. DOI: <https://doi.org/10.1145/2844110>

Georgiou Konstantinos (2024) Thematic Analysis: A Practical Guide. *European Journal of Psychotherapy & Counselling*. Vol. 26. No. 3–4. P. 461–464. DOI: <https://doi.org/10.1080/13642537.2024.2391666>

Geertz C. (1973) Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture. *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.

Gülpınar M.A. (2024) A Model Proposal for Qualitative Data Analysis, Interpretation, and Reporting: Contextuality, Reflectivity, and Narrativity. *Primary Health Care Research & Development*. Vol. 25. P. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1463423624000562>

Gurr H., Jones L., McNabola A. (2024) The Importance of Positionality for Qualitative Researchers. *Qualitative Health Research*. Vol. 34. No. 7. P. 595–606.

Lincoln Y.S., Guba E.G. (1985) *Naturalistic Inquiry*. Newbury Park. Beverly Hill: Sage Publications.

Logg J.M., Minson J.A., Moore D.A. (2019) Algorithm Appreciation: People Prefer Algorithmic to Human Judgment. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 151. P. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2018.12.005>

Lundberg I., Brand J.E., Jeon N. (2022) Researcher Reasoning Meets Computational Capacity: Machine Learning for Social Science. *Social Science Research*. Vol. 108. P. 1–50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2022.102807>

Nguyen-Trung K. (2025) ChatGPT in Thematic Analysis: Can AI Become a Research Assistant in Qualitative Research? *Quality & Quantity*. Vol. 59. P. 4945–4978. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-025-02165-z>

Olmos-Vega F.M., Dolmans D., Vargas-Castro N., Stalmeijer R.E. (2023) A Practical Guide to Reflexivity in Qualitative Research: AMEE Guide No. 149. *Medical Teacher*. Vol. 45. No. 3. P. 239–250.

Pasquale F. (2015) *Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Cambridge: Harvard University Press.

Shaw S.D., Nave G. (2026). Thinking-Fast, Slow, and Artificial: How AI is Reshaping Human Reasoning and the Rise of Cognitive Surrender. *SSRN Working Paper 6097646*. *The Wharton School, University of Pennsylvania*. P. 1–58. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.6097646>

Trundle C., Araújo N., Khan S., Phillips T. (2025) Beyond the Mirror: Challenging the Common Assumptions of Reflexivity in Qualitative Research. *Qualitative Inquiry*. Vol. 31. P. 1–18.

Vicente L., Matute H. (2023) Humans Inherit Artificial Intelligence Biases. *Scientific Reports*. Vol. 13. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-42384-8>

Сведения об авторе:

Микрюков Владимир Олегович — кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия. **E-mail:** vomikryukov@fa.ru. **РИНЦ Author ID:** 560447; **ORCID ID:** 000-0002-3025-6838.

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026

Принята к публикации: 02.02.2026

Features and Emerging Challenges of the “Researcher + AI” Tandem in Qualitative Sociological and Marketing Research

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.7

Vladimir O. Mikryukov *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*
E-mail: vomikryukov@fa.ru

In recent years, qualitative sociological and marketing research has faced a paradox: the demand for in-depth interpretative analysis of large data arrays coincides with the exponential growth of information volumes and shrinking project timelines, making traditional analysis methods inefficient in terms of time and resource costs. The integration of artificial intelligence (AI) tools into qualitative analysis of sociological and marketing data helps address some technical challenges but generates fundamental methodological issues, primarily concerning the preservation of researcher reflexivity as the central element of validity in qualitative research.

The article examines three key challenges: the problem of delegating interpretation to AI-based algorithms, the risk of algorithmic inertia and AI hallucination, and the question of methodological limits of AI application in sociology and marketing. The author proposes conceptualizing the “researcher + AI” tandem as a specific configuration of analytical practice where human reflexivity remains central, and AI serves as an auxiliary tool. Based on the author’s research experience analyzing 86 in-depth interviews using the AI platform exeDrive, the article demonstrates the possibility of significantly reducing analysis time without compromising the quality and validity of findings, provided systematic control and methodological discipline by the researcher are maintained.

The article proposes four procedures for working in the “researcher + AI” tandem: preparation and development of analysis architecture, iterative feedback system, two-level validation, and protocol for detecting systemic biases. The author also formulates additional criteria for AI-supported validity of qualitative research (algorithm transparency, human-involved validation, bias audit, result interpretability) and offers methodological solutions to minimize algorithmic bias. The article concludes on the need to transform the professional competencies of qualitative sociologists and introduce specialized AI methodology courses into academic curricula.

Keywords: qualitative research; artificial intelligence; “researcher + AI” tandem; data analysis methodology; research validity; AI algorithmic bias; qualitative research methodology

Author Bio:

Vladimir O. Mikryukov — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. **E-mail:** vomikryukov@fa.ru. **RSCI Author ID:** 560447; **ORCID ID:** 000-0002-3025-6838.

Received: 19.01.2026

Accepted: 02.02.2026

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.8
EDN: XBLIML

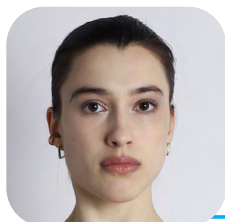
Экспертная валидация тематического моделирования (BERTopic) и последующее применение LLM к выделенным темам в качественном исследовании в рамках тематического анализа

Ссылка для цитирования:

Червоткина П. И. Экспертная валидация тематического моделирования (BERTopic) и последующее применение LLM к выделенным темам в качественном исследовании в рамках тематического анализа // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 2. С. 91–125. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.8> EDN: XBLIML

For citation:

Chervotkina P.I. (2026) Expert Validation of Thematic Modeling (BERTopic) and Subsequent Application of LLM to Selected Topics in Qualitative Research Within the Framework of Thematic Analysis. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 2. P. 91–125. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.8>

Червоткина Полина Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: bcur1119@gmail.com

Статья посвящена применению методов машинного обучения и генеративных языковых моделей в анализе качественных интервью. Цель работы — разработка и валидация смешанной методологии, сочетающей тематическое моделирование (BERTopic) с контролем эксперта. Эмпирическую базу составили 20 транскриптов полужформализованных интервью с членами семей о практиках заботы о здоровье. На первом этапе с помощью BERTopic, UMAP и HDBSCAN выделены кластеры реплик на основе биграмм и триграмм, а затем — с добавлением униграмм. Далее проведен подбор гиперпараметров. Второй этап включал валидацию кластеров экспертом и построение управляемой (guided) модели с добавлением тем от эксперта (seed-темы). Третий этап — визуализация связей тем через графы совместной встречаемости терминов. На четвертом этапе выполнены обобщение и группировка тем на основе результатов предыдущих этапов с использованием DeepSeek,

полученные данные сравнивались с работой кодировщика по темам модели BERT и транскриптам интервью.

Установлено, что BERTopic с биграммами и триграммами демонстрирует более высокое разнообразие тем (0,96) и разделимость (силуэтный коэффициент 0,69) по сравнению с моделью, включающей и униграммы (разнообразие тем 0,84, силуэтный коэффициент 0,56). Управляемые модели позволили снизить долю шумовых реплик, выявить темы, не обнаруженные при изначальном запуске модели (например, ошибки устройств) и повысить метрики разделимости тем (силуэтный коэффициент 0,72 для модели с биграммами и триграммами, 0,73 для модели с униграммами). LLM демонстрирует ограниченную способность самостоятельно формулировать темы, не заданные в промпте, однако ее работа умеренно согласуется с кодировкой исследователя. В работе предлагаются методы снижения галлюцинаций и повышения качества тематического обобщения со стороны LLM.

Ключевые слова: качественный анализ интервью; тематическое моделирование; BERTopic; большие языковые модели; тематический анализ; машинное обучение

Введение

Использование готовых языковых моделей при анализе качественных интервью сегодня активно осмысливается исследователями. На мой взгляд, применение ИИ в анализе качественных данных можно разделить на 3 способа: использование больших языковых моделей (LLM) через диалоговый интерфейс или API, применение специализированных методов машинного обучения для тематического моделирования, классификации или кластеризации и, наконец, использование специальных приложений и программ с готовыми алгоритмами обработки. Все перечисленные способы имеют свои ограничения и достоинства, однако в рамках данной работы рассматривается именно использование специализированных методов машинного обучения и предлагается способ их валидации с помощью эксперта.

Исследования по сравнению качества кодирования языковыми моделями и человеком-исследователем показывают, что ИИ демонстрирует достойный уровень работы. При анализе интервью в сфере здравоохранения сравнивалась согласованность кодировок GPT и исследователя, коэффициент Каппа Коэна составил 0.4, что соответствует умеренной согласованности экспертов [Li, Fernandez, Schwartz et al., 2024], при этом ИИ отлично выделил основные категории, но менее распространенные коды, в отличие от исследователя, он не выявил. При использовании больших языковых моделей общего доступа также встает вопрос о конфиденциальности данных: загруженные транскрипты интервью могут использоваться нейросетью дальше. В некоторых исследованиях используются модели, которые работают независимо от основной, не сохраняют введенные данные и не обучаются на их основе [Li, Fernandez,

Schwartz et al., 2024]. Использование API-обращений в облачной среде программирования (Google Colab) или локально на своем компьютере частично может решить этот вопрос, хотя политика обращения с данными пользователя может меняться, что оставляет риск того, что данные могут перейти третьим лицам. Также, чтобы избежать раскрытия данных, генеративные модели можно использовать на заключительных этапах: назвать уже сформулированные темы или коды более емко или их обобщить [Gamielien, Case, Katz et al., 2023]. Это имеет смысл с той точки зрения, что генеративные модели (GPT (OpenAI), DeepSeek и т. д.) являются трансформерами-декодерами и способны эффективно генерировать текст самостоятельно, а не просто выбирать данные из текста. К основным преимуществам работы с большими языковыми моделями относится скорость обработки, что позволяет исследователю получить предварительные результаты анализа и углубляться в материал уже исходя из этих данных [Hitch, 2024] или получить новые коды, которые не были замечены человеком.

Для улучшения результатов работы с языковыми моделями важно понимать специфику их работы, разделять задачи кодирования и обобщения уже полученных кодов. Некоторые авторы [Anakok, Katz, Chew et al., 2025] предлагают последовательное применение различных генеративных моделей под каждый этап тематического моделирования и дают конкретные советы по созданию промптов. Также минимальная настройка моделей, например, установление температуры, может помочь повысить воспроизводимость результатов или, наоборот, креативность [De Paoli, 2024; Anakok, Katz, Chew et al., 2025].

Важно отметить, что подход к использованию ИИ в анализе качественных данных не подчиняется единому шаблону, и исследователи экспериментируют с воспроизведением разных методов кодирования тематического анализа [De Paoli S., 2024; Anakok, Katz, Chew et al., 2025], обоснованной теории [Nelson, 2020], контент-анализа [Renz, Carrington, Badger, 2018]. В рамках обоснованной теории в работе с ИИ сохранялась индуктивная логика: математически выделялись паттерны, далее они интерпретировались исследователем, и снова с помощью компьютеризированных алгоритмов проверялась их распространенность [Nelson, 2020], при этом автор статьи сама адаптировала математические методы под свои задачи и корректировала их. Несмотря на то, что применение машинного обучения с написанием кода может быть довольно сложным для исследователя, именно этот способ позволяет комбинировать различные методы и при этом контролировать процесс обработки, меняя параметры. В отличие от этого большие языковые модели остаются «черным ящиком» и способны галлюцинировать. Воспроизводимость результатов здесь также затруднена, это возможно лишь при фиксации параметров, когда большая языковая модель разворачивается через API.

Другие авторы [Renz, Carrington, Badger, 2018] с помощью программы Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC) выделили характеристики того, как медсестры описывают свой опыт использования электронной записи, расширив изначальную интерпретацию. В этом случае стратегию можно назвать дедуктивной, так как анализ проводился с выявлением уже изначально

заданных характеристик в программе. Применение готовых программ для компьютерного анализа текста удобно с точки зрения готового интерфейса, но ограничивает исследователя в методах. Кроме того, поскольку сфера анализа естественного языка развивается быстро, программное обеспечение может устаревать и не обеспечивать такую же высокую скорость, как большие языковые модели и методы машинного обучения.

Некоторые исследователи стремятся анализировать ситуацию контекста интервью и фокусируются на самом взаимодействии между интервьюером и информантом. Они предлагают анализировать интервью не как набор изолированных высказываний, а как диалогическую практику, в которой значимы не только ответы, но и реплики интервьюера, их последовательность и взаимное влияние [Quillivic, Payet, 2024]. Для этого используется комбинация мультязычных эмбедингов предложений (Sentence-BERT) для измерения лингвистического выравнивания между репликами, а также классификация диалогических актов и тем с помощью обучения на малом числе примеров. Это позволяет выявлять, как характеристики участников (например, пол) или психологические особенности информантов (например, симптомы ПТСР) влияют на структуру беседы и стиль вопросов интервьюера, что дополняет содержательный анализ данных.

В рамках нашего исследования ставится задача проверки эффективности методов машинного обучения для кодирования данных в рамках тематического анализа, при этом компьютерные методы проверяются, корректируются исследователем. Результаты работы моделей машинного обучения дополнительно пересматриваются LLM и исследователем для корректировки тем, при этом исследователь может использовать полные транскрипты, а не только отдельные реплики. Это позволяет оценить, насколько результаты машинного обучения полезны для последующего кодирования как генеративной моделью, так и кодировщиком-человеком. Используемые алгоритмы выложены в открытый доступ на платформе GitHub¹. Эффективность методов машинного обучения подразумевает выделение интерпретируемых тем с высокими метриками разделимости (силуэтный коэффициент > 0,6), а также удобство для исследователя (сокращение времени на первичное ознакомление с материалом) и для LLM (отсутствие галлюцинаций) при использовании этих результатов для обобщения тем.

Методология

Ниже представлено подробное описание этапов применения методов.

Этап 1. Выделение кластеров с помощью BERTopic и подбор гиперпараметров. Все реплики информантов лемматизируются с сохранением частицы «не». Для каждой реплики вычисляются векторные представления (BERT), после

¹ Pachpol8. Healthcare-Topics-Bertopic. *GitHub*. URL: <https://github.com/Pachpol8/healthcare-topics-bertopic> (дата обращения: 10.03.2026).

чего выполняется снижение размерности (UMAP) и кластеризация (HDBSCAN). Ключевые слова тем извлекаются на основе TF-IDF через CountVectorizer с диапазоном от биграмм до триграмм. Затем модель запускается еще раз, но вместе с биграммами и триграммами извлекаются еще и униграммы. С помощью подбора параметров выбирается лучшая модель с точки зрения как метрик, так и интерпретируемости тем на основе ключевых словосочетаний для обоих запусков. Результат — набор тем с описанием через ключевые n-граммы (словосочетаний) и матрица принадлежности реплик. Этот этап включает в себя и этап выделения кодов и тем [Braun, Clarke, 2006], так как n-граммы фиксируют смысловые единицы (о чем говорят информанты), а темы (кластеры) отражают более крупные смысловые фрагменты. Формирование тем исключительно индуктивное.

Этап 2. Валидация кластеров и формирование seed-тем. Исследователь анализирует темы, полученные на этапе 1: изучает ключевые n-граммы и примеры реплик, выявляет значимые для исследования словосочетания, которые определяют конкретный код. Выявляются неохваченные моделью коды (словосочетания), которые важны для анализа. Формируется список из дополнительных кодов — набор семантически связанных слов и словосочетаний (униграммы, биграммы, триграммы), которые модель будет искать в данных. В этот список добавляются словосочетания, как выделенные экспертом самостоятельно, так и те, которые были получены моделью, но которые, по мнению эксперта, необходимы для анализа. Далее проводится подбор наилучших гиперпараметров и для модели с униграммами, и для модели только с биграммами и триграммами. В результате получаются две финальные тематические структуры: в первой теме они описываются отдельными словами либо фразами; во второй — только словосочетаниями. Проводится сравнение метрик с базовой моделью: оценивается улучшение силуэта, когерентности и интерпретируемости для каждого варианта. Обе модели сохраняются для последующего анализа. Этот этап служит аналогом этапа проверки тем [Braun, Clarke, 2006], дополнение тем идет не только индуктивно, но и дедуктивно.

Этап 3. Визуализация связей тем и ключевых слов. Строятся два типа графов: граф связей тем через общие ключевые словосочетания (узлы — номера тем, ребра — ключевые словосочетания, встречающиеся в темах) и граф совместной встречаемости терминов в репликах (узлы — ключевые униграммы по модели 2, ребра — совместная встречаемость в одной реплике, вес — количество таких реплик).

Этап 4. Создание тем второго порядка. Исследователь на основе списка тем, ключевых словосочетаний, примеров реплик, транскриптов и графов объединяет близкие темы в категории более высокого порядка. Параллельно тот же набор тем, примеров реплик, ключевых словосочетаний передается в DeerSeek с промптом на группировку. Сравняются обе классификации; расхождения анализируются как дополнительный источник гипотез или повод для выявления ограничений применения машинного обучения. Этот этап служит продолжением этапа проверки тем [Braun, Clarke, 2006], когда темы укрупняются и объединяются, указываются аналитические связи между темами.

Эмпирическая база исследования

Статья опирается на материалы, собранные автором, включающие 20 транскриптов полуформализованных интервью продолжительностью от 30 до 50 минут с членами семей на тему практик заботы о здоровье в семьях. Период проведения интервью с 7 февраля по 8 марта 2026 года. Возраст информантов — от 20 до 84 лет. Интервью проводилось с каждым членом семьи по отдельности, в отсутствие других членов семьи, чтобы исключить их влияние на ответы респондента и получить не только индивидуальное представление о практиках заботы о здоровье, но и целостное понимание этих практик в масштабе всей семьи. Выбор данного корпуса обусловлен его доступностью для исследователя (он собран самостоятельно), а также тем, что тема заботы о здоровье может порождать схожие тематические слова, однако высказывания при этом будут различаться по семантике, что обеспечивает эффективную проверку метода. Семейная забота о здоровье выбрана как область с высокой долей сложных кодов, связанных с переговорами, конфликтами между различными членами семьи, которые могут выражаться косвенно. Это создает вызов и для алгоритмов машинного обучения, и для LLM и позволяет оценить границы их применимости в качественном анализе. В итоговый корпус вошли также пять интервью с единственными представителями семей. С точки зрения исследователя, их позиция представляет самостоятельный интерес и описывает индивидуальное восприятие заботы о здоровье в семье.

Отбор информантов шел методом доступных случаев в первую очередь из окружения исследователя. Часть информантов была отобрана по методу снежного кома. Дополнительно для поиска использовалась рассылка по Телеграм-каналам, связанным со здоровьем, поддержанием здорового образа жизни. Критериями для возможности включения в исследование были:

- совместное проживание на одной территории не менее одного года (допустимы небольшие перерывы до 1–2 месяцев). Исключение — недавно рожденные дети;
- информанты не должны были иметь профессионального медицинского образования, однако могли проходить дополнительные курсы и иметь знакомых с профессиональным образованием.

При построении выборки реализовывался отбор по гетерогенности семей в рамках доступного случая: например, и однополые, и разнополые, включающие несколько поколений или только одно. Так как целью исследования был охват разных ситуаций практик заботы о здоровье и их влияния на семейную рутину, то более широкая выборка позволяла охватить максимальное число возможных случаев.

Реализация этапов

Этап 1. Выделение кластеров с помощью BERTopic и подбор гиперпараметров

На первом этапе код загружает транскрипты интервью, извлекает только реплики информанта (игнорируя вопросы интервьюера) и лемматизирует

их с сохранением отрицаний (частица «не» не удаляется). Затем осуществляется переход от отдельных слов к биграммам и триграммам (например, «не заниматься», «высокое давление»): это сделано для того, чтобы уменьшить пересечение тем, поскольку, например, частотные глаголы в виде униграмм слишком похожи во многих ответах и размывают границы между кластерами. Кроме того, из анализа исключаются слишком короткие реплики (менее 12 символов), которые не несут содержательной нагрузки. Далее с помощью Sentence-BERT каждая реплика преобразуется в смысловой вектор (числовой отпечаток фразы), размерность которого снижается алгоритмом UMAP, после чего HDBSCAN группирует эти векторы в кластеры (темы), автоматически отбрасывая шумовые высказывания. Наконец, для каждого кластера методом TF-IDF вычисляются наиболее характерные n-граммы, которые и представляют содержательную суть темы. Такой подход позволяет увидеть не просто набор слов, а устойчивые смысловые паттерны в речи человека, включая отрицания и фразовые обороты. Лемматизация осуществлялась с помощью библиотеки `r morphology3`. Стоп-слова, то есть высокочастотные слова, которые несут мало смысловой нагрузки, включали стандартный набор NLTK и расширенный пользовательский список.

BERTopic — готовая библиотека, которая реализует алгоритм тематического моделирования на основе эмбедингов. В основе ее лежит двунаправленная трансформерная архитектура BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers): она преобразует каждое слово или предложение в плотный вектор (эмбединг), который учитывает не только само слово, но и все окружение — слова слева и справа, порядок, зависимость смысла от контекста [Grootendorst, 2022]. Этот метод доказывает свою эффективность на различной длине анализируемых данных: и на коротких корпусах с комментариями [Egger, Yu, 2022], и на текстах интервью [Ionescu, Han, Suasnabar et al., 2026]. В данной работе используется модель для создания эмбедингов `paraphrase-multilingual-MiniLM-L12-v2`², которая указана по умолчанию. Алгоритм UMAP используется для того, чтобы алгоритмы кластеризации могли работать с данными эффективно. Он снижает размерность многомерных данных (в данном случае векторные представления текстов) и сжимает их в пятимерное пространство, стараясь сохранить структуру: близкие точки остаются близкими, а далекие — далекими [McInnes, Healy, Melville et al., 2018]. HDBSCAN — это алгоритм кластеризации, который ищет плотные области в данных и автоматически определяет количество кластеров [Campello, Moulavi, Sander et al., 2013]. Он может пометить выбросы (точки, которые не относятся ни к одному кластеру) и не требует заранее задавать число групп.

Использование биграмм и триграмм вместо униграмм для первой модели обосновано тем, что устойчивые словосочетания передают более специфичный и контекстно-зависимый смысл, чем отдельные слова, это также позволяет уловить отрицания. В отличие от униграмм, где частотные глаголы или

² *Hugging Face*. URL: <https://huggingface.co/sentence-transformers/paraphrase-multilingual-MiniLM-L12-v2> (дата обращения: 05.04.2026).

существительные нередко повторяются в разных темах и создают ложные семантические пересечения, биграммы захватывают уникальные паттерны, характерные для конкретной темы, что уменьшает взаимное «зашумление» и позволяет модели четче разделять кластеры. Кроме того, в разговорной речи о здоровье многие значимые понятия выражены именно фразами («мерить давление», «болеть голова»), потеря которых при переходе к униграммам привела бы к размыванию тем и снижению интерпретируемости результатов. Добавление униграмм в модель было сделано с целью обнаружения связности тем и поиска уникальных, единичных слов в темах.

В процессе итеративной настройки модели BERTopic перебирались ключевые гиперпараметры: размер локальной окрестности UMAP ($n_neighbors = 15-21$), минимальный размер кластера HDBSCAN ($min_cluster_size = 10-15$), минимальная частота n-граммы ($min_df = 2-3$) и размер словаря ($max_features = 2000-4000$).

Параметр UMAP $n_neighbors$ определяет размер локальной окрестности при построении низкоразмерного представления. Меньшие значения усиливают локальную структуру, что приводит к более компактным кластерам и повышению силуэта, но может увеличить количество мелких тем. Большие значения делают проекцию более глобальной, сглаживая шум, но связаны с риском потерь специфичных микросемантических различий. $n_components$ (фиксированно 5) — размерность целевого пространства.

Меньший $min_cluster_size$ дает больше мелких тем, однако их интерпретируемость может быть осложнена, больший — укрупняет кластеры. Параметр min_df определяет минимальное число документов, в которых должна встретиться n-грамма, чтобы попасть в словарь. Увеличение min_df отсекает редкие и шумовые биграммы, снижая разнообразие тем, но может повысить их разделимость.

В свою очередь, $max_features$ ограничивает размер словаря наиболее частотными n-граммами. Слишком низкий порог делает темы общими, снижая разнообразие; слишком высокий включает редкий шум, что может снизить разделимость кластеров.

Оценка качества велась по силуэтному коэффициенту (разделимость тем — $topic\ diversity$), то есть разнообразию тем (уникальности ключевых слов) и доле шума. Под долей шума понимается процент реплик, которые не попали ни в одну тему и отметились выбросами. Разнообразие тем рассчитывается по 10 наиболее популярным словосочетаниям в каждой теме.

Гиперпараметр $max_features$ никак не влиял на метрики кластеризации и был выставлен на значении 2000. В модель было загружено 956 реплик уже с учетом фильтрации. Метрики модели 1 BERTopic с биграммами и триграммами отражены в таблице П1 в приложении. Результаты всех запусков показывают высокое разнообразие тем (выше 0,9) и силуэт выше 0,5, что указывает на хорошую разделимость кластеров [Rousseeuw, 1987]. Для уточнения интерпретации и валидации полученных тем модель была повторно запущена с расширенным диапазоном n-грамм: были включены униграммы, биграммы и триграммы. Это позволило сравнить результаты моделей,

валидизировать и уточнить темы уже на дальнейших этапах. Лучшие метрики модели с униграммами отражены в таблице П2 в приложении, был выбран вариант 1 в пользу большего разнообразия тем.

В таблице П3 в приложении указаны примеры ключевых словосочетаний для модели 1 (только с биграммами и триграммами) с указанием в скобках реплик, которые относятся к этой теме. Выбор сделан в пользу модели 3, так как разнообразие тем является самым высоким. Большее разнообразие позволяет рассмотреть больше различных словосочетаний и отобрать наилучшие для этапа тематического моделирования.

Этап 2. Валидация кластеров и формирование seed-тем

Управляемое тематическое моделирование — метод, позволяющий пользователю задать набор ключевых слов (сидов) для каждой темы, которую он хочет получить. Модель использует эти слова, чтобы «подтолкнуть» процесс кластеризации: она сравнивает эмбединги документов с эмбедингами сидов и назначает документы в соответствующие темы, а также искусственно повышает значимость (IDF) сидов, чтобы они с большей вероятностью попадали в итоговое представление темы³. На практике если исходные темы не существуют или могут быть разделены на более мелкие темы, то они не будут моделироваться. Также необходимо точное или максимально точное совпадение слов, чтобы тема была действительно создана. Для того чтобы создать этот корпус, я обратилась к таким стратегиям:

- 1) перечитывание вопросов гайда для уточнения тех тем, которые не были охвачены алгоритмом;
- 2) чтение реплик, которые были выделены на первом этапе моделирования, для выявления важных с точки зрения исследователя слов и словосочетаний;
- 3) примерное соотнесение текущих тем с укрупненными темами.

Было установлено, что часть выделенных моделью тем имеет сильные пересечения и даже на основе примеров из текста сложно понять, к какой категории их можно отнести. Также были добавлены биграммы из прошлого моделирования, которые показались самыми интерпретируемыми и теоретически насыщенными. Наиболее сложным для выделения являлись категории описания эмоционального восприятия данных и конфликтов, разногласий с другими членами семьи. Зачастую биграммы и триграммы упоминались лишь один раз во всех интервью, что означает, что они не будут учитываться при формировании темы.

Лучшие значения метрик у управляемой модели 1 (только биграммы и триграммы) были достигнуты при трех наборах параметров, указанных в таблице П4 в приложении. Лучшей моделью была выбрана модель с параметрами 2. Данный выбор обусловлен тем, что другие наборы параметров приводили к появлению тем со смешанным содержанием, либо к чрезмерному уровню шума.

³ Guided Topic Modeling. *BERTopic Documentation*. URL: https://maartengr.github.io/BERTopic/getting_started/guided/guided.html (дата обращения: 16.04.2026).

Для управляемой модели с униграммами лучшей стала модель с параметрами, указанными в таблице П5 в приложении.

Итоговое распределение тем с репликами представлено ниже, в таблице 1. Названия тем созданы исследователем на основе ключевых n-грамм и примеров реплик.

Таблица 1

**Итоговое распределение тем по модели
1 Guided BERTopic и 2 Guided BERTopic**

№	Словосочетания модели 1 (биграммы и триграммы), в скобках указано число реплик	Названия темы (модель 1)	Словосочетания модели 2 (униграммы, биграммы и триграммы), в скобках указано число реплик	Названия темы (модель 2)
1 1	Не пользоваться, отслеживать шаг, будний день, интересно посмотреть, количество шаг, сидеть дом, не помнить (94)	Шаги и часы	Врач, сходить, анализ, доверять, рекомендация, беспокоить, доктор, друг, проблема (102)	Доверие к врачам
22	Заниматься спорт, спорт заниматься, ходить тренировка, не заниматься, профессиональный спорт, ходить зал, не спорт, ходить спортзал (81)	Спорт / физическая активность	Часы, сон, день, спать, телефон, час, пульс, просыпаться (94)	Сон, пульс, шаги
33	Не доверять, сходить врач, доверять врач, врач большой, врач анализ, врач сходить, хороший врач, рекомендация врач (67)	Доверие к врачам	Спорт, заниматься, ходить, заниматься спорт, упражнение, фитнес, спина, тренировка, зал (92)	Спорт / физическая активность
44	Проблема решать, поэтому следить, начало изучать, личный инициатива, принимать участие, проходить курс, ходить плавать, табличка ее, жена соответственно, зал ходить (59)	Фиксация и обсуждение данных	Давление, тонометр, пульс, лекарство, мерить, мерить давление, таблетка, померить, высокий (63)	Давление
55	Кандидат наука, врач доверять, вместе смотреть, муж работать, не обсуждать, смотреть врач, не обращать внимание (57)	Совместный выбор врача	Вес, килограмм, взвешиваться, набрать, потерять, весы, месяц, допустить (46)	Контроль веса

Продолжение табл. 1

№	Словосочетания модели 1 (биграммы и триграммы), в скобках указано число реплик	Названия темы (модель 1)	Словосочетания модели 2 (униграммы, биграммы и триграммы), в скобках указано число реплик	Названия темы (модель 2)
66	Не обращать внимание, не никто, не никто не, не бывало, не обращать, обращать внимание (51)	Отсутствие практик или их смена	Талия, взвешивать, следить, курс, думать, голова, пользоваться, шутить, пробовать, разумный (44)	Получение информации о здоровье
77	Мерить давление, вести дневник, голова болеть, давление тонометр, повышенный давление, давление высокий, давление врач, период нужно (49)	Давление	Особо, не никто не, не никто, не бывало, жрать, против (43)	Отсутствие практик или их смена
88	Взвешиваться месяц, пользоваться приложение, набрать вес, не набирать, ради интерес, не меняться (48)	Контроль веса	Интернет, блогер, научный, статья, почитать, попадаться, телевизор, доверять (40)	Источники информации о здоровье
99	Здоровый питание, белка жир, жир углевод, здоровый питание не, белка жир углевод, правильно питаться, не считать, сидеть дом (45)	Здоровое питание	Еда, питание, питаться, продукт, стараться, калория, готовить, весы, жирный (40)	Здоровое питание
110	Мама бабушка, образ жизнь, член семья, не принимать, папа мама, течение день, шаг сделать, допустить мама, далекий родственник, вместе жить (29)	Контроль родственников	Мама, родственник, бабушка, родитель, папа, семья, ребенок, старший, каждый, мама бабушка (39)	Забота о других
111	Не доверять, не особо доверять, особо доверять, обратить внимание, принцип тема, здравый смысл, не смотреть, информация читать (28)	Источники информации о здоровье	Чувствовать, ощущение, анализ, тело, самочувствие, информация, очередь, показатель, первый (39)	Ощущения и анализы
112	Каждый месяц, не переживать, отслеживать давление, не отслеживать, сдавать кровь, следить здоровье, анализ кровь, посещать врач (25)	Женское здоровье / беременность	Таблетка, пить, врач, здоровье, мама, следить, нужно, контролировать, заболеть (34)	Обсуждение здоровья в семье и контроль родственников

10.19181/inter.2026.18.2.8. Экспертная валидация тематического моделирования (BERTopic)...

№	Словосочетания модели 1 (биграммы и триграммы), в скобках указано число реплик	Названия темы (модель 1)	Словосочетания модели 2 (униграммы, биграммы и триграммы), в скобках указано число реплик	Названия темы (модель 2)
113	Здоровый питание, следить здоровье, член семья, режим день, физический активность, не болеть, здоровье член, нужно заниматься спорт, нужно заниматься (22)	Здоровая семья (понятие)	Муж, врач, мнение, жена, заставлять, декрет (32)	Семейные разногласия
114	Тема здоровье, зрение гормон, здоровье таки, здоровье достаточно, здоровье здоровье, туда ходить, сдавать анализ кровь, спортзал ходить, состояние здоровье (21)	Цели практик и анализы	Шаг, количество шаг, количество, врать, приложение, километр, прогулка, гулять, посмотреть (22)	Ошибки устройств
115	Скинуть килограмм, не испытывать, тысяча шаг, первый эмоция, чувство вина, видеть плюс, думать нужно, естественно первый, начинать чувствовать беспокоить, начинать чувствовать (19)	Эмоции и переговоры	Беременность, отслеживать, гинеколог, сдавать, чекап, месяц, врач, сходить, анализ (17)	Беременность / женское здоровье
116	Хороший чувствовать, полезный здоровье, результат анализ, показатель физический, первый эмоция, показатель физический тело, отслеживать самочувствие (18)	Ощущения vs данные	Здоровье, жизнь, давно, минздрав, рекомендация, рекомендация минздрав, стол, делаться, использовать, подойти (17)	Официальные рекомендации
117	Пить таблетка, не контролировать, желудочный кишечный, давление периодически, не слушать, подростковый возраст, не сходить (17)	Забота о других	Семья, здоровый, здоровый семья, питание, здоровье, привычка, следить, активность, следить здоровье, здоровый питание (16)	Здоровая семья (понятие)
118	Не анализ, хороший наоборот, анализ хороший, заставлять вести, доверять большой, не информативный, не вести (16)	Отношение к анализам	Полгода, месяц, год, назад, посмотреть, пара месяц, откладывать месяц, полгода точно, месяц год назад (11)	Частота визитов ко врачу и других практик

№	Словосочетания модели 1 (биграммы и триграммы), в скобках указано число реплик	Названия темы (модель 1)	Словосочетания модели 2 (униграммы, биграммы и триграммы), в скобках указано число реплик	Названия темы (модель 2)
119	Высокий образование, работа учеба, год учиться, жить муж, не сидеть, дом заниматься, заниматься дом, выходить гулять, третий курс (15)	Образование и распорядок дня	Скинуть, радовать, сожаление, килограмм, скинуть килограмм, сверху, прислушиваться, надеяться, показывать, поясница целое (11)	Эмоции и переговоры
220	Определенный количество, тысяча шаг, количество шаг, касаемо ребенок, ребенок маленький, тысяча стараться, давление высокий, дать приложение, не мерить, врач показывать (13)	Ребенок и шаги	Образование, год, жить, высокий, учиться, высокий образование, муж, магистратура, год высокий образование, жить муж (11)	Образование и статус
221	Месяц год назад, откладывать месяц, пара месяц, захотеться посмотреть, месяц год, полгода точно, стараться полгода, год назад год, назад год (11)	Частота визитов к врачу и других практик	Самостоятельно, сначала, предложить, начало, адаптироваться, проблема решать, начало изучать, принимать участие, друг (11)	Старт практик заботы о здоровье

По многим темам (спорт, давление, контроль веса, здоровое питание, забота о родственниках, женское здоровье, понятие здоровой семьи, отношение к анализам) модели сходятся, что подтверждает устойчивое наличие таких тем в текстах. При этом модель 1 лучше выделила темы с эмоциями, чувствами по отношению к мониторингу, а модель 2 с униграммами выделила отдельную уникальную тему с ошибками устройств. Можно сказать, что модели Guided показывают более отличительные и содержательные темы, чем базовая модель при небольшом снижении метрики разнообразия тем.

Этап 3. Визуализация связей тем и ключевых слов

Граф совместной встречаемости по модели 1 только из биграмм и триграмм, где узлы представляют словосочетания, не имел ни одного ребра, что означает, что ни одна пара словосочетаний из выбранного набора не встречается вместе ни в одной реплике информанта. Это означает, что внутри каждого отдельного ответа информанта используются непересекающиеся наборы фраз из модели 1. В таком случае более информативен может быть граф связей тем

топ-15 наиболее частотных униграмм. Каждая такая униграмма становится узлом, которому присваиваются тема и частота. Затем для каждой реплики проверяется, какие из этих узлов в них встречаются; если в одной реплике присутствуют две или более таких фраз, между соответствующими узлами добавляется ребро, вес которого равен числу реплик, где эта пара встретилась совместно. После этого были оставлены только 3% самых сильных связей, так как иначе граф было сложно интерпретировать из-за большого числа связей. Узлы раскрашиваются по темам, а их размер отражает частоту фразы в своей теме. Толщина ребра отражает силу связи, а более крупный размер узла показывает ключевые униграммы. Такой граф позволяет посмотреть связи как внутри темы, так и между темами через отдельные слова. Например, относительно сильной связью обладает группа из трех узлов — «доверять», «интернет», «врач», чуть менее сильной является цепочка «пульс» — «часы» — «сон» — «отслеживать» — «обсуждать». В центре графа сосредоточено большое число связей, однако их сложно интерпретировать. Таким образом, оба графа дополняют друг друга и позволяют понять, какие темы близки друг с другом на уровне семантики, а также какая внутренняя структура слов находится внутри темы.

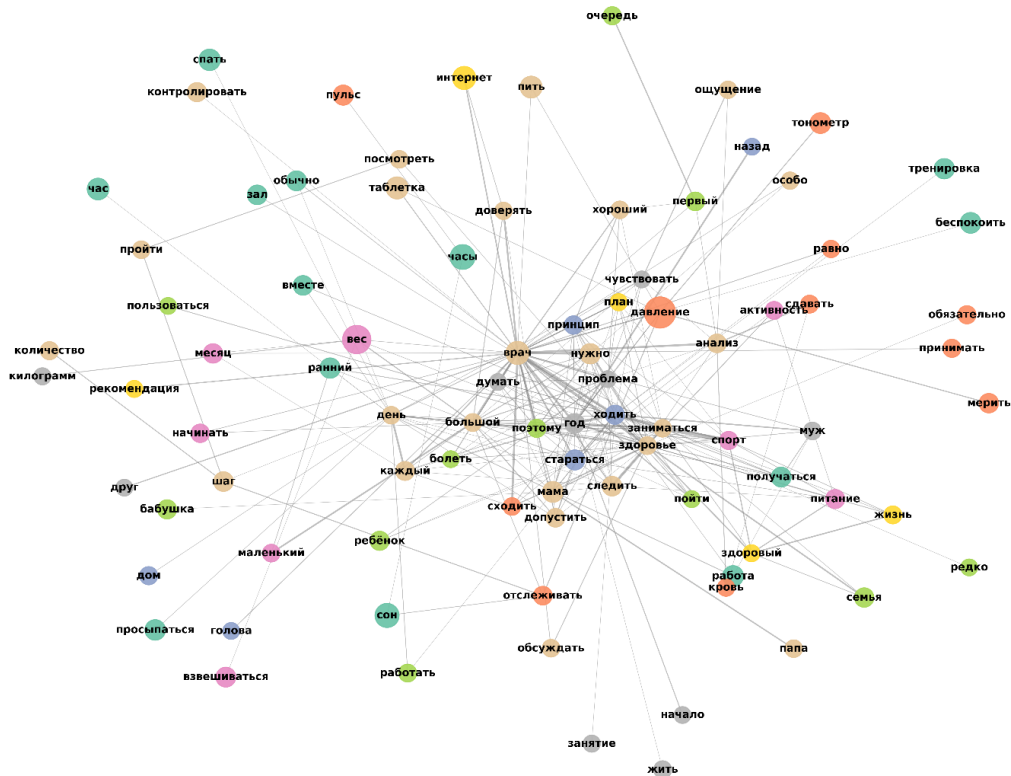

Рисунок 2. Граф связей тем через общие ключевые слова (для модели 2 Guided BERTopic)

Этап 4. Создание тем второго порядка

Далее необходимо перейти к проверке и обобщению созданных тем. Так как предметом изучения были практики заботы о здоровье, при уточнении тем необходимо было описать как условия их возникновения, так и характер, способ реализации этих практик в семейном контексте и групповую семейную динамику, формирующуюся в связи с этими практиками.

Файлы с примерами реплик информантов по темам были предварительно анонимизированы: из текстов удалены имена участников, названия конкретных медицинских учреждений. Первоначально планировалось развернуть модель локально на собственном компьютере, чтобы обеспечить максимальную конфиденциальность и снять ограничения на объем обрабатываемых данных. Однако из-за недостаточной вычислительной мощности ПК (ограниченный объем оперативной памяти) и жестких ограничений по максимальной длине контекста из отправленных документов (количеству токенов, которое модель может обработать за один раз) локальный запуск оказался невозможным, поэтому применялась нейросеть DeepSeek через диалоговый интерфейс⁴. В чат загружались анонимизированные файлы с описаниями тем и примерами реплик обеих моделей, а также гайд интервью. С помощью специально составленного промпта LLM ставилась задача оценить предварительные темы из двух моделей, объединить, разделить, переименовать их, сгруппировать итоговые темы в тематические блоки, создать комплексное описание данных, соотнести с исследовательскими задачами. Полный промпт указан в приложении. Сравнение тем, выделенных моделью и кодировщиком, представлено в таблице 2. Столбцы «Номера исходных тем (модель 1)» и «Номера исходных тем (модель 2)» заполнены LLM. При оценке совпадений подтем учитывались как описания, предложенные LLM, так и цитируемые ею реплики. Под полным совпадением подразумеваются те темы, где совпадают отобранные цитаты и описание темы. Частичное совпадение фиксировалось в тех случаях, когда описания темы у LLM и у исследователя не совпадали в полной мере. Низкий уровень совпадения свидетельствовал либо об ошибке LLM, либо о том, что модель не смогла в полной мере передать основной смысл, объединяющий сразу несколько тем, выделенных исследователем.

Исследовательский анализ включал просмотр примеров реплик для каждой выделенной темы, обращение к транскриптам интервью и выделение более обобщенных или содержательных тем. Исследователь первоначально опирался на примеры реплик из тем и ключевые словосочетания, и если этой информации было недостаточно, то он обращался к полным транскриптам.

Использование предварительных тем, полученных с помощью Guided BERTopic, ускорило работу исследователя по проверке, особенно при выделении подтем, связанных с форматами взаимодействия с устройствами мониторинга, с пониманием здоровой семьи и с конфликтными ситуациями. Реплики по этим тематикам оказались в более однородных кластерах, что позволило выделить все подтемы практически без дополнительных усилий. Кроме того,

⁴ DeepSeek. URL: <https://www.deepseek.com/> (дата обращения: 16.04.2026).

Темы и подтемы, выделенные языковой моделью и кодировщиком на основе тем, полученных от моделей 1 и 2 BERTopic

Таблица 2

Номер	Главная тема	Подтема LLM	Соответствующие подтемы исследователя	Номера исходных тем (модель 1 с биграммами и триграммами)	Номера исходных тем (модель 2 с униграммами, биграмами и триграммами)	Совпадения
1	Цифровой и нецифровой мониторинг	Функционально-контролирующий тип мониторинга	«Устройство как сопровождение при хроническом заболевании», «устройство как сопровождение в активности или достижении цели»	2 (частично), 4, 5, 19, 6, 9, 1	2, 4, 5, 9, 14	Частичное
2		Исследовательско-любительский тип мониторинга	«Устройство-компаньон»			Полное
3		Тревожно-избегающий тип мониторинга	«Устройство как зеркало себя»			Частичное
4		Социально-демонстративный тип мониторинга	«Устройство как зеркало себя»			Частичное
5		Отказ от мониторинга	«Эмоции от трекеров и данных»			Низкое

Продолжение табл. 2

Номер	Главная тема	Подтема LLM	Соответствующие подтемы исследователя	Номера исходных тем с биграммами и триграммами	Номера исходных тем (модель 2 с униграммами, биграммами и триграммами)	Совпадения
6	Практики питания и физической активности	Контроль питания (калории, диета)	«Здоровое питание», «подсчет калорий»	9, 3	9, 3	Полное
7		Спорт, растяжка, прогулки, бейсбол	«Спорт», «прогулки», «массаж»			Частичное
8	Семейная координация практик заботы о здоровье	Единый центр (матриархальный/патриархальный)	«Индивидуальные практики», «ответственный за здоровье»	12, 13, 21, 13, 10	12, 13, 21, 13, 10	Полное
9		Распределенная координация (кооперативная)	«Индивидуальная практика с обсуждением»			Частичное
10		Активное включение (один инициирует, другой выполняет)	«Коллективные практики»			Частичное
11		Конфликтная координация	«Разногласия», «страатегии навязывания позиции»			Частичное
12		Пожилая опека (взрослые дети контролируют пожилых родителей)	«Коллективные практики»			Полное

Номер	Главная тема	Подтема LLM	Соответствующие подтемы исследователя	Номера исходных тем (модель 1 с биграммами и триграммами)	Номера исходных тем (модель 2 с униграммами, биграмами и триграммами)	Совпадения	
13	Условия возникновения практик	Социальное давление / пример окружения	«Влияние окружения», «влияние СМИ и интернета»	4, 1, 2, 5, 6, 9, 2, 8, 3	4, 14, 2, 5, 9, 2, 8, 3, 15, 3	Полное	
14		Предписание врача / медицинские показания	«Институциональное давление»			Полное	
15		Жизненные переходы (беременность, роды, переезд, выход на пенсию)	«Смена статуса семьи»			Полное	
16		Острый эпизод болезни	«Личный опыт болезни», «болезнь близкого»			Частичное	
17		Хроническое заболевание	«Личный опыт болезни», «болезнь близкого»			Частичное	
18		Цифровая доступность и любопытство	«Интерес к технологиям и инновациям»			Частичное	
19		Укрепление внутрисемейных связей (совместные активности)	«Эмоциональные эффекты на коллективном уровне»			Полное	
20		Рост самостоятельности и ответственности (особенно у детей)	Нет	Нет			Нет

Продолжение табл. 2

Номер	Главная тема	Подтема LLM	Соответствующие подтемы исследователя	Номера исходных тем (модель 1 с биграммами и триграммами)	Номера исходных тем (модель 2 с униграммами, биграмами и триграммами)	Совпадения
21		Появление новых конфликтов / напряжение	«Разногласия», «стра-тегии навязывания позиции»			Частичное
22		Снижение тревожности (через контроль) или ее усиление	«Эмоциональные эффекты на индивиду-альном уровне»			Частичное
23		Изменение семейной рутины (встраивание практик)	«Закрепление пра-ктик», «нахождение компромиссной пра-ктики»			Частичное
24	Представле-ния о здоро-вье и нор-мативные модели	Представления о здоровой се-мье	«Умеренность», «по-стоянство», «забота о близких», «отслеживание само-чувствия», «наличие ресурсов» (понимание здоровой семьи через данные подтемы). «Состояние здесь и сейчас», «долгос-рочная инвестиция» (подтемы понимания здоровья)	1, 13, 17, 15	1, 13, 17, 15	Низкое

Номер	Главная тема	Подтема LLM	Соответствующие подтемы исследователя	Номера исходных тем (модель 1 с биграммами и триграммами)	Номера исходных тем (модель 2 с униграммами, биграмами и триграммами)	Совпадения
25		Оценка самочувствия: ощущение vs анализы	«Опора на ощущения»			Полное
26		Недоверие к рекомендациям врача и самостоятельная коррекция	«Доверие ко врачу», «доверие к информации»			Низкое
27		Выбор врача и критерии доверия	«Доверие ко врачу», «доверие к информации»			Частичное

наличие конкретных цитат для каждого кластера сделало обращение к полным транскриптам незатруднительным. Анализ начинался с практик, затем исследователь перешел к понятию здоровой семьи и далее — к темам статуса членов семьи и распорядка дня. Обращение к транскрипту требовалось лишь в тех случаях, когда реплика была очень короткой или когда необходимо было рассмотреть процесс переговоров и взаимодействия между разными членами одной семьи.

Исследователем было выявлено три способа реализации практик заботы о здоровье в семье: когда член семьи использует индивидуальные практики и не делится результатами с другими; когда существует коллективная практика; и когда данные и результаты индивидуальной практики обсуждаются с другими членами семьи. При этом расширение практики на других членов семьи может проявляться как относительно субъекта (того, кто поддерживает здоровье), так и относительно объекта (ради блага кого эта практика реализуется). Такое разделение позволяет зафиксировать активных и пассивных участников, а также тех, кто получает преимущество от расширения практик. Аспект семейных ролей, на котором LLM построила свою классификацию практик, в исследовательских подтемах выделен в самостоятельную подтему «Ответственный за здоровье». Также LLM не выделила поиск компромисса в практиках как отдельную подтему, однако, с точки зрения исследователя, именно поиск компромисса является основой для закрепления практики на уровне всей семьи.

Условия появления практик заботы о здоровье совпадают у LLM и исследователя, однако исследователь подчеркивает, что наиболее распространенными условиями возникновения практик заботы о здоровье являются именно внутренние условия, например, набор веса из-за беременности, возникновение проблемы со здоровьем в связи с возрастом, болезнь близкого, LLM не делала разделения на внутренние и внешние условия.

Исследователь выделил способы взаимодействия с устройствами мониторинга на основе целей использования, ситуации использования и эмоций от использования. Полученная типология оказалась более детальной, чем у LLM: в одном случае использование устройства при управлении хроническим заболеванием не вызывало эмоций, но при этом было постоянным; в другом — устройство использовалось как сопровождение в активности или для достижения цели, использование носило периодический характер и могло вызывать положительные эмоции. У LLM оба этих типа были объединены в одну подтему «Функционально-контролирующий тип мониторинга».

Также LLM выделила подтему понимания здоровой семьи, однако, в отличие от исследователя, не смогла выделить в ней отдельные паттерны восприятия. Исследователь обнаружил, что разные семьи придерживаются чаще одного или двух конкретных взглядов на здоровую семью. Женщины склонны рассматривать здоровье как долгосрочную инвестицию, требующую постоянных вложений сегодня ради качества жизни в будущем, мужчины чаще воспринимают здоровье как текущий ресурс, ценность которого актуализируется преимущественно в ситуации «здесь и сейчас». Тема 20 не была выделена

кодировщиком, но может быть добавлена и расширена при сравнении поведения родителей и детей.

Для обнаружения галлюцинаций исследователь проверял каждую приведенную LLM цитату на соответствие исходным транскриптам и оценивал релевантность цитаты теме. Некоторые подтемы LLM были некорректны, так как LLM опиралась на отдельную цитату и начинала «додумывать» смысл, который вкладывал информант. Такими темами оказались подтема 13 (LLM интерпретировала упоминание блогера как ключевой фактор перехода к здоровому образу жизни, сам информант лишь сообщил о симпатии к этому блогеру, не связывая с ним начала своих практик), подтема 18 (цитата информанта была придумана), подтема 26 (LLM использовала цитату об экспертах и врачах из интернета, тогда как речь шла о врачах учреждений; при недоверии к врачам информанты не корректируют назначения сами, а обращаются к нескольким специалистам).

В случае галлюцинации модели или ее неверной интерпретации темы предлагается применять такие методы:

- попросить модель выдать примеры цитат из разных интервью, которые относятся к этой теме с указанием номера транскрипта. Далее эти цитаты исследователь может проверить самостоятельно;
- в самом промпте стоит указать, чтобы модель опиралась только на приложенные материалы, и честно признавалась в том, что ей не удалось выделить какие-то коды;
- сделать дополнительную генерацию с этим же промптом. Это позволит проверить совпадение тем, а также выбрать наилучшие формулировки тем или цитат;
- перейти в режим беседы с LLM, что позволит уточнить и скорректировать существующие темы. Итеративная работа с промптами позволяет также избежать генерации кодов на единичных цитатах [Salazar et al., 2025]. Последующие промпты можно задавать LLM с позиции критика, который должен проверить результаты предыдущей генерации как работу профессионального исследователя.

Полное совпадение подтем, выделенных LLM и исследователем, зафиксировано в 8 из 27 случаев, частичное — в 15, низкое — в 3, и одна подтема не была обозначена исследователем. Эти результаты демонстрируют хорошее пересечение, если учесть, что исследователь также использовал машинные темы в качестве отправной точки, но мог дополнять анализ с использованием транскриптов. Передача в LLM уже сгруппированных реплик по тематическим кластерам позволяет модели учитывать весь массив данных, обходя технические ограничения на объем загружаемых файлов.

LLM оказалась ограничена в формулировании тем, связанных с переговорами и причинами разногласий между членами семьи относительно понимания ценности практик заботы о здоровье. Потенциальным способом улучшения качества ее работы видится переход в роль собеседника-критика или рецензента: в диалоге с исследователем модель последовательно уточняет темы, находит недостатки в собственных предыдущих ответах и предлагает

альтернативные интерпретации. Дообучение в данном случае затруднительно, поскольку требует больших объемов размеченных данных, специфичных для каждого конкретного исследования.

Заключение

Сочетание методов машинного обучения (BERTopic, UMAP, HDBSCAN) с контролем эксперта обеспечивает более качественное тематическое моделирование по сравнению с использованием только алгоритмов, даже при оптимизации гиперпараметров.

Шумовая тема, которую алгоритм HDBSCAN отмечал меткой –1, не попала в визуализацию и не была включена LLM в анализ. В основном туда попали длинные реплики, в которых поднимается сразу несколько тем или тема «скрыта» для модели из-за нетипичных словосочетаний:

«Для меня в первую очередь это способность концентрироваться. То есть если я, например, понимаю, что мне сложно сконцентрироваться, чтобы что-то вот, ну, на работе думать, то я понимаю, что что-то идет не так, и нужно выспаться получше, поесть получше, или наоборот, там, сходить развеяться, то есть как-то я загналась. В первую очередь это вот эта вот рабочая работоспособность. Да, на втором месте, наверное, это вот вес, потому что, ну, когда там я вижу плюс какой-то на весах, я понимаю, что это отек, отек откуда-то взялся, значит, надо что-то вот тоже менять» (ж., 31, Москва, замужем, живет с мужем);

«Мне нравится технология. Я вообще ими мечтал бы обвешаться, этим всем, только чтобы оно не натирало, не мешало как-то и не отвлекало в целом. нравятся всякие лампочки, бимпочки, то, что это все бегают. Но не могу сказать, что это информативно. То есть от них не устаешь, а просто за какой-то бессмысленностью через какое-то время этот энтузиазм теряется» (м., 30, Санкт-Петербург, женат, живет с женой, дочерью).

Это подчеркивает важность предварительной обработки транскриптов, например, дополнительного разделения реплик на отдельные смысловые части.

Кроме того, многие из объемных тем содержали реплики, не соответствующие основной тематике, даже несмотря на высокие значения метрик. Роль исследователя здесь заключается в том, чтобы использовать полученные темы лишь как примерный ориентир, сохраняя за собой право формировать новые категории — как путем объединения нескольких тем, так и на основе отдельных показательных реплик. Применение модели BERT, UMAP и HDBSCAN с извлечением ключевых слов и словосочетаний позволяет

оценить распространенность темы и выборочно ознакомиться с наиболее характерными для нее репликами. Использование предварительных выделенных тем ускоряет процесс пересмотра тем исследователем, так как позволяет просматривать цитаты сразу по конкретной тематике. Применение модели BERT видится эффективным на большом корпусе текстов, а дальнейшее выборочное уточнение и раскрытие тем исследователем производится уже на основе выборки реплик.

Использование результатов модели BERT для LLM позволяет генеративной модели использовать весь объем материала и достичь достаточно хорошего уровня кодирования, но не решает вопрос галлюцинаций и ошибок. Для улучшения работы LLM предлагается итеративный промптинг: назначение LLM роли критика после роли исследователя. Заданный в промпте примерный перечень тем направляет LLM, что могло ограничить появление неожиданных категорий.

Литература / References

- Anakot I., Katz A., Chew K.J., Matusovich H. (2025) Leveraging Generative Text Models and Natural Language Processing to Perform Traditional Thematic Data Analysis. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 24. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069251338898>
- Braun V., Clarke V. (2016) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*. Vol. 3. No. 2. P. 77–101. DOI: <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
- Campello R.J.G.B., Moulavi D., Sander J. (2013) Density-Based Clustering Based on Hierarchical Density Estimates. *Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 7819. P. 160–172. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-37456-2_14
- De Paoli S. (2024) Performing an Inductive Thematic Analysis of Semi-Structured Interviews with a Large Language Model: An Exploration and Provocation on the Limits of the Approach. *Social Science Computer Review*. Vol. 42. No. 4. P. 997–1019. DOI: <https://doi.org/10.1177/08944393231220483>
- Egger R., Yu J.A. (2022) Topic Modeling Comparison Between LDA, NMF, Top2Vec, and BERTopic to Demystify Twitter Posts. *Frontiers in Sociology*. Vol. 7. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.886498>
- Gamielien Y., Case J.M., Katz A. (2023) Advancing Qualitative Analysis: An Exploration of the Potential of Generative AI and NLP in Thematic Coding. *SSRN*. P. 1–54. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.4487768>
- Grootendorst M. (2022) BERTopic: Neural Topic Modeling with a Class-Based TF-IDF Procedure. *arXiv preprint*. P. 1–10.
- Hitch D. (2024) Artificial Intelligence Augmented Qualitative Analysis: The Way of the Future? *Qualitative Health Research*. Vol. 34. No. 7. P. 595–606. DOI: <https://doi.org/10.1177/10497323231217392>
- Ionescu T.C., Han L., Suasnabar J.H., Stiggelbout A., Verberne S. (2026) Analyzing Cancer Patients' Experiences with Embedding-Based Topic Modeling and LLMs. *arXiv preprint*. P. 1–26.
- Li K.D., Fernandez A.M., Schwartz R., Rios N., Carlisle M.N., Amend G.M., Patel H.V., Breyer B.N. (2024) Comparing GPT-4 and Human Researchers in Health Care Data Analysis: Qualitative Description Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 26. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.2196/56500>
- McInnes L., Healy J., Melville J. (2018) UMAP: Uniform Manifold Approximation and Projection. *Journal of Open Source Software*. Vol. 3. No. 29. P. 861. DOI: <https://doi.org/10.21105/joss.00861>
- Nelson L.K. (2020) Computational Grounded Theory: A Methodological Framework. *Sociological Methods & Research*. Vol. 49. No. 1. P. 3–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124117729703>

Quillivic R., Payet C. (2024) *Semi-Structured Interview Analysis: A French NLP Approach for Social Sciences*. Brussels: JADT.

Renz S. M., Carrington J. M., Badger T. A. (2018) Two Strategies for Qualitative Content Analysis: An Intramethod Approach to Triangulation. *Qualitative Health Research*. Vol. 28. No. 5. P. 824–831. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732317753586>

Rousseuw P. J. (1987) Silhouettes: A Graphical Aid to the Interpretation and Validation of Cluster Analysis. *Journal of Computational and Applied Mathematics*. Vol. 20. P. 53–65. DOI: [https://doi.org/10.1016/0377-0427\(87\)90125-7](https://doi.org/10.1016/0377-0427(87)90125-7)

Salazar M., Chaw M., Hellier Y., Hsia S., Gruenberg K. (2025) Comparison of Qualitative Analyses Conducted by Artificial Intelligence Versus Traditional Methods. *American Journal of Pharmaceutical Education*. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ajpe.2025.101882>

Сведения об авторе:

Червоткина Полина Игоревна — студентка бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** bcur1119@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 1340883; **ORCID ID:** 0009-0006-3586-7087.

Статья поступила в редакцию: 17.04.2026

Принята к публикации: 30.04.2026

.....

Expert Validation of Thematic Modeling (BERTopic) and Subsequent Application of LLM to Selected Topics in Qualitative Research within the Framework of Thematic Analysis

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.8

Polina I. Chervotkina Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
E-mail: bcur1119@gmail.com

This article explores the application of machine learning and generative language models to the analysis of qualitative interviews. The aim of the study is to develop and validate a mixed methodology combining topic modeling (BERTopic) with expert supervision. The empirical base consisted of 20 transcripts of semi-structured interviews with family members about health care practices. In the first stage, BERTopic, UMAP, and HDBSCAN were used to identify clusters of replicas based on bigrams and trigrams, and then with the addition of unigrams. Hyperparameter selection was then performed. The second stage involved expert validation of the clusters and the construction of a guided model with the addition of expert-generated themes (seed themes). The third stage involved visualizing the relationships between themes through term co-occurrence graphs. In the fourth stage, the results of the previous stages were summarized and grouped using DeepSeek. The results were compared with the encoder's performance on the BERT model topics and interview transcripts.

It was found that BERTopic with bigrams and trigrams demonstrates higher topic diversity (0.96) and separability (silhouette coefficient of 0.69) compared to the model including unigrams (topic diversity of 0.84, silhouette coefficient of 0.56). Guided models made it possible to reduce the proportion of noisy utterances, identify topics not detected during the initial model run (e.g., device errors), and improve topic separability metrics (silhouette coefficient of 0.72 for the model with bigrams and trigrams, 0.73 for the model with unigrams). LLM demonstrates limited ability to independently formulate topics not specified in the prompt, but its performance is moderate with researcher coding. The paper proposes methods for reducing hallucinations and improving the quality of thematic generalization in LLM.

Keywords: qualitative interview analysis; topic modeling; BERTopic; large language models; thematic analysis; machine learning

Author bio:

Polina I. Chervotkina — Bachelor's Student, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** bcur1119@gmail.com. **RSCI Author ID:** 1340883; **ORCID ID:** 0009-0006-3586-7087.

Received: 17.04.2026

Accepted: 30.04.2026

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П1

Метрики модели 1 BERTopic (биграммы и триграммы)

	min_cluster_size	n_neighbors	min_df	Число тем	Шум,%	Силуэт	Разнообразие тем
11	12	18	2	22	23,7	0,6398	0,9320
22	15	21	2	14	25,3	0,6901	0,9512
33	12	19	2	21	18,2	0,5690	0,9592

Таблица П2

Метрики модели 2 BERTopic (униграммы, биграммы и триграммы)

	min_cluster_size	n_neighbors	min_df	Число тем	Шум,%	Силуэт	Разнообразие тем
11	12	15	2	25	25,5	0,5627	0,8354
22	11	20	2	24	18,8	0,6304	0,8319

Примеры тем и ключевых слов модели 1 BERTopic (биграммы и триграммы), в скобках указано число реплик, относящихся к этой теме

	Параметр 1	Параметр 2	Параметр 3
1	Количество шаг, часть здоровье, не бывало, не обсуждать, не следить, не обсуждать не (156)	Сходить врач, посещать врач, рекомендация врач, анализ сдавать, хороший врач, не врач (85)	Сходить врач, посещать врач, анализ сдавать, хороший врач, рекомендация врач, не врач, не болеть (84)
2	Заниматься спорт, спорт заниматься, ходить спортзал, профессиональный спорт, ходить зал, не заниматься, не спорт (74)	Начало изучать, личный инициатива, думать далекий, жена соответственно, ходить плавать, проходить курс, отслеживать цикл, проблема решать, принимать участие, прийти пока (76)	Ради интерес, вес стабильно, взвешиваться месяц, набрать вес, не меняться (80)
3	Пить таблетка, кандидат наука, врач доверять, проблема здоровье, вместе смотреть, следить здоровье, стараться следить, врач сходить, не контролировать (43)	Заниматься спорт, спорт заниматься, ходить спортзал, профессиональный спорт, ходить зал, не заниматься, не спорт (74)	Заниматься спорт, спорт заниматься, ходить спортзал, профессиональный спорт, ходить зал, не заниматься, не спорт (75)
4	Большой доверять, особо доверять, принцип тема, обратить внимание, доверять врач, поэтому стараться, не доверять, не особо доверять (43)	Отслеживать шаг, день проходить, давление пить, фитнес браслет, не пользоваться, не носить, не беспокоиться (69)	Идти тренировка, смотреть пульс, сидеть дом, отслеживать шаг, не пользоваться, не беспокоиться, не носить (65)
5	Взвешиваться месяц, вес стабильно, набрать вес, ради интерес, не меняться (40)	Образ жизнь, мама бабушка, возраст год, член семья, год учиться, работа учеба (60)	Мерить давление, вести дневник, голова болеть, период нужно, давление высокий, не пользоваться, не подойти (64)
6	Идти тренировка, ложиться спать, день проходить, давление пить, пить лекарство, тренировка пойти, сидеть дом, член семья (37)	Мерить давление, вести дневник, голова болеть, повышенный давление, период нужно, давление тонометр, не пользоваться (59)	Поэтому следить, прийти пока, отслеживать цикл, начало изучать, проходить курс, ходить плавать, цель шаг, принимать участие, личный инициатива, думать далекий (62)

	Параметр 1	Параметр 2	Параметр 3
7	Белка жир углевод, здоровый питание не, жир углевод, белка жир, здоровый питание, правильно питаться, образ жизнь, здоровый образ, здоровый образ жизнь (34)	Пить таблетка, проблема здоровье, кандидат наука, врач доверять, идти врач, вместе смотреть, следить здоровье, не контролировать (58)	Количество шаг, часть здоровье, пройти шаг, шаг сделать, не обсуждать, не планировать, не следить, не бывало (52)
8	Сходить врач, врач анализ, поход врач, сходить врач не, хороший врач, рекомендация врач, анализ сдавать, не врач, не рекомендация (34)	Не бывало, не нужный, не обсуждать (47)	Пить таблетка, кандидат наука, врач доверять, проблема здоровье, тема здоровье, вместе смотреть, идти врач, не контролировать (50)
9	Мама бабушка, образ жизнь, член семья, папа мама, течение день, думать хороший, запоминать касаться, допустить мама, вместе жить, не принимать (31)	Анализ хороший, анализ плохой, анализ кровь, сдавать анализ, начинать думать, хороший наоборот, не анализ, не норма (42)	Доверять врач, врач не ходить, принцип тема, особо доверять, большой доверять, обратить внимание, не доверять, не особо доверять (45)
10	Давление принимать, повышенный давление, мерить давление, голова болеть, давление высокий, высокий давление, принимать таблетка, не проходить (29)	Особо доверять, принцип тема, большой доверять, доверять врач, обратить внимание, поэтому стараться, не доверять, не особо доверять (42)	Мама бабушка, член семья, образ жизнь, папа мама, анализ смотреть, думать хороший, допустить мама, не принимать, не месяц, не задумываться (32)
11	Мерить давление, мерило давление, не пользоваться, не использовать, не следить, не повод (26)	Вес стабильно, взвешиваться месяц, набрать вес, ради интерес, маленький порция (33)	Тысяча шаг, количество шаг, определенный количество, каждый вечер, касемо ребенок, ребенок маленький, шаг день, тысяча стараться, женский календарь, каждый месяц (24)
12	Тысяча шаг, количество шаг, определенный количество, тысяча стараться, ребенок маленький, каждый вечер, касемо ребенок, шаг день, женский календарь, каждый месяц (26)	Здоровый питание, здоровый питание не, белка жир углевод, белка жир, жир углевод, правильно питаться, образ жизнь, здоровый образ, здоровый образ жизнь (29)	Анализ плохой, анализ хороший, хороший наоборот, сдавать кровь, не анализ, не норма (22)

	Параметр 1	Параметр 2	Параметр 3
13	Здоровый питание, следить здоровье, член семья, физический активность, режим день, образ жизнь, нужно заниматься, не проблема (25)	Здоровый семья, здоровый питание, следить здоровье, режим день, физический активность, образ жизнь, член семья, не проблема (23)	Здоровый семья, здоровый питание, следить здоровье, режим день, физический активность, член семья, питание спорт, вредный привычка (19)
14	Анализ хороший, анализ плохой, хороший наоборот, сдавать кровь, не анализ, не норма (22)	Количество шаг, посмотреть пройти, часть здоровье, шаг сделать, интересно посмотреть, не следить, не смотреть, не пойти (17)	Высокий образование, родиться занятие, год учиться, год месяц, возраст год, год месяц год, третий курс, далее муж, учиться магистратура (15)
15	Врач большой, доктор наука, большой опыт, большой смотреть, взять инициатива, запись врач, врач назначать, врач порекомендовать, каждый хороший, найти врач (16)		Лекарство подойти, здоровье таки, жизнь здоровье, повод здоровье, ездить дача, туда ходить, повод здоровье достаточно, состояние здоровье, ходить думать, спортзал ходить (15)
16	Родиться занятие, высокий образование, год учиться, возраст год, далее муж, месяц год, образование высокий, учиться магистратура, смотреть жить, не получить (15)		Порция заниматься, не никто, не никто не, не мерить, не взвешивать (15)
17	Здоровье таки, жизнь здоровье, ездить дача, повод здоровье, повод здоровье достаточно, туда ходить, спортзал ходить, состояние здоровье, ходить думать, думать здоровье (14)		Приложение телефон, календарь цикл, интересно находить, здоровье получаться, посмотреть ходить, шаг считать, получаться муж (13)
18	Отслеживать шаг, день смотреть, смотреть часы, часы появиться, пользоваться год, смотреть сон, режим день, интересно посмотреть, не отслеживать (14)		Откладывать месяц, пара месяц, полгода точно, захотеться посмотреть, год месяц год, стараться полгода, месяц год назад, месяц год, назад год (13)

	Параметр 1	Параметр 2	Параметр 3
19	Приложение телефон, календарь цикл, вес зал, здоровье получаться, интересно находить, шаг считать, получаться муж (13)		Полезный здоровье, чувствовать хороший, первый эмоция, отслеживать самочувствие, общий ощущение, ощущение ориентироваться, ощущение первый, психологический точка, стоить точка, сила возможность (13)
20	Полезный здоровье, чувствовать хороший, здоровье целое, ощущение ориентироваться, первый эмоция, ощущение первый, показатель физический, показатель физический тело, общий ощущение, отслеживать самочувствие (13)		Здоровье таки, доверять совет, пройти шаг не, не обсуждать, не делиться (12)
21	Здоровье таки, доверять совет, пройти шаг не, не обсуждать, не делиться (12)		Отслеживать давление, сдавать кровь, вес большой, год день, год начало, делиться врач, врач помогать, не отслеживать (12)
22	Отслеживать давление, сдавать кровь, год день, год начало, день день, делиться врач, думать сходить, начало заниматься начало, не отслеживать (12)		

Таблица П4

Метрики модели 1 Guided BERTopic (биграммы и триграммы)

	min_cluster_size	n_neighbors	Max_features	min_df	Число тем	Шум, %	Силуэт	Разнообразие тем
1	10	15	2000	2	23	17.3	0.7094	0.9304
2	11	15	2000	2	21	17.9	0.7207	0.9238
3	12	15	2000	2	20	19	0.7196	0.9200

Метрики модели 2 Guided BERTopic (униграммы, биграммы и триграммы)

min_cluster_size	n_neighbors	Max_features	min_df	Число тем	Шум, %	Силуэт	Разнообразие тем
10	16	2000	2	21	13.8	0.7254	0.8238

Текст промпта

Привет!

1. Твоя роль

Ты — социолог-методолог, специалист по качественному анализу и тематическому анализу (Braun & Clarke). Твоя задача — провести этап 4 тематического анализа: проверку и уточнение тем на основе данных, полученных с помощью тематического моделирования (BERT + UMAP + HDBSCAN) интервью о практиках заботы о здоровье в российских семьях. У тебя есть доступ к предварительным темам (результаты ML), примерам реплик и гайду. Ты должен критически оценить и доработать предварительные темы, а затем комплексно описать весь массив данных, обязательно выделив:

- типологии взаимодействия с устройствами мониторинга здоровья,
- типологии координации практик в семье,
- условия возникновения практик,
- следствия практик для семьи и отдельных членов.

2. Исходные данные (пользователь предоставит файлы)

Файлы с описанием тем из двух моделей:

Модель 1: только биграммы и триграммы.

Модель 2: униграммы + биграммы + триграммы.

Каждая тема содержит номер кластера, топ n-грамм.

Файлы с примерами реплик к каждой теме (несколько цитат).

Гайд интервью (опросник).

Статья о тематическом анализе (Braun & Clarke, желательна этап 4).

3. Контекст исследования (пользователь уже сформулировала)

Предмет: коллективные практики заботы о здоровье в повседневной жизни российских семей (цифровой и нецифровой мониторинг).

Цель: описать коллективные практики, выявить стратегии.

Задачи:

Описать цифровые и нецифровые практики и их встроенность в семейную рутину.

Описать и классифицировать форматы взаимодействия с цифровыми устройствами мониторинга здоровья.

Выявить условия возникновения практик и их координацию в семье.

4. Задачи для тебя (выполни последовательно)

Шаг 1. Ознакомление

Прочитай гайд интервью, чтобы понять логику сбора данных.

Изучи предоставленную статью о тематическом анализе, особенно раздел о проверке и уточнении тем (reviewing themes).

Просмотри все предварительные темы из обеих моделей и примеры реплик.

Шаг 2. Проверка предварительных тем

Для каждой машинной темы (кластера):

- вернись к примерам реплик и прочитай несколько высказываний, попавших в эту тему;
- оцени когерентность: действительно ли все реплики объединены общим смыслом? Если нет — раздели тему на две или более;
- оцени границы: не пересекается ли эта тема с другой? Если да — объедини;
- оцени содержательную насыщенность: если тема содержит мало реплик или они тривиальны (например, «да», «нет», «не знаю»), можешь исключить ее.

Выявление условий и следствий (новое): на основе предоставленных примеров реплик для каждой практики (описываемой в теме) определи:

- условия возникновения: какие внешние или внутренние факторы (например, болезнь члена семьи, рекомендация врача, удобство приложения, финансовые ограничения, нехватка времени) запускают или усиливают данную практику;
- следствия практики для семьи в целом и для отдельных членов семьи: как меняется семейная рутина, эмоциональный климат, распределение обязанностей, здоровье, конфликты или сплоченность.

Запиши эти наблюдения как отдельные коды-заметки (например, «условие: хроническое заболевание ребенка», «следствие: снижение тревожности у матери»). Эти коды должны быть позже интегрированы в темы и типологии.

Шаг 3. Уточнение и переименование тем

Присвой каждой уточненной теме четкое название, отражающее суть (например, «Поиск медицинской информации в интернете до визита к врачу», «Давление старшего поколения в вопросах лечения», «Фитнес-браслет как средство самоконтроля»).

Напиши краткое определение темы (что именно она охватывает).

Укажи явно условия и следствия: для каждой темы опиши, какие условия способствуют возникновению данной практики и какие следствия (позитивные/негативные, для семьи или отдельных членов) она порождает.

Приведи 1–3 характерные цитаты.

Укажи, из каких исходных машинных тем (номера кластеров) и из каких интервью получена тема.

Шаг 4. Группировка тем в более крупные блоки

Сгруппируй уточненные темы в 5–8 тематических блоков. Обязательно включи следующие блоки (остальные на твое усмотрение):

- использование цифровых / нецифровых устройств / приложений для мониторинга здоровья;
- семейная координация и распределение ролей;
- эмоциональные аспекты и конфликты;
- условия возникновения практик заботы о здоровье;
- следствия практик для семьи и отдельных членов

Шаг 5. Выделение типологий

5.1. Типология взаимодействия с цифровыми устройствами мониторинга здоровья

На основе уточненных тем, относящихся к использованию устройств (фитнес-браслеты, смарт-часы, умные весы, приложения для отслеживания симптомов и т. д.), выдели 4–6 типов взаимодействия. Для каждого типа опиши: название, характерные действия и установки пользователей, примеры цитат.

5.2. Типология координации практик заботы о здоровье в семье

На основе тем, описывающих распределение ответственности, совместные действия, конфликты и согласования, выдели 3–5 типов координации (например, «единый центр», «распределенная координация» и др.) Для каждого типа приведи цитаты и объясни, при каких условиях он возникает.

5.3. Типология условий возникновения практик (новое)

Выдели 3–5 типов условий, которые запускают или усиливают практики заботы о здоровье (например, «острый эпизод болезни», «социальное давление / пример окружения», «предписание врача» и др.). Для каждого типа приведи примеры цитат и укажи, к каким практикам они чаще всего приводят.

5.4. Типология следствий практик (новое)

Выдели 3–5 типов следствий, которые возникают в результате внедрения практик (например, «укрепление внутрисемейных связей», «появление новых конфликтов», «снижение тревожности», «усталость от контроля», «изменение семейной рутины»). Для каждого типа приведи цитаты и укажи, какие практики их вызывают.

Шаг 6. Комплексное описание данных

Напиши связный текст (1,5–2 страницы), который:

- кратко представляет контекст и методологию;
- описывает основные тематические блоки (из шага 4) с примерами;
- отвечает на исследовательские задачи:

Какие цифровые и нецифровые практики выявлены, как они встроены в рутину? Какие типы взаимодействия с устройствами выделены? Как условия влияют на возникновение и трансформацию практик? Какие следствия практик заботы о здоровье испытывают семья и отдельные члены семьи? Как происходит координация практик в семье?

Завершается выводами о природе коллективных практик заботы о здоровье в российских семьях. В заключении укажи, как выделенные условия и следствия интегрируются в общую теоретическую модель.

5. Требования к формату вывода

Представь результат в виде структурированного документа на русском языке, содержащего:

Введение (цели, данные, метод).

Уточненные темы (список с определениями, условиями, следствиями, цитатами).

Группировку в тематические блоки (включая блоки условий и следствий).

Типологию взаимодействия с устройствами.

Типологию координации практик в семье.

Условия возникновения практик.

Следствия практик для семьи и отдельных членов.

Комплексное описание данных (связный текст).

6. Дополнительные указания

Опирайся строго на предоставленные файлы: примеры реплик для цитирования, гайд для проверки полноты.

Если какая-то тема не подтверждается (оказалась артефактом модели), отбрось ее.

При выделении типологий старайся, чтобы они были эмпирически обоснованы (каждый тип иллюстрируется цитатами из разных интервью).

Будь критична: если предварительная теоретическая схема не полностью подтверждается, честно напиши об этом.

Особое внимание удели интеграции условий и следствий в каждую тему и в итоговые типологии — они не должны быть просто отдельным списком, а должны быть встроены в описание феноменов.

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.2

EDN: MABZMF

Внедрение искусственного интеллекта в организационные практики: доверие, легитимность и этические вызовы (на материалах экспертных интервью)

Ссылка для цитирования:

Багдасарян Д. А. Внедрение искусственного интеллекта в организационные практики: доверие, легитимность и этические вызовы (на материалах экспертных интервью) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 2. С. 126–146. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.2> EDN: MABZMF

For citation:

Bagdasaryan D. A. (2026) Introduction of Artificial Intelligence into Organizational Practices: Trust, Legitimacy and Ethical Challenges (Based on Expert Interviews). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 2. P. 126–146. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.2>

Багдасарян Диана Арцруновна

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: bagdasaryan.di@gmail.com

Статья посвящена изучению того, как специалисты, занятые в различных профессиональных контекстах — банковском и ИТ-секторах, академической среде, бизнес-аналитике и малом предпринимательстве, конструируют доверие к искусственному интеллекту (ИИ), интерпретируют его институциональную легитимность и формулируют этические границы автоматизации в организационных практиках. Эмпирическую основу исследования составляют шесть полуструктурированных экспертных интервью, проведенных в 2026 году по авторскому гайду из восьми тематических блоков; качественный материал сопоставлен с данными авторского опроса (n = 448, Санкт-Петербург, 2024–2026), а также данными ВЦИОМ, Левада-Центра¹ и НИУ ВШЭ. Дизайн исследования — эксплораторное качественное исследование с количественной валидацией: интервью реконструируют смысловые конструкторы

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Далее в тексте отмечено *.

экспертов, опрос фиксирует распространенность соответствующих установок в более широкой совокупности. Анализ транскриптов проведен методом тематического анализа в логике В. Браун и В. Кларк. Выявлены три модели экспертного отношения к ИИ — операциональное, техно-критическое и бизнес-адаптивное доверие; зафиксирована устойчивая нормативная позиция: «доверяй, но проверяй», — вне зависимости от профессионального контекста; описан регуляторный разрыв между общественным запросом на государственный контроль ИИ и низкой осведомленностью граждан об уже действующих нормах.

Ключевые слова: искусственный интеллект; экспертные интервью; организационные практики; доверие к ИИ; легитимность; этика ИИ; тематический анализ

Введение

Цифровизация экономики и общественной жизни создала принципиально новую среду для организационного управления. ИИ из инструмента научно-технического прогресса превратился в системообразующий элемент современных организаций — финансовых институтов, органов государственного управления, образовательных учреждений, ИТ-компаний, малого бизнеса. Эта трансформация порождает не только технологические, но и социологические вопросы: как и в каких контекстах формируется или разрушается доверие к автоматизированным системам? Кто несет ответственность за последствия алгоритмических решений? Какие границы автоматизации воспринимаются профессиональными сообществами как легитимные?

По данным НИУ ВШЭ, уровень регулярного пользования интернетом взрослым населением России достиг 90%, смартфонами владеют около 81% граждан [НИУ ВШЭ, 2024]. ВЦИОМ фиксирует, что около 70% россиян в целом доверяют государственным цифровым сервисам, тогда как Левада-Центр* оценивает уровень институционального доверия значительно ниже — порядка 49%². Это расхождение указывает на ситуативный характер цифрового доверия и делает релевантным изучение того, как профессионалы конкретных организаций объясняют свои практики использования ИИ.

Так, публикации в журнале «Интеракция. Интервью. Интерпретация» последовательно разрабатывают вопрос о применении количественных и качественных методов к анализу цифровых феноменов. Например, М. Александрова демонстрирует возможности машинного обучения и классификации текстовых данных в качественных исследованиях, ставя под сомнение

² Доверие россиян к цифровым технологиям и искусственному интеллекту: данные репрезентативных опросов // ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 01.05.2026).

Доверие к социальным институтам в России: данные опросов 2024–2026 гг. // Левада-Центр*. 2026. URL: <https://www.levada.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

жесткое разграничение методологических парадигм [Александрова, 2021]. Дискуссия «В одной лодке?» свидетельствует о том, что внедрение ИИ-инструментов в исследовательский процесс требует не только технического, но и концептуального осмысления [Колотовкина, 2023]. Актуальный спецвыпуск «Участие искусственного интеллекта в качественных исследованиях: практики, перспективы, этика» продолжает эту линию. Настоящая статья вносит в дискуссию методологическое предложение: рамку эксплораторного качественного исследования с количественной валидацией, подходящую для исследовательских ситуаций, в которых классический смешанный дизайн с приоритетом репрезентативности недостижим, но необходимо сопоставление индивидуальных нарративов с распределением установок в более широкой совокупности.

Исследовательские вопросы статьи:

1. Каким образом профессиональный контекст (банковский сектор, ИТ, академическая среда, бизнес-аналитика, малое предпринимательство) формирует различные модели доверия к ИИ?
2. Как эксперты обосновывают необходимость человеческого контроля (human-in-the-loop) в условиях нарастающей автоматизации, и в каких организационных формах этот принцип закрепляется?
3. Какие этические риски применения ИИ воспринимаются экспертами и массовыми респондентами как наиболее острые, и как это восприятие соотносится с существующими и формирующимися регуляторными механизмами?

Теоретическая рамка

Цифровые риски и абстрактные системы

В условиях массового внедрения ИИ традиционные подходы к социальным рискам нуждаются в реинтерпретации. Концепция «общества риска» У. Бека постулирует рукотворный характер рисков современности: они возникают как побочный продукт самой технологической рационализации, а не как внешние угрозы [Beck, 1992: 21]. Применительно к ИИ это означает, что алгоритмические ошибки, утечки данных и дезинформация структурно встроены в логику технологического развития. Э. Гидденс дополняет эту картину концептом онтологической безопасности, поддерживаемой доверием к абстрактным системам — экспертному знанию, технологическим стандартам, институтам [Giddens, 1990: 36]. ИИ представляет собой новый тип такой абстрактной системы: пользователь, лишенный возможности проверить логику работы алгоритма, опирается на репутацию разработчиков, институциональные гарантии и собственный опыт [Giddens, 1991: 20]. Собранные ранее автором данные опроса (n = 448) фиксируют такие риски как актуальные: 60% респондентов обеспокоены ошибками ИИ, 50% — утечками персональных данных, 49% — дезинформацией и дипфейки, 44% — угрозами приватности [Маргулян, Багдасарян 2025].

ИИ в организационных практиках: принятие и доверие

Социология организаций сформировала несколько ключевых рамок описания процессов принятия технологических инноваций. Модель принятия технологий (TAM) Ф. Дэвиса связывает принятие технологии с воспринимаемой полезностью и простотой использования [Davis, 1989: 320]. Объединенная теория UTAUT В. Венкатеша и соавторов к этому добавляет социальное влияние и благоприятствующие условия [Venkatesh et al., 2003: 426]. Эти расширения принципиальны для исследования ИИ: решение об использовании ИИ-инструментов в организации редко индивидуально — оно определяется нормами, ожиданиями коллег и инфраструктурой.

Особую роль играет здесь доверие как самостоятельная переменная. Работы Д. Гефена и соавторов, Х. Чона и соавторов показывают, что даже технология, оцениваемая как полезная, может отклоняться, если пользователь не доверяет ей [Gefen et al., 2003: 53; Choung et al., 2023: 1727]. Применительно к ИИ эта зависимость усилена непрозрачностью алгоритмов и нестабильностью результатов. Эмпирические данные опроса это подтверждают: 96,2% респондентов признают ИИ полезным; 87% используют его регулярно, однако уровень доверия резко различается по сферам (государственное управление — 74%, здравоохранение — 62%, судопроизводство — 49%, образование — 44%, HR-практики — 35%) [Маргулян, Багдасарян 2025]. Теория диффузии инноваций Э. Роджерса позволяет описать неравномерность распространения ИИ между отраслями: финансовый сектор, как правило, опережает академическую и образовательную среду [Rogers, 2003: 15].

Институциональная легитимность ИИ

М. Сачман выделяет три типа легитимности: прагматическую (основанную на воспринимаемой пользе), моральную (на соответствии нормативным ценностям) и когнитивную (на восприятии практики как само собой разумеющейся) [Suchman, 1995: 578]. Прагматическая легитимность ИИ связана с операциональной пользой; моральная — с этическими требованиями (конфиденциальностью, недискриминацией, прозрачностью); когнитивная предполагает, что ИИ воспринимается как естественный элемент организационной жизни. Диффузия организационных практик в сфере ИИ описывается через концепцию изоморфизма П. Димаджо и У. Пауэлла: принудительный механизм задается «Стратегией развития ИИ до 2030 года»³ и формирующимся регулированием, миметический — ориентацией на лучшие отраслевые практики *best practices*, нормативный — профессиональной социализацией и стандартами [DiMaggio, Powell, 1983: 148]. Системное доверие к ИИ как абстрактной системе, в свою очередь, согласно Н. Луману, выполняет функцию редукции сложности: ответственность переносится на организацию-разработчика и организацию-пользователя, а не на сам алгоритм [Luhmann, 1979: 15].

³ Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 01.03.2026).

Этические вызовы внедрения ИИ

Этическое измерение ИИ охватывает несколько взаимосвязанных проблем. Первая — непрозрачность алгоритмов («черный ящик»): современные нейронные сети принимают решения, не поддающиеся формальной логической реконструкции [Sarogna, 2023]. Вторая — алгоритмическое неравенство: модели, обученные на исторических данных, воспроизводят и усиливают социальные предрассудки, причем дискриминация воспринимается как объективная [Sarogna, 2023]. Третья — диффузия ответственности: разработчик, организация-пользователь и конкретный сотрудник несут разную и не всегда формализованную ответственность за алгоритмическое решение. Культурная теория риска М. Дуглас и А. Вилдавски объясняет, почему разные социальные группы по-разному оценивают эти риски: восприятие риска детерминировано культурными ценностями и социальными отношениями, а не объективными характеристиками угрозы [Douglas, Wildavsky, 1982].

Типология ИИ-инструментов: специализированные и генеративные

В существующих социологических обсуждениях ИИ нередко предстает как единый объект, однако материалы интервью настоящего исследования (см. раздел «Эмпирический анализ») показывают необходимость аналитического различения двух классов инструментов. **Специализированные ИИ-системы** — внутренние корпоративные модели, обученные на отраслевых данных и интегрированные в защищенный контур организации (например, кредитный скоринг, антифрод, внутренние помощники банка). **Генеративные ИИ-инструменты** — публично доступные большие языковые модели (ChatGPT, Claude, отечественные аналоги), интегрируемые пользователями в персональные и рабочие задачи. Эта дистинкция принципиальна с точки зрения легитимности: специализированные системы вписаны в существующие корпоративные регламенты безопасности и получают прагматическую легитимность относительно быстро; генеративные инструменты, напротив, обходят организационные границы и требуют выработки новых нормативных рамок. Это различие явно проступает в нарративах информантов из банковской сферы и ИТ-сектора (см. раздел «Эмпирический анализ», пункты «Доверие к ИИ: операциональное, технико-критическое и предпринимательски-адаптивное», «Границы автоматизации и принцип human-in-the-loop»).

Методология

Исследовательский дизайн

Наше исследование выполнено в рамках **эксплораторного качественного исследования с количественной валидацией**. Принципиально важно уточнить эту формулировку относительно более распространенного понятия «смешанный дизайн» [Creswell, Plano Clark, 2018]. Классический смешанный дизайн предполагает либо параллельное проведение качественного

и количественного компонентов с последующей триангуляцией, либо последовательную интеграцию, в которой каждый компонент решает соразмерную задачу. В настоящем исследовании задачи компонентов структурно несимметричны: основной компонент — экспертные интервью, реконструирующие смысловые конструкты (как профессионалы определяют доверие, легитимность и границы автоматизации); вспомогательный — массовый опрос, фиксирующий распространенность соответствующих установок в более широкой совокупности и обеспечивающий внешний количественный «якорь» для интерпретации интервью. Опрос не претендует на репрезентативность на уровне страны и не используется для статистического тестирования гипотез, его функция валидационная и контекстуализирующая. Такой дизайн представляется адекватным для эксплораторного этапа изучения нового феномена и для исследовательских ситуаций, в которых полноценная репрезентативная выборка невозможна.

Выборка экспертных интервью

Сформирована целевая выборка из шести экспертов по принципу максимальной вариации профессиональных контекстов взаимодействия с ИИ. Все информанты дали информированное согласие; имена анонимизированы либо указаны с разрешения. Краткая характеристика выборки представлена в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика выборки экспертных интервью

Условное обозначение	Профессиональный контекст	Должность / роль	Стаж, лет	Тип ИИ-практики
Банковский аналитик	Банковский сектор	Аналитик в банке	7+	Внутренние ИИ-инструменты, коддинг, аналитика
Банковский консультант	Банковский сектор	Старший консультант банка	2	Внутренние нейросетевые решения, регламенты
Продуктовый аналитик	Банковский сектор / финансовые технологии	Продуктовый аналитик (Т-Банк)	5+	50+ внутренних LLM, генеративные ИИ
Бизнес-аналитик	Бизнес-аналитика	Бизнес-аналитик в крупной компании	6+	Замена ручного контроля качества на ИИ-контроль, генеративные LLM
ИТ-доцент	ИТ-сектор + академическая среда	Доцент кафедры информатики; ИТ-фриланс	10+	Специализированные ИИ-системы и генеративные ИИ-инструменты, обучение студентов

Условное обозначение	Профессиональный контекст	Должность / роль	Стаж, лет	Тип ИИ-практики
Преподаватель математики	Академическая среда	Преподаватель-исследователь в области математики	4,5 в науке, 3,5 — в преподавании	ИИ как объект критической рефлексии
Предприниматель	Малое предпринимательство (строительство)	Собственник строительной компании	15	Генеративные ИИ-инструменты для управления, ведения документации

Замечание: для удобства изложения далее используются краткие обозначения: «банковский аналитик», «банковский консультант», «продуктовый аналитик», «бизнес-аналитик», «ИТ-доцент», «преподаватель математики», «предприниматель». Все интервью проведены в 2026 году, продолжительность 50–90 минут, аудиозапись с разрешения, последующая транскрипция.

Инструментарий: сценарий интервью

Сценарий структурирован по восьми тематическим блокам: 1) социальная безопасность и цифровые угрозы; 2) цифровые изменения в организации; 3) социальные технологии в профессиональной среде; 4) ИИ в организации; 5) доверие к ИИ; 6) границы автоматизации; 7) этические риски, связанные с использованием ИИ; 8) регулирование. Для разных информантов гайд адаптировался: в интервью с представителями академической среды акцент смещался к образованию, в предпринимательских — к бизнес-кейсам, в банковских — к корпоративным регламентам. Такая адаптация — стандартная практика полуструктурированного интервью. Изменения учитывались при последующей интерпретации (см. раздел «Обсуждение», «Три профиля экспертного отношения к ИИ»).

Количественный компонент

Авторский опрос проведен в Санкт-Петербурге в 2024–2026 годах (n = 448). Сбор данных был организован комбинированно: с помощью онлайн-формы (Google Forms), распространяемой через социальные сети и студенческие сообщества, и офлайн-анкетирования на бумажных бланках на территории университетских кампусов и общественных площадок города. Выборка — без квот по полу, возрасту или образованию; респонденты — жители Санкт-Петербурга от 18 лет. Двухгодичная длительность сбора объясняется несколькими факторами: поэтапностью диссертационного проекта, в рамках которого проводился опрос; намеренным охватом разных групп респондентов (например, студентов, занятых в различных секторах) в разные временные периоды; необходимостью сопоставления установок в динамике на фоне

быстрого распространения генеративных ИИ-инструментов в 2024–2026 годах. Социодемографические характеристики выборки: 56% — женщины, 44% — мужчины; распределение по возрасту: 18–25 лет — 38%, 26–35–27%, 36–50–22%, 50+ — 13%; высшее образование (или незаконченное высшее) — 78%; занятость: студенты — 32%, специалисты в найме — 41%, самозанятые/предприниматели — 11%, пенсионеры — 9%, прочие — 7%. Подчеркнем: опрос является эксплораторным и не претендует на репрезентативность населения Санкт-Петербурга или Российской Федерации в целом; он используется в настоящей статье как контекст для интерпретации интервью, а не как самостоятельное основание для статистических обобщений. Подробные результаты опубликованы отдельно [Маргулян, 2025].

Для внешней валидации используются данные общероссийских опросов: ВЦИОМ — о доверии к цифровым технологиям и ИИ; Левада-Центр* — о доверии к социальным институтам⁴; НИУ ВШЭ («Цифровая экономика») — о практиках цифровизации [НИУ ВШЭ, 2026].

Анализ данных

Транскрипты интервью анализировались методом **тематического анализа** в рамках предложенных В. Браун и В. Кларк [Braun, Clarke, 2006]. Анализ проходил в шесть этапов: 1) ознакомление с данными через многократное чтение транскриптов; 2) первичное (открытое) кодирование значимых сегментов; 3) поиск тем — группировка кодов в более крупные смысловые кластеры; 4) ревизия тем относительно полного датасета; 5) определение и наименование тем; 6) написание аналитического отчета с выбором репрезентативных цитат. Подчеркнем, что выбор тематического анализа (а не grounded theory в строгом смысле, для которой требовалось бы теоретическое насыщение и итеративный сбор данных) соответствует эксплораторной природе исследования и заранее заданной теоретической рамке (см. раздел «Теоретическая рамка»). На уровне аналитической работы сформированы три тематических кластера: конструкты доверия к ИИ; границы автоматизации и принцип human-in-the-loop; этические риски и регулирование.

Этические принципы и ограничения

Все участники дали информированное согласие на интервью и аудиозапись. Идентифицирующие детали в цитатах опущены или замаскированы. Опрос проводился анонимно. Основные ограничения исследования: выборка интервью — шесть экспертов, что, по мнению А. Страусса и Дж. Корбин, недостаточно для теоретического насыщения и для широких типологических обобщений [Strauss, Corbin, 1990]; опрос ограничен Санкт-Петербургом и не репрезентативен на национальном уровне; исследование носит эксплораторный характер и формулирует гипотезы для последующей проверки.

⁴ Доверие россиян к цифровым технологиям и искусственному интеллекту: данные репрезентативных опросов // ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 01.05.2026).

Доверие к социальным институтам в России: данные опросов 2024–2026 гг. // Левада-Центр. 2026. URL: <https://www.levada.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

Эмпирический анализ

Доверие к ИИ: операциональное, технико-критическое и предпринимательски-адаптивное

Первый тематический кластер объединяет высказывания всех шести экспертов о том, как формируется доверие к ИИ. Анализ показал, что доверие интерпретируется информантами не как статичная установка, а как **динамический процесс**, формирующийся через практику и опыт; при этом обнаруживаются три различающихся профиля.

Операциональное доверие характерно для информантов финансового сектора и бизнес-аналитики. Здесь доверие количественно оценивается (70–80%), привязано к конкретным инструментам и встроено в корпоративные регламенты. Банковский аналитик формулирует это так:

«Я бы оценил свое доверие к ИИ примерно на 70–80 процентов. Это значит, что я всегда проверяю то, что он выдает. Особенно когда дело касается клиентских данных — там у нас вообще отдельные регламенты» (банковский аналитик, 2026).

Аналогичную позицию занимает банковский консультант:

«У нас есть внутренние нейросетевые решения... Они, как говорят наши ИТ-специалисты, действительно обеспечивают защищенность данных» (банковский консультант, 2026).

Принципиален при этом контур использования:

«У нас есть регламенты, которые регулируют, какую информацию можно выносить за пределы компании... Мы не должны скармливать данные нейросетям и тем более рассказывать кому-то за пределами компании» (банковский консультант, 2026).

Продуктовый аналитик Т-Банка добавляет к этой картине деталь корпоративной экосистемы:

«У нас внутри банка больше пятидесяти разных языковых моделей... Есть единый интерфейс типа PreGPT, есть DataMeister для работы с базами данных» (продуктовый аналитик, 2026).

Доверие здесь зависит от типа инструмента и чувствительности данных:

«К внутренним моделям доверие выше, потому что они в защищенном контуре. К открытым — ниже, и туда мы клиентские данные не выносим» (продуктовый аналитик, 2026).

Бизнес-аналитик описывает, как ИИ полностью берет на себя некоторые функции:

«У нас целиком сократили отдел контроля качества и заменили его ИИ — он анализирует все звонки и переписки. Это работает, потому что есть процедуры верификации» (бизнес-аналитик, 2026).

Технико-критическое доверие характерно для информантов из академической среды и ИТ-сектора. Здесь доверие концептуализируется не как операциональный параметр, а как объект философской рефлексии и эпистемической осторожности. ИТ-доцент вводит принципиальное различие типов инструментов:

«Когда мы говорим „ИИ“, это слишком общо. Одно дело — специализированная модель для распознавания изображений, обученная на конкретных данных. Совсем другое — генеративная модель общего назначения, которая может с уверенным видом написать совершенную чепуху» (ИТ-доцент, 2026).

Это различие — ключевое: оно соответствует предложенной нами в разделе «Теоретическая рамка» (пункт «Типология ИИ-инструментов: специализированные и генеративные») типологии и объясняет, почему общие опросы о доверии к ИИ дают противоречивые результаты. Преподаватель математики формулирует емкую метафору:

«ИИ — это работник, который способен выполнять любую работу, но очень плохо. То есть он способен сделать все что угодно, но за ним требуется постоянная проверка» (преподаватель математики, 2026).

Эта метафора низкоквалифицированного универсала структурно близка к корпоративной формулировке Т-Банка, в которой ИИ-помощник в клиентском интерфейсе помечен как *«сотрудник с ограниченными возможностями»*, что обеспечивает ему *«лояльную очередь»* от клиентов (продуктовый аналитик, 2026). Налицо удивительная смысловая схожесть: и информант из академической среды, и продуктовый менеджер крупного банка приходят к одной и той же институциональной метафоре ИИ как ограниченно компетентного сотрудника.

Бизнес-адаптивное доверие обнаруживается у предпринимателя малого бизнеса. Здесь доверие формируется через личную траекторию освоения:

«Сначала я был полным скептиком. Ну что это? Очередная игрушка. Потом, когда попробовал, был восторг: казалось, теперь все можно! Сейчас я понимаю, что ИИ — это молоток: им можно забить гвоздь, а можно ударить себе по пальцу. Все зависит от того, кто пользуется» (предприниматель, 2026).

Эта эволюция «скепсис → восторг → реалистичное восприятие» — характерная траектория, описываемая в литературе по диффузии инноваций [Rogers, 2003] и обнаруживаемая в наших данных как стандартный паттерн адаптации в условиях, не закрепленных корпоративными регламентами.

Распределение этих установок в массовой выборке также различимо. Данные опроса фиксируют, что 96,2% респондентов признают ИИ полезным, 87% используют его регулярно, при этом 95% настаивают на необходимости человеческого контроля [Маргулян, Багдасарян 2025]. Это согласуется с общероссийской картиной: ВЦИОМ отмечает высокий уровень доверия к государственным цифровым сервисам (около 70%), тогда как Левада-Центр* фиксирует значительно более низкое доверие к социальным институтам в целом (около 49%)⁵. Иначе говоря, цифровое доверие — ситуативное: оно связано с конкретными сервисами и инструментами, а не институтами как таковыми.

Границы автоматизации и принцип human-in-the-loop

Второй тематический кластер фиксирует позицию по границам автоматизации. Здесь, в отличие от первого кластера, наблюдается **смысловая конвергенция** всех шести экспертов на одной нормативной позиции: ни один не считает допустимым автономное принятие решений ИИ в значимых ситуациях. Эта конвергенция тем более примечательна, что аргументация различается.

В **банковской и бизнес-аналитической перспективе** human-in-the-loop встроены в регламенты.

«Это не недоверие, это просто здравый смысл» (банковский аналитик, 2026).

«Пока что человеку, специалисту приходится перепроверять большинство решений на основе искусственного интеллекта, поскольку галлюцинации до сих пор проявляются» (банковский консультант, 2026).

Принципиально, что верификация институционализируется. Продуктовый аналитик описывает ее как «доверяй, но проверяй» вместо строгого регламента:

«У нас нет правила: „перепроверь каждый пятый ответ“. Есть культура, в которой ты по умолчанию не доверяешь модели полностью» (продуктовый аналитик, 2026).

⁵ Доверие россиян к цифровым технологиям и искусственному интеллекту: данные репрезентативных опросов // ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 01.05.2026).

Доверие к социальным институтам в России: данные опросов 2024–2026 гг. // Левада-центр. 2026. URL: <https://www.levada.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

Бизнес-аналитик добавляет любопытный пример пользовательского интерфейса как материализации принципа human-in-the-loop:

«В Т-Банке есть кнопка „оспорить“: если ИИ принял решение, а клиент с ним не согласен, его кейс уходит к человеку. Это часть продукта, а не побочная история» (бизнес-аналитик, 2026).

Здесь принцип human-in-the-loop из абстрактной нормы превращается в элемент дизайна сервиса.

В **академической среде** обоснование шире — этическое и социальное. Преподаватель математики формулирует принципиальную позицию:

«ИИ не должен принимать никаких решений самостоятельно. Он может какую-то работу оптимизировать, но некие принимаемые решения должен проверять обязательно человек в конце концов» (преподаватель математики, 2026).

Особенно показателен его анализ судебной системы:

«Суды — это четкая алгоритмическая штука. Есть закон, судья должен в соответствии с законом судить. Очевидно, ИИ способен гораздо лучше обрабатывать базы данных и выносить соответствующее решение. Но при этом доверие людей к этой системе гораздо меньше, потому что ИИ более чужд человеку. Как будто решение, вынесенное живым судьей, человечнее» (преподаватель математики, 2026).

Этот фрагмент демонстрирует разрыв между **технической компетентностью** и **социальной приемлемостью** алгоритмического решения — то, что в типологии М. Сачмана соответствует разрыву между прагматической и когнитивной легитимностью [Suchman, 1995]. Преподаватель математики также формулирует проблему «груза безопасности» (security theater):

«Должен быть ответственный, компетентный ответственный. Но в реальной жизни, скорее всего, даже если будет назначен какой-то ответственный, этот ответственный будет перегружен, некомпетентен, и мы получим условный груз безопасности» (преподаватель математики, 2026).

Это явление структурно соответствует тому, что в социологии организаций описывается как decoupling — разрыв между официальной политикой и фактической практикой [DiMaggio, Powell, 1983].

В **академической среде** добавляется образовательное измерение. ИТ-доцент описывает, как формализуется граница использования ИИ в обучении:

«В этом году в нашем университете официально допускается использование ИИ в выпускных квалификационных работах — до 10% сгенерированного текста в первой главе при условии явного указания. Это попытка ввести правило в ситуацию, где запрет все равно не работает» (ИТ-доцент, 2026).

Здесь видна институционализация human-in-the-loop в академической норме: ИИ не запрещен, но ограничен и маркирован.

В **бизнес-перспективе** граница задается практически — через личный ритуал. Предприниматель описывает «манифесты» для ChatGPT и Claude — формализованные инструкции, которые он каждый раз передает модели для предсказуемости результата:

«Я понял, что без четкого ТЗ от меня ИИ выдает ерунду. Поэтому у меня есть свои „манифесты“ — длинные промпты, в которых я объясняю, кто я, что мне нужно, как должен выглядеть результат» (предприниматель, 2026).

Это интересный случай **низовой нормотворческой практики**: в отсутствие корпоративных регламентов пользователь конструирует собственный аналог рамок верификации.

Согласие на необходимость человеческого контроля поддерживается и данными опроса: 95% респондентов считают необходимым контроль человека над решениями ИИ, причем этот показатель практически не зависит от возраста, пола и образования [Маргулян, Багдасарян 2025]. Эта универсальность позволяет говорить о human-in-the-loop как о **широкой социальной норме**, а не только профессионально-экспертной.

Этика, регулирование, неравенство

Третий тематический кластер объединяет высказывания о наиболее острых этических рисках и о соотношении общественного запроса и регулирования.

Алгоритмическое неравенство артикулируется в нескольких ракурсах. Преподаватель математики формулирует парадоксальный сценарий инвертированного неравенства:

«Элита будет обучаться в закрытых школах, писать карандашами. Массовые люди будут обучаться с помощью ИИ. Такую опасность я вижу» (преподаватель математики, 2026).

ИТ-доцент дает прикладную иллюстрацию:

«В ИТ-рынке у нас сейчас лопнул пузырь. Джуниоров не нанимают — их работу делает ИИ. Богатые компании богатеют, у них есть инфраструктура и сильные специалисты, способные выжать из ИИ максимум. Бедным остается либо переучиваться, либо уходить» (ИТ-доцент, 2026).

Банковский консультант формулирует аналогичную обеспокоенность относительно уровня инфраструктуры:

«Доступ платный, не у всех одинаковая платежеспособность. Понятно, что дальше кто-то будет иметь лучший доступ к этому благу, как и ко всем остальным благам» (банковский консультант, 2026).

Эти оценки экспертов согласуются с данными об уровне регионального и социального цифрового неравенства, фиксируемого в исследованиях НИУ ВШЭ [НИУ ВШЭ, 2026].

Социальная поляризация артикулируется как системный эффект массового распространения ИИ. Преподаватель математики:

«Общество становится более поляризованным. Когда люди общаются с ИИ, они общаются с агентом, который буквально создан, чтобы подтвердить их мнение» (преподаватель математики, 2026).

Здесь речь идет об «эхо-камерах» и «пузырях фильтров»; примечательно, что эта обеспокоенность артикулируется в академической перспективе, тогда как ИТ-доцент склоняется к более технократической интерпретации, видя в этой проблеме скорее задачу дизайна моделей, чем структурный эффект.

Проблема «черного ящика» формулируется четче всего академическим экспертом:

«Непрозрачная система принятия решений — это самая большая опасность. Когда в полицию внедрили ИИ, <...> непонятна логика его работы» (преподаватель математики, 2026).

Этот тезис согласуется с массовыми данными: 60% респондентов выражают обеспокоенность ошибками ИИ [Маргулян, Багдасарян 2025].

Регуляторный разрыв — наиболее яркий результат сопоставления интервью и опроса. Экспертные оценки регулирования варьируются от умеренно критических у банковских информантов: *«Какой-то федеральный закон есть, я глубоко не читал»* (банковский консультант, 2026), — до резко критических у информанта из академической среды: *«Регулирование очень слабое. ИИ свободно распространяется, свободно развивается. Государству стоило бы задуматься об ограничении, не пытаться бустить ИИ налоговыми льготами, а наоборот»* (преподаватель математики, 2026). Преподаватель математики предлагает в качестве модели аналогии с МАГАТЭ — независимым международным органом, способным устанавливать обязательные стандарты и проводить аудит. Предприниматель формулирует параллель более прагматично, ссылаясь на оценки Маккинси о потенциальном эффекте в 600 млрд долларов от ИИ в сфере недвижимости к 2035 году⁶ [McKinsey, 2024] и отмечая:

⁶ The Economic Potential of Generative AI: The Next Productivity Frontier. McKinsey Global Institute. 2024. URL: <https://www.mckinsey.com/> (accessed: 01.05.2026).

«Регулирование должно догнать, иначе мы не сможем нормально работать на международном рынке» (предприниматель, 2026).

Опрос фиксирует характерный паттерн: 80% респондентов поддерживают введение государственного регулирования ИИ, при этом лишь 16% знакомы с действующей нормативно-правовой базой [Маргулян, Багдасарян 2025]. Этот разрыв между запросом и осведомленностью представляет собой не просто информационный дефицит, но и системную проблему для гражданского контроля: невозможно эффективно требовать совершенствования норм, о которых ничего не известно. Сравнение с международным контекстом показательно: EU AI Act (2024) — риск-ориентированный подход с жесткими требованиями для высокорисковых применений ИИ — представляет собой одну из возможных моделей институционализации регулирования⁷. «Стратегия развития ИИ до 2030 года» в России, напротив, ориентирована прежде всего на стимулирование, а не на ограничение⁸. Это структурное расхождение между общественным запросом и государственной логикой представляется одним из ключевых результатов исследования.

Обсуждение

Три профиля экспертного отношения к ИИ

Сопоставление позиций экспертов позволяет выделить **три профиля** отношения к ИИ — операциональный, техно-критический и бизнес-адаптивный, каждому из которых соответствует свой тип легитимации (в терминах М. Сачмана). Операциональный профиль (отмечен среди информантов из банковской сферы и бизнес-аналитики) опирается на прагматическую легитимность: ИИ принимается как полезный инструмент, чьи риски управляются через корпоративные регламенты. Техно-критический профиль (определен в интервью с ИТ-доцентом и преподавателем математики) опирается на моральную легитимность: ИИ приемлем при условии соблюдения этических норм — прозрачности, распределения ответственности, защиты от поляризации. Бизнес-адаптивный профиль (отмечен у предпринимателя малого бизнеса) опирается на личный опыт и низовое нормотворчество в отсутствие институционализированных рамок. Подчеркнем: эти профили — не свойства людей, а **смысловые конфигурации, активируемые профессиональным контекстом**. В одном ключевом вопросе — необходимости человеческого контроля — все три профиля сходятся.

⁷ Artificial Intelligence Act (AI Act). *Official Journal of the European Union*. 2024. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (accessed: 15.04.2026).

⁸ Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 01.03.2026).

Типы ИИ-инструментов и распределение легитимности

Различение специализированных и генеративных ИИ-инструментов, обоснованное в разделе «Теоретическая рамка» (пункт «Типология ИИ-инструментов: специализированные и генеративные») и подтвержденное в интервью, позволяет уточнить распределение легитимности. **Специализированные инструменты** — внутрикорпоративные модели в защищенном контуре — относительно быстро получают прагматическую легитимность за счет встраивания в существующие регламенты безопасности (PreGPT и DataMeister в Т-Банке, банковские внутренние нейросетевые решения). **Генеративные инструменты** существуют в значительно более неопределенном нормативном пространстве: они обходят корпоративные границы, требуют выработки новых рамок (как в случае с «манифестами» предпринимателя, академическим лимитом в 10% в ВКР), и именно вокруг них концентрируется этическая и регуляторная дискуссия. Учет этой типологии позволяет точнее интерпретировать кажущуюся противоречивость данных опроса о доверии к ИИ вообще.

Парадокс доверия и гибридная модель управления

Сквозной теоретический результат исследования — концептуализация **парадокса доверия** в организационном контексте ИИ: высокий уровень инструментального доверия и фактического использования сочетается с устойчивым требованием постоянного человеческого контроля. На первый взгляд, это противоречие, на деле — рациональная адаптация к ИИ как объекту доверия: сложной вероятностной системе, производящей компетентные результаты в большинстве случаев и непредсказуемо ошибающейся в меньшинстве. В терминах Н. Лумана, здесь работает «активное доверие» — доверие, управляющее неопределенностью, а не устраняющее ее [Luhmann, 1979]. Институционально это воплощается в гибридной модели управления: ИИ выполняет рутинные операции, человек верифицирует ключевые решения и несет ответственность. Эта модель материализуется в продуктовых решениях (кнопка «оспорить», маркировка ИИ-помощника как сотрудника с ограниченными возможностями), в академических нормах (лимит 10%), в предпринимательских ритуалах («манифесты»).

Регуляторный разрыв в международной перспективе

Зафиксированный разрыв между общественным запросом на регулирование (80%) и осведомленностью о действующей базе (16%) представляет собой характерный признак ранней стадии институционализации ИИ-регулирования. Сопоставление с EU AI Act (2024) и моделью МАГАТЭ, предложенной информантом из академической среды, указывает на возможные траектории дальнейшего развития: либо отраслевая риск-ориентированная нормативная база с независимым надзором, либо доминирование стимулирующей логики при низком уровне ограничений. От выбора между этими траекториями зависит, в какой мере организационные практики, описанные нашими информантами, получают внешнюю институциональную поддержку.

Заключение

Настоящее исследование позволило получить три группы результатов, отвечающих на три исследовательских вопроса статьи.

На первый вопрос — о влиянии профессионального контекста на модели доверия — получен ответ: профессиональный контекст структурирует не столько уровень доверия (он у всех экспертов оказался избирательным), сколько способ обоснования доверия. Операциональный профиль артикулирует доверие через корпоративные регламенты, техно-критический — через этическую рефлексию и типологию инструментов, бизнес-адаптивный — через личную траекторию освоения. Эти профили не сводятся друг к другу, но в одном ключевом нормативном пункте — необходимости человеческого контроля — конвергируют.

На второй вопрос — о принципе human-in-the-loop — получен ответ: принцип не только поддерживается всеми экспертами и 95% массовых респондентов, но и получает институциональные формы — корпоративные регламенты, продуктовые элементы (кнопки оспаривания, маркировки), академические нормы (лимит ИИ-текста в работах), пользовательские ритуалы («манифесты»). Принцип human-in-the-loop, таким образом, не является ни декларацией, ни абстрактным идеалом. Это формирующийся слой социотехнических практик. Вместе с тем существует риск «груза безопасности» (security theater) — формального соответствия требованиям без реальной компетенции, и этот риск артикулируется экспертами как актуальный.

На третий вопрос — об этических рисках и регулировании — получен ответ: наиболее остро эксперты и массовые респонденты воспринимают риски непрозрачности алгоритмов, алгоритмического неравенства и социальной поляризации. Существует устойчивый разрыв между общественным запросом на регулирование (80%) и осведомленностью о существующих нормах (16%). Текущая российская логика регулирования преимущественно стимулирующая, тогда как общественный запрос — ограничительный; это структурное расхождение между «Стратегией развития ИИ до 2030 года» и общественными ожиданиями представляется одним из ключевых результатов исследования.

На основе полученных результатов формулируются дифференцированные по рассматриваемым секторам рекомендации.

Для финансового сектора: сформировать инфраструктуру ответственного пользования ИИ, то есть, поддерживать развитие специализированных ИИ-инструментов во внутренних защищенных контурах (по образцу PreGPT, DataMeister) и явно регламентировать ограничения на использование публичных генеративных моделей в отношении клиентских данных; институционализировать процедуры верификации как часть продуктового дизайна (по образцу кнопки «оспорить»).

Для академического и образовательного сектора: развивать прозрачные нормы использования ИИ в учебном и научном процессе (с лимитами, маркировкой, обязательным декларированием), сочетающие признание

неизбежности ИИ с защитой ценности самостоятельной интеллектуальной работы.

Для ИТ-сектора и платформенных бизнесов: развивать маркировку ИИ-агентов в пользовательских интерфейсах (по образцу маркировки помощника как сотрудника с ограниченными возможностями), что позволит пользователю калибровать доверие.

Для малого и среднего предпринимательства: развивать образовательные программы по основам взаимодействия с ИИ, помогающие пройти траекторию «скепсис → восторг → реалистичное восприятие» быстрее и без типичных ошибок раннего использования.

Для государства: развивать риск-ориентированный подход к регулированию (по образцу EU AI Act), повышать осведомленность граждан о действующих и формирующихся нормах, обеспечивать независимый аудит алгоритмов в социально значимых сферах (судопроизводство, здравоохранение, образование).

Методологический вклад статьи заключается в обосновании рамки эксплораторного качественного исследования с количественной валидацией как практичной альтернативы строгому смешанному дизайну в условиях, в которых полноценная репрезентативная выборка недостижима, но необходимо сопоставление индивидуальных нарративов с распределением установок в более широкой совокупности. Эта рамка позволяет избежать как методологического догматизма, так и эпистемической переоценки малых эмпирических оснований. Перспективы дальнейшего исследования включают расширение выборки интервью до достижения теоретического насыщения, лонгитюдное наблюдение за динамикой доверия по мере распространения ИИ, а также сравнительный анализ российского контекста с контекстом других стран, особенно в связи с центральной темой настоящего спецвыпуска об ИИ в качественных исследованиях.

Литература / References

Александрова М. Методы классификации текстовых данных: можно ли использовать количественный интеллектуальный анализ данных в качественном исследовании // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13. № 2. С. 79–101. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.5>

Aleksandrova M. (2021) Methods of Text Data Classification: Can Quantitative Data Mining Be Used in Qualitative Research. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 2. P. 79–101. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.5> (In Russ.)

Бразевич С. С., Маргулян Я. А., Багдасарян Д. А. Влияние процессов цифровизации на систему управления социальной безопасностью российского социума // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 11. С. 25–32. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.2>

Brazevich S. S., Margulyan Ya. A., Bagdasaryan D. A. (2023) The Impact of Digitalization Processes on the Management System of Social Security in Russian Society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 11. P. 25–32. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.2> (In Russ.)

Колотовкина А. С. В одной лодке? Дебаты о методе в меняющемся эмпирическом поле // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 4. С. 11–32. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.1> EDN: UXGCDQ

Kolotovkina A. S. (2023) In the Same Boat? Methodological Debates in a Changing Empirical Field. *Interaksiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 15. No. 4. P. 11–32. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.1> (In Russ.)

Маргулян Я. А., Багдасарян Д. А. Социальное проектирование как инструмент обеспечения социальной безопасности в цифровой среде // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти: Сборник докладов VII Всероссийского социологического конгресса. М.; СПб.; Ростов н/Д, 12–14 ноября 2025 года. М.: Российское общество социологов, 2025. С. 824–831.

Margulyan Ya.A., Bagdasaryan D.A. (2025) Social Design as a Tool for Ensuring Social Security in the Digital Environment. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: formirovanie i funktsionirovanie obshchestvennoy pamyati: Sbornik dokladov VII Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa, Moscow, St. Petersburg, Rostov-on-Don, 12–14 November 2025* [Sociology and Society: Formation and Functioning of Public Memory: Proceedings of the VII All-Russian Sociological Congress]. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov. P. 824–831. (In Russ.)

НИУ ВШЭ. Цифровая экономика: 2026. Краткий статистический сборник / Под ред. В. Л. Абашкина, Г. И. Абдрахмановой, К. О. Вишневого, Л. М. Гохберг. М.: НИУ ВШЭ, 2026.

Abashkin V. L., G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevskiy, L. M. Gokhberg (eds.) (2026) *NIU VShE. Cifrovaya ekonomika: 2026. Kratkij statisticheskij sbornik* [HSE University. Digital Economy: 2026. Brief Statistical Compendium]. Moscow: HSE University. (In Russ.)

Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: SAGE.

Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*. Vol. 3. No. 2. P. 77–101. DOI: <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>

Capogna S. (2023) *Artificial Intelligence and Society*. Berlin: Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-26862-4>

Choung H., David P., Ross A. (2023) Trust in AI and Its Role in the Acceptance of AI Technologies. *International Journal of Human-Computer Interaction*. Vol. 39. No. 9. P. 1727–1739. DOI: <https://doi.org/10.1080/10447318.2022.2050543>

Creswell J.W., Plano Clark V.L. (2018) *Designing and Conducting Mixed Methods Research*. 3rd ed. Thousand Oaks: SAGE.

Davis F.D. (1989) Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology. *MIS Quarterly*. Vol. 13. No. 3. P. 319–340. DOI: <https://doi.org/10.2307/249008>

DiMaggio P., Powell W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 2. P. 147–160. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095101>

Douglas M., Wildavsky A. (1982) *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley: University of California Press.

Gefen D., Karahanna E., Straub D.W. (2003) Trust and TAM in Online Shopping: An Integrated Model. *MIS Quarterly*. Vol. 27. No. 1. P. 51–90. DOI: <https://doi.org/10.2307/30036519>

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Stanford: Stanford University Press.

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press.

Luhmann N. (1979) *Trust and Power*. Chichester: Wiley.

Rogers E.M. (2003) *Diffusion of Innovations*. 5th ed. New York: Free Press.

Strauss A., Corbin J. (1990) *Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques*. Newbury Park: SAGE.

Suchman M. C. (1995) Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches. *Academy of Management Review*. Vol. 20. No. 3. P. 571–610. DOI: <https://doi.org/10.5465/amr.1995.9508080331>

Venkatesh V., Morris M. G., Davis G. B., Davis F. D. (2003) User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View. *MIS Quarterly*. Vol. 27. No. 3. P. 425–478. DOI: <https://doi.org/10.2307/30036540>

Сведения об авторе:

Багдасарян Диана Арцруновна — аспирант, ассистент, кафедра социологии и управления персоналом, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** bagdasaryan.di@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 1116941; **ORCID ID:** 0000-0002-6433-2990.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

Принята к публикации: 30.04.2026

.....

Introduction of Artificial Intelligence into Organizational Practices: Trust, Legitimacy and Ethical Challenges (Based on Expert Interviews)

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.2

Diana A. Bagdasaryan *Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia*
E-mail: bagdasaryan.di@gmail.com

The article examines how professionals from diverse occupational contexts — banking, IT, academia, business analytics, and small entrepreneurship — construct trust in artificial intelligence (AI), interpret its institutional legitimacy, and articulate ethical boundaries of automation in organizational practices. The empirical basis includes six semi-structured expert interviews conducted in 2026, with a structured author-developed guide of eight thematic blocks; the qualitative material is contextualized by author’s survey data (n = 448, Saint Petersburg, 2024–2026) and by all-Russian polling data from VCIOM, Levada Center, and HSE. The research design is framed as an exploratory qualitative study with quantitative validation: interviews reconstruct experts’ meaning constructs, while the survey captures the prevalence of corresponding attitudes in a broader population. Transcripts were analyzed using thematic analysis in the Braun & Clarke tradition. Three profiles of expert attitudes toward AI are identified — operational, techno-critical, and entrepreneurially-adaptive; a stable normative position of “trust but verify” emerges across professional contexts; a regulatory gap is documented between strong public demand for state oversight of AI (80%) and very low awareness of existing legal norms (16%). The article contributes to the journal’s methodological debate on

qualitative approaches to studying AI and proposes the framework of “exploratory qualitative research with quantitative validation” as a practical alternative to strict mixed-methods designs in limited-sample research situations.

Keywords: artificial intelligence; expert interviews; organizational practices; trust in AI; institutional legitimacy of AI; ethics of AI use; thematic analysis; exploratory research

Author Bio:

Diana A. Bagdasaryan — Postgraduate Student, Assistant, Department of Sociology and Human Resource Management, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia. **E-mail:** bagdasaryan.di@gmail.com. **RSCI Author ID:** [1116941](#); **ORCID ID:** [0000-0002-6433-2990](#).

Received: 15.04.2026

Accepted: 30.04.2026

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.5
EDN: CJFVV

Критерии оценки синтетических респондентов в качественных исследованиях: границы применимости

Ссылка для цитирования:

Жуликов К. О. Критерии оценки синтетических респондентов в качественных исследованиях: границы применимости // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 2. С. 147–160. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.5> EDN: CJFVV

For citation:

Zhulikov K. O. (2026) Evaluation Criteria for Synthetic Respondents in Qualitative Research: Limits of Applicability. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 2. P. 147–160. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.5>

Жуликов Кирилл Олегович

Московский Государственный университет
им. Ломоносова,
Москва, Россия

E-mail: Kir.prog2002@gmail.com

Большие языковые модели (LLM) все чаще применяются для генерации синтетических респондентов — текстовых симуляций ответов информантов, которым задан определенный социально-демографический профиль. Для количественных синтетических данных уже разработаны подходы к оценке, основанные на сопоставлении статистических распределений с результатами массовых опросов. Для качественных данных устоявшиеся критерии отсутствуют. В литературе это описывается как временный пробел, который будет восполнен по мере развития инструментария, и как ограничение, связанное с более глубоким несоответствием между основаниями качественной методологии и природой синтетических данных. Статья содержит аналитический обзор подходов к оценке синтетических респондентов в трех исследовательских традициях: вычислительных социальных науках, обработке естественного языка и качественной методологии. Обзор публикаций 2022–2026 годов показал, что наиболее формализованные подходы (статистические сравнения распределений и автоматические текстовые метрики) измеряют свойства, второстепенные для качественной работы.

Подходы, сложившиеся внутри качественной традиции, затрагивают содержательно значимые свойства (контекстуальную специфичность, внутреннюю противоречивость, нарративное сопротивление), но зафиксированы на уровне наблюдений и не операционализированы. Сопоставление свойств качественных данных с существующими критериями выявляет неохваченные моменты, в том числе внутренние противоречия нарратива, речевые особенности и способность данных порождать нетривиальные интерпретации. На основе проведенного сопоставления очерчиваются те области, в которых применение синтетических респондентов в качественных исследованиях представляется оправданным, и те, в которых оно проблематично. Обсуждаются стандарты прозрачности для случаев их использования и обозначены перспективные направления исследований.

Ключевые слова: синтетические респонденты; синтетическая выборка; генеративный искусственный интеллект; большие языковые модели; качественные исследования; стандарты прозрачности; границы применимости LLM

Введение

Большие языковые модели (large language models, далее — LLM) все шире применяются в социальных науках не только для анализа, но и для генерации данных. Одна из таких практик состоит в создании *синтетических респондентов* — текстовых симуляций ответов, порождаемых моделями информантов с заранее заданным социально-демографическими профилями [Argyle, Busby, Fulda et al., 2023; Sarstedt, Adler, Rau et al., 2024]. Модель получает инструкцию принять характеристики конкретного человека и отвечать от его лица.

Масштаб этой практики быстро растет: систематический обзор 2026 года охватил 182 работы и зафиксировал расширение применения синтетических респондентов в психологии, политологии, маркетинге и UX-дизайне [Kuric, Demcak, Krajcovic et al., 2026]. Тема обсуждается и в программных статьях ведущих журналов [Grossmann, Feinberg, Parker et al., 2023; Bail, 2024], и в эмпирических сравнениях синтетических и реальных данных [Bisbee, Clinton, Dorff et al., 2024; Shrestha, Krpan, Koik et al., 2024].

Подавляющее большинство этих работ выполнено в логике количественной методологии. Исследователи сравнивают распределения ответов, воспроизводят экспериментальные эффекты, рассчитывают корреляции между синтетическими и реальными выборками. Качественная социология, работающая с интервью, нарративами и биографическими рассказами, остается на периферии дискуссии. Между тем отдельные авторы уже тестируют LLM в роли участников полуструктурированных интервью [Karania, Agnew, Eslami et al., 2025], а такие задачи, как пилотирование гайда, тренировка начинающих интервьюеров и генерация предварительных гипотез, активно обсуждаются [Bail, 2024].

В отечественной литературе тема начинает разрабатываться с 2024–2025 годов. Е. Г. Джибилова и Н. С. Побываев [Джибилова, Побываев, 2024]

анализируют российские и зарубежные примеры внедрения ИИ в социальную сферу и приходят к выводу, что кейсов использования в исследовательской практике пока немного, что актуализирует изучение возможностей и ограничений языковых моделей. К. А. Галкин, И. С. Петухова и О. А. Парфенова [Галкин, Петухова, Парфенова, 2025] рассматривают OpenAI как инструмент, дополняющий традиционные подходы к анализу качественных данных. Ближе всего к теме настоящего обзора стоит работа А. Г. Филиповой, Е. Е. Абросимовой и О. Г. Зубовой [Филипова, Абросимова, Зубова, 2025], посвященная методу синтетических фокус-групп, создаваемых с помощью LLM. Авторы анализируют возможности моделирования групповой дискуссии без участия реальных респондентов и фиксируют проблему предвзятости генерируемых ответов. Ж. В. Пузанова, Г. Г. Кожоридзе и Д. Г. Кожоридзе [Пузанова, Кожоридзе, Кожоридзе, 2025] предлагают развернутый обзор отечественных и зарубежных примеров использования виртуальных респондентов на основе LLM, включая эмпирическую проверку их возможностей. Работа выполнена в логике количественной методологии и сосредоточена на проблемах репрезентативности и симуляции опросов. М. И. Незговорова [Незговорова, 2026] предлагает типологию синтетических респондентов и описывает институционализацию метода в российской индустрии. При этом перечисленные работы выполнены преимущественно в количественной или прикладной логике, вопрос о критериях оценки синтетических данных в интерпретативной традиции остается за рамками обсуждения. Таким образом, русскоязычная литература по теме остается фрагментарной.

Для количественных данных уже существуют устоявшиеся процедуры оценки, включая сопоставление статистических распределений, регрессионный анализ и проверку воспроизводимости эффектов [Argyle, Busby, Fulda et al., 2023; Bisbee, Clinton, Dorff et al., 2024]. Для качественных данных устоявшейся рамки оценивания не сложилось, и существующие критерии остаются разрозненными, распределенными между несколькими исследовательскими традициями [Davidson, Karell, 2025]. Стандартные метрики обработки естественного языка (Perplexity, BLEU, BERTScore) не учитывают значимые для интерпретативной работы свойства — контекстуальную укорененность (contextual embeddedness), внутренние противоречия и нарративную плотность (narrative density) [Kapania, Agnew, Eslami et al., 2025; Schroeder, Aubin Le Quére, Randazzo et al., 2025]. Отсутствие критериев оценки синтетических респондентов в качественных исследованиях обычно описывается как временный пробел, который будет восполнен по мере развития инструментария [Bail, 2024; Davidson, Karell, 2025]. Однако эмпирические работы, в которых качественные исследователи взаимодействовали с LLM в роли респондентов, фиксируют не технические недочеты, а структурные ограничения метода, затрагивающие сами основы интерпретативного подхода [Kapania, Agnew, Eslami et al., 2025; Bisbee, Clinton, Dorff et al., 2024].

Цель статьи — систематизировать критерии оценки синтетических респондентов, описанные в литературе, и проанализировать их применимость к задачам качественного социологического исследования. Обзор выполнен

на материале публикаций 2022–2026 годов, выявленных в базах eLIBRARY.RU, Google Scholar, Scopus, ACM Digital Library, а также на платформах arXiv и SSRN. Выявленные критерии и метрики классифицированы по традиции происхождения, типу оцениваемого свойства и степени применимости к качественным данным. Традиции включают вычислительные социальные науки, обработку естественного языка и качественную методологию. Типы оцениваемых свойств разделены на статистические, лингвистические и содержательные.

Свойства качественных данных, значимые для аналитической работы

Прежде чем обращаться к существующим критериям оценки, следует зафиксировать, что именно делает качественные данные пригодными для интерпретативной работы. Свойства, рассматриваемые ниже, отобраны на основании двух корпусов литературы. Первый составляют классические и современные исследования по качественной методологии, формулирующие требования к данным: из обширного списка отобраны работы, в которых сформулированы критерии оценки качества данных [Lincoln, Guba, 1985] или охарактеризованы свойства, отличающие качественные данные от количественных [Geertz, 1973; Braun, Clarke, 2019; Семенова, 1998; Рождественская, 2012]. Данный обзор работ фиксирует базовый набор требований, на соответствие которым проверяются синтетические данные. Второй корпус литературы составляют публикации, непосредственно обращающиеся к синтетическим респондентам и фиксирующие, какие свойства реальных данных LLM не воспроизводят [Kapania, Agnew, Eslami et al., 2025; Schroeder, Aubin Le Quéré, Randazzo et al., 2025; Kuric, Demcak, Krajcovic et al., 2026]. В обзор включены те свойства, которые упоминаются в обоих корпусах, что позволяет сосредоточиться на характеристиках, значимых одновременно для качественной методологии и для проблематики синтетических данных.

В классической работе по качественной методологии [Lincoln, Guba, 1985] сформулированы четыре критерия качества. Это достоверность (*credibility*), переносимость (*transferability*), зависимость (*dependability*) и подтверждаемость (*confirmability*). В отечественной литературе близкую проблематику разрабатывает В. В. Семенова [Семенова, 1998], подчеркивая, что качественное исследование строится на принципе теоретической выборки и предполагает максимальную вариацию случаев, а не статистическую репрезентативность. Все эти критерии предполагают наличие реального субъекта, к которому можно обратиться повторно. Достоверность проверяется обращением к самим участникам, а синтетический респондент такой возможности не предоставляет.

Содержательные характеристики данных раскрывает понятие насыщенного описания (*thick description*) [Geertz, 1973], указывающее на значимость социального, культурного и ситуативного контекста. Именно детали, укорененные в конкретном месте и времени, отличают качественные данные

от абстрактных обобщений. Е. Ю. Рождественская [Рождественская, 2012] развивает эту линию применительно к биографическому методу, показывая, что нарративное интервью порождает данные, в которых контекст неотделим от содержания высказывания. Качественное интервью не сводится к «сырью», а возникает во взаимодействии, где исследователь задает уточняющие вопросы, реагирует на паузы и считывает невербальные сигналы [Braun, Clarke, 2019]. Синтетический респондент лишен этой интерактивности и реагирует только на текст промпта.

Другой значимой характеристикой выступает нарративная связность (narrative coherence), предполагающая наличие внутренней логики рассказа, включая разрывы и незавершенные мысли [Riessman, 2008; Рождественская, 2020]. С нарративной связностью тесно связаны внутренние противоречия информанта, то есть сомнения, колебания и смена позиции, которые рассматриваются как один из наиболее ценных ресурсов анализа [Kvale, Brinkmann, 2009]. Эти противоречия проявляются не только в содержании высказывания, но и в его форме. Речевые особенности, такие как паузы, оговорки и самокоррекция, фиксируются при транскрибировании и активно используются в конверсационном анализе. Еще одно свойство, значимое для интерпретативной работы, связано со способностью данных порождать нетривиальные интерпретации, обозначаемые через понятие серендипности (serendipity), то есть открытия, которого исследователь не ожидал [Fine, Deegan, 1996]. Каждое из этих свойств укоренено в реальном опыте информанта, что ставит вопрос о принципиальной способности LLM их воспроизвести.

Перечисленные свойства задают ту рамку, в которой можно оценить синтетические тексты. Систематический обзор 2026 года отмечает, что тексты, сгенерированные LLM, отличаются избыточной структурированностью, грамматической правильностью и лексическим разнообразием [Kuric, Demcak, Krajcovic et al., 2026]. Реальные респонденты, напротив, порождают больше «ошибок», в том числе оговорок, незавершенных предложений и отступлений. Эти «ошибки» служат свидетельством когнитивных процессов, а не дефектом данных [Kvale, Brinkmann, 2009].

Подходы к оценке синтетических данных

Вычислительные социальные науки

Наиболее систематизированная рамка оценки, обозначенная как алгоритмическая точность (algorithmic fidelity), предложена в 2023 году [Argyle, Busby, Fulda et al., 2023]. Она включает четыре стандарта: неотличимость сгенерированных ответов от реальных при слепой экспертной оценке (social science Turing test), воспроизводство известных закономерностей (backward continuity), предсказание новых закономерностей (forward continuity) и совпадение структурных паттернов между выборками (pattern correspondence). Эта рамка разработана для опросных данных и операционализована через сопоставление распределений ответов шкального типа.

Эмпирическая проверка алгоритмической точности [Bisbee, Clinton, Dorff et al., 2024] проводилась на материале Американского национального электорального исследования (ANES). GPT-3.5 Turbo получал промпты с характеристиками реальных респондентов ANES и отвечал на вопросы шкалы «термометра чувств» (feeling thermometer). Из рассчитанных на синтетических данных регрессионных коэффициентов 48% статистически значимо отличались от полученных на реальных данных. У 32% расхождений менялся знак эффекта: синтетические данные указывали на связь, обратную реальной. Отдельную проблему составляла нестабильность во времени — распределения ответов на один и тот же промпт в апреле и июле 2023 года изменились из-за обновления модели.

Проблематика оценки расширяется в направлении межкультурных сравнений [Shrestha, Krapan, Koai et al., 2024]. Авторы тестируют синтетических респондентов, сконструированных с учетом демографических характеристик и личностных черт, на материале трех стран — Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и США. Корреляции между агрегированными синтетическими и реальными ответами оказываются в целом достаточно высокими, однако воспроизводство паттернов для не-западных (non-WEIRD) стран менее точно. Это наблюдение фиксирует измерение оценки, отсутствующее в упомянутой рамке [Argyle, Busby, Fulda et al., 2023], а именно чувствительность синтетических данных к культурному контексту. Для качественных исследований, часто работающих с локальными, культурно-специфичными контекстами, этот результат имеет прямое значение. Кросс-модельные сравнения GPT-4o, Claude 3.5 Sonnet и DeepSeek V3 дополнительно фиксируют значимые расхождения на одном и том же наборе промптов, что указывает на зависимость результатов от архитектуры и версии модели [Kuric, Demcak, Krajcovic et al., 2026].

Все эти подходы ориентированы на сопоставление агрегированных показателей. Они отвечают на вопрос о том, насколько синтетическая выборка похожа на реальную по совокупности ответов. Применительно к качественному исследованию, где единицей анализа выступает отдельный нарратив, а не совокупность ответов, этих критериев недостаточно.

Обработка естественного языка и оценка ИИ-систем

Вторая группа подходов сформировалась в области обработки естественного языка и ориентирована на свойства текста как лингвистического объекта. Perplexity (мера предсказуемости текста), BLEU и BERTScore (метрики сходства с эталонным текстом) и показатели когерентности (coherence scores) измеряют грамматическую правильность, связность и лексическое разнообразие генерируемого текста. Систематический обзор 2026 года [Kuric, Demcak, Krajcovic et al., 2026] отмечает, что эти метрики применяются преимущественно в работах технической направленности, а в социальных научных исследованиях встречаются реже.

Другой подход опирается на экспертное различие. Эксперту предъявляется перемешанный массив реальных и сгенерированных текстов,

задача — определить происхождения каждого из них [Argyle, Busby, Fulda et al., 2023]. В коммерческом секторе этот принцип развивают платформы, предлагающие генерацию синтетических участников как услугу и заявляющие о совпадении результатов с реальными интервью на уровне 85–92% [Kuric, Demcak, Krajcovic et al., 2026]. Методология расчета этого показателя, однако, не раскрывается, и остается неясным, по каким именно параметрам измеряется совпадение — по тематическому составу, глубине ответов, эмоциональной насыщенности или другим показателям.

Попытка автоматизировать экспертную оценку реализуется в подходе, при котором одна языковая модель оценивает выход другой. Этот подход, впрочем, сопряжен с рядом систематических ограничений: модели склонны выше оценивать тексты того же разработчика, завышать оценки объемных ответов и зависеть от формулировки инструкции [Zheng et al., 2023].

Отдельное направление связано с оценкой психологического портрета, демонстрируемого LLM при ответах на психометрические инструменты (шкалы Big Five, тесты моральных дилемм). Результаты ряда исследований показывают устойчивый сдвиг моделей к просоциальным ответам и сниженную выраженность негативных эмоций [Kuric, Demcak, Krajcovic et al., 2026]. При репликации исследований различные запуски модели давали ответы с нулевой или почти нулевой вариацией, воспроизводя единственный «правильный» ответ, устойчивый к изменению демографических характеристик персоны [Park, Schoenegger, Zhu et al., 2024]. Реальные люди многомерны и внутренне противоречивы, модели же порождают профили с нереалистично высокой согласованностью черт, не встречающейся у реальных людей.

Качественная методология

В исследовании, представленном на конференции CHI [Karania, Agnew, Eslami et al., 2025], 19 опытных качественных исследователей взаимодействовали с LLM в роли респондента через специально разработанный интерфейс. Исследователи задавали модели вопросы по заранее определенным темам, среди которых были доступность рабочей среды для сотрудников с особенностями развития и опыт миграции, а затем рефлексировали над полученным опытом.

Исследователи отмечали выраженную чувствительность модели к формулировке промпта. Замена одного слова в системной инструкции радикально меняла тональность ответов, сдвигая их от негативной к позитивной. В реальном интервью информант может скорректировать свою позицию под влиянием хода беседы, но его базовый опыт при этом остается неизменным. Модель же перестраивает ответ целиком, как если бы за разными промптами стояли разные люди.

Другое наблюдение касается отсутствия нарративного сопротивления (narrative resistance). Реальный информант может отказаться отвечать, уйти от темы, продемонстрировать дискомфорт. Для исследователя, работающего в интерпретативной традиции, такие отказы и уходы от темы не помеха, а аналитический ресурс, указывающий на болезненные или табуированные зоны

опыта. Модель же всегда готова отвечать и не выходит за пределы заданной темы. Отдельную проблему составляет непрозрачность обучающих данных. Невозможно проверить, в каком объеме голоса изучаемой группы представлены в обучающем корпусе модели. Если задача исследования состоит в том, чтобы понять опыт конкретного сообщества, валидность синтетических ответов зависит от состава корпуса, который, как правило, не раскрывается разработчиками.

Мгновенное производство данных в неограниченном количестве несет и более общий риск — утрату самого усилия вслушивания, которое в качественной традиции считается условием аналитической работы [Schroeder, Aubin Le Quéré, Randazzo et al., 2025]. Этот риск проявляется не только при генерации синтетических респондентов, но и при ИИ-ассистированном анализе реальных данных [Галкин, Петухова, Парфенова, 2025]. Общая картина применения LLM в качественных исследованиях остается фрагментарной. Систематическое картирование [Barros, Azevedo, Graciano Neto et al., 2025], охватившее 21 исследование, показало, что авторы каждого из них используют собственные критерии для сравнения результатов LLM с результатами традиционного анализа, и единой рамки оценивания не выявлено.

Свойства качественных данных, охваченные существующими критериями оценки

Сопоставление свойств, описанных в разделе «Свойства качественных данных, значимые для аналитической работы», с подходами к оценке, рассмотренными в разделе «Подходы к оценке синтетических данных», позволяет зафиксировать охваченные и неохваченные области.

Нарративная связность частично затрагивается средствами обработки естественного языка через метрики когерентности, а в качественной традиции фиксируется на уровне наблюдений исследователей; вычислительные социальные подходы это свойство не учитывают. Разнообразие голосов частично улавливается вычислительными социальными подходами при анализе подгрупп и средствами NLP через показатели лексического разнообразия, однако в качественной традиции оно не формализовано. В обоих случаях формализованные метрики фиксируют лишь отдельные проявления этих свойств. Внутренние противоречия и контекстуальная специфичность (*contextual specificity*) зафиксированы в качественных исследованиях на уровне наблюдений, но не операционализированы и не охвачены ни вычислительными, ни лингвистическими подходами. Речевые особенности и способность данных порождать нетривиальные интерпретации не охвачены ни одним из рассмотренных подходов, последнее свойство обсуждается в качественной традиции лишь концептуально.

Характер обнаруженных проблем иллюстрируют два примера из систематического обзора [Kuric, Demcak, Krajcovic et al., 2026]. Когда синтетическим участникам предложили назвать художественную видеоигру, подавляющее большинство выбрало одну и ту же игру, воспроизводя наиболее очевидный

ответ вместо индивидуального. Этот эффект фиксирует дефицит контекстуальной специфичности, не улавливаемый ни одной из рассмотренных метрик. Другой пример связан с нарративной связностью: ответы моделей в повторных тестах напоминали ответы одного и того же человека, а не разных респондентов. Метрики связности фиксируют внутреннюю согласованность текста, но не способны обнаружить проблему избыточной однородности, при которой все синтетические нарративы оказываются слишком последовательными по сравнению с реальными интервью, содержащими разрывы, возвраты и незавершенные мысли.

Эти примеры указывают на разрыв между формализованными метриками, не затрагивающими свойства, значимые для качественного исследования, и наблюдениями исследователей, которые затрагивают эти свойства, но не переведены в воспроизводимые процедуры. Формализация критериев качества при этом сама по себе остается предметом дискуссии, поскольку интерпретативная работа не сводима к процедуре, а рефлексивное суждение исследователя нельзя заменить стандартизированным перечнем. Отсутствие рамки оценивания, впрочем, оставляет исследователей без инструмента различения между ситуациями, в которых синтетические данные полезны, и ситуациями, в которых они проблематичны.

Эта проблема приобретает особую остроту в свете того, что языковые модели порождают правдоподобный текст без понимания содержания [Bender et al., 2021]. Синтетический нарратив может быть структурно корректен, стилистически убедителен и тематически уместен, но при этом не отсылать ни к какому реальному опыту. В количественном исследовании это менее критично, поскольку статистические закономерности устойчивы к отсутствию субъекта за данными. Качественное исследование работает с единичным и ситуативным, и отсутствие укорененности в реальном опыте затрагивает основу аналитической работы.

Наряду с академическими подходами своя система оценки складывается и в коммерческом секторе исследований. На зарубежном рынке за последние несколько лет сложился развитый ландшафт платформ, предлагающих синтетических респондентов как услугу [Sarstedt, Adler, Rau et al., 2024]. В 2025 году ESOMAR совместно с Международной торговой палатой выпустили обновленную редакцию ICC/ESOMAR International Code, где отдельно закреплены требования к использованию искусственного интеллекта, синтетических данных и синтетических персон: прозрачность, раскрытие роли ИИ, указание степени человеческого надзора и предоставление информации, необходимой для оценки валидности результатов¹. В российском контексте институционализация метода происходит преимущественно в продуктовых и UX-исследованиях, а также в количественной инфраструктуре опросных панелей [Незговорова, 2026]. Критериями оценки здесь выступают показатели, релевантные рынку: скорость генерации, тематический охват, согласованность распределений с реальными ответами, сохранение корреляций.

¹ ICC/ESOMAR International Code on Market, Opinion and Social Research and Data Analytics. 5-е изд. 2025. URL: <https://standards.esomar.org/assets/documents/icc-esomar-code-2025.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).

Заключение

Подходы к оценке синтетических данных сложились в трех исследовательских традициях и не образуют единой рамки. Наиболее формализованные подходы (статистические сравнения и текстовые метрики) измеряют свойства, второстепенные для качественной методологии. Подходы из качественной традиции затрагивают значимые свойства, но зафиксированы на уровне наблюдений и не операционализированы. Внутренние противоречия нарратива, речевые особенности и способность данных порождать нетривиальные интерпретации не охвачены ни одним из рассмотренных критериев оценки.

Языковые модели комбинируют и переосмысляют уже встроенные в обучающие данные паттерны. Они малопригодны для выявления непредусмотренных исследователем смыслов — контринтуитивных свидетельств, неожиданных смысловых поворотов, эпизодов серендипности, ради которых во многом и проводится фундаментальное качественное исследование [Bisbee, Clinton, Dorff et al., 2024]. Таким образом, использование синтетических респондентов представляется обоснованным на подготовительных этапах работы, то есть в задачах, где требуется реконструкция уже известного, а не открытие нового. Это также объясняет, почему синтетические респонденты находят применение в маркетинговых и UX-исследованиях, где задачей является реконструкция уже известного распределения мнений или потребительских предпочтений. Проблематичными выглядят области, в которых синтетический респондент претендует на замещение реального голоса: исследования маргинализированных сообществ, биографические нарративы, чувствительные темы [Karania, Agnew, Eslami et al., 2025].

Стоит зафиксировать сопутствующее следствие: поскольку синтетических респондентов можно генерировать в неограниченном количестве и вслушивание в интонации каждого из них теряет смысл, качественное исследование с синтетическими респондентами органически тяготеет к количественному формату. Развернутые ответы большого массива синтетических респондентов могут обрабатываться как массив данных, и вместо качественного исследования возникает гибридный формат: массовый анализ, построенный не на анкете, а на гайде интервью. Таким образом, само слово «качественный» в контексте синтетических респондентов описывает форму вопроса, а не логику исследования. Данный подход может быть продуктивным, но нуждается в собственном языке описания, не заимствованном у интерпретативной традиции.

Перспективными направлениями выглядят разработка критериев оценки, специфичных для качественных данных, эмпирические сравнения реальных и синтетических интервью с использованием слепого кодирования (blind coding), а также выработка стандартов прозрачности при публикации результатов, полученных с привлечением LLM [Davidson, Karell, 2025]. Указание модели, промпта, параметров генерации и процедуры оценки качества могло бы стать минимальным стандартом, обеспечивающим воспроизводимость и этическую прозрачность. Формализация критериев качества для качественных данных сопряжена с эпистемологическими трудностями, и исследователи, вероятно,

столкнутся с необходимостью балансировать между воспроизводимостью и содержательной адекватностью.

В качестве предварительного шага к операционализации можно обозначить одно из неохваченных свойств — внутренние противоречия нарратива, то есть эпизоды колебаний, смены позиции и самоопровержений информанта. Возможный подход состоит в слепом кодировании перемешанного массива реальных и синтетических интервью независимыми кодировщиками, которые фиксируют эпизоды смены позиции, колебаний, самоопровержений и эмоциональной неоднозначности. Сравнение частоты и характера таких эпизодов между реальными и синтетическими текстами позволило бы эмпирически проверить наблюдение о склонности LLM к разрешению противоречий [Karania, Agnew, Eslami et al., 2025]. Подобный дизайн не требует разработки новой метрики, а опирается на существующие процедуры качественного кодирования, что делает его совместимым с эпистемологическими установками интерпретативной традиции. Сам вопрос о том, как оценивать качество синтетических данных в качественном исследовании, выходит за границы техники. Он затрагивает основания дисциплины и требует определения границы между данными и симуляцией, между инструментом и фальсификацией.

Литература / References

Галкин К. А., Петухова И. С., Парфенова О. А. OPEN AI как помощник при анализе интервью // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 105–116. DOI: <https://doi.org/10.7868/S3034601025040095>

Galkin K. A., Petukhova I. S., Parfenova O. A. (2025) OPEN AI as an Assistant in Interview Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4. P. 105–116. DOI: <https://doi.org/10.7868/S3034601025040095> (In Russ.)

Джибилова Е. Г., Побываев Н. С. Анализ российского и зарубежного опыта применения ChatGPT и искусственного интеллекта в политике и социальной сфере // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 64–69. EDN: WULNST

Dzhibilova E. G., Pobываev N. S. (2024) Analysis of Russian and Foreign Experience of Using ChatGPT and Artificial Intelligence in Politics and the Social Sphere. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 1. P. 64–69. (In Russ.)

Незговорова М. И. Границы понимания синтетических респондентов: новый контур производства знаний, методологические риски и стандарты проверки данных // Социально-политические науки. 2026. Т. 16. № 1. С. 179–186. DOI: <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2026-16-1-179-186> EDN: LRYLSI

Nezgovorova M. I. (2026) Boundaries of Understanding for Synthetic Respondents: A New Knowledge-Production Framework, Methodological Risks, and Data Validation Standards. *Sotsialno-politicheskie nauki* [Sociopolitical Sciences]. Vol. 16. No. 1. P. 179–186. DOI: <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2026-16-1-179-186> (In Russ.)

Пузанова Ж. В., Кожоридзе Г. Г., Кожоридзе Д. Г. ИИ и социология: анализ технологических возможностей виртуальных респондентов // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2025. № 60. С. 216–246. DOI: <https://doi.org/10.19181/4m.2025.34.1.6> EDN: PRPHTP

Puzanova Zh. V., Kozhoridze G. G., Kozhoridze D. G. (2025) AI and Sociology: Analysis of Technological Capabilities of Virtual Respondents. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe*

modelirovanie (Sotsiologiya:4M) [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology:4M)]. No. 60. P. 216–246. DOI: <https://doi.org/10.19181/4m.2025.34.1.6> (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Biographical Method in Sociology]. Moscow: Izd. Dom VShE. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

Rozhdestvenskaya E. Yu. INTER-Encyclopedia: Narrative Interview. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. 2020. Vol. 12. No. 4. P. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8> (In Russ.)

Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

Semenova V.V. (1998) *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative Methods: Introduction to Humanistic Sociology]. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)

Филипова А. Г., Абросимова Е. Е., Зубова О. Г. Метод синтетических фокус-групп в контексте цифровой трансформации социологического исследования // Социодинамика. 2025. № 5. С. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2025.5.74430> EDN: EUMCKL

Filipova A. G., Abrosimova E. E., Zubova O. G. (2025) The Method of Synthetic Focus Groups in the Context of Digital Transformation of Sociological Research. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 5. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2025.5.74430> (In Russ.)

Argyle L.P., Busby E.C., Fulda N., Gubler J.R., Rytting C., Wingate D. (2023) Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples. *Political Analysis*. Vol. 31. No. 3. P. 337–351. DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2023.2>

Bail C. A. (2024) Can Generative AI Improve Social Science? *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 121. No. 21. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2314021121>

Barros C.F., Azevedo B.B., Graciano Neto V.V., Kassab M., Kalinowski M., do Nascimento H.A.D., Bandeira M.C.G.S.P. (2025) Large Language Model for Qualitative Research — A Systematic Mapping Study. *arXiv*. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2411.14473>

Bender E.M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. (2021) On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? *FAccT'21: Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. P. 610–623. DOI: <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922>

Bisbee J., Clinton J.D., Dorff C., Kenkel B., Larson J.M. (2024) Synthetic Replacements for Human Survey Data? The Perils of Large Language Models. *Political Analysis*. Vol. 32. No. 4. P. 401–416. DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2024.5>

Braun V., Clarke V. (2019) Reflecting on Reflexive Thematic Analysis. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*. Vol. 11. No. 4. P. 589–597. DOI: <https://doi.org/10.1080/2159676X.2019.1628806>

Davidson T., Karell D. (2025) Integrating Generative Artificial Intelligence into Social Science Research: Measurement, Prompting, and Simulation. *Sociological Methods & Research*. Vol. 54. No. 3. P. 775–793. DOI: <https://doi.org/10.1177/00491241251339184>

Fine G.A., Deegan J.G. (1996) Three Principles of Serendip: Insight, Chance, and Discovery in Qualitative Research. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. Vol. 9. No. 4. P. 434–447. DOI: <https://doi.org/10.1080/0951839960090405>

Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.

Grossmann I., Feinberg M., Parker D.C., Christakis N.A., Tetlock P.E., Cunningham W.A. (2023) AI and the Transformation of Social Science Research. *Science*. Vol. 380. No. 6650. P. 1108–1109. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.adi1778>

Kapania S., Agnew W., Eslami M., Heidari H., Fox S.E. (2025) Simulacrum of Stories: Examining Large Language Models as Qualitative Research Participants. *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York: ACM. DOI: <https://doi.org/10.1145/3706598.3713220>

Kuric E., Demcak P., Krajcovic M. (2026) Synthetic Participants Generated by Large Language Models. *A Systematic Literature Review*. DOI: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-9057643/v1>

Kvale S., Brinkmann S. (2009) *InterViews: Learning the Craft of Qualitative Research Interviewing*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage.

Lincoln Y.S., Guba E.G. (1985) *Naturalistic Inquiry*. Newbury Park: Sage.

Park P.S., Schoenegger P., Zhu C. (2024) Diminished Diversity-of-Thought in a Standard Large Language Model. *Behavior Research Methods*. Vol. 56. No. 6. P. 5754–5770. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-023-02307-x>

Riessman C.K. (2008) *Narrative Methods for the Human Sciences*. Thousand Oaks: Sage.

Sarstedt M., Adler S.J., Rau L., Schmitt B. (2024) Using Large Language Models to Generate Silicon Samples in Consumer and Marketing Research: Challenges, Opportunities, and Guidelines. *Psychology & Marketing*. Vol. 41. P. 1254–1270. DOI: <https://doi.org/10.1002/mar.21982>

Schroeder H., Aubin Le Quéré M., Randazzo C., Mimno D., Schoenebeck S. (2025) Large Language Models in Qualitative Research: Uses, Tensions, and Intentions. *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. DOI: <https://doi.org/10.1145/3706598.3713120>

Shrestha P., Krpan D., Koaik F., Schnider R., Sayess D., Binbaz M.S. (2024) Beyond WEIRD: Can Synthetic Survey Participants Substitute for Humans in Global Policy Research? *Behavioral Science & Policy*. Vol. 10. No. 2. P. 26–45. DOI: <https://doi.org/10.1177/23794607241311793>

Zheng L., Chiang W.-L., Sheng Y., Zhuang S., Wu Z., Zhuang Y., Lin Z., Li D., Xing E.P., Zhang H., Gonzalez J.E., Stoica I. (2023) Judging LLM-as-a-Judge with MT-Bench and Chatbot Arena. *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 36. P. 46595–46623. DOI: <https://doi.org/10.5555/3666122.3668142>

Сведения об авторе:

Жуликов Кирилл Олегович — магистрант, кафедра экономической социологии и менеджмента социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
E-mail: Kir.prog2002@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

Принята к публикации: 30.04.2026

.....
**Evaluation Criteria for Synthetic Respondents
in Qualitative Research: Limits of Applicability**

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.5

Kirill O. Zhulikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: Kir.prog2002@gmail.com

Abstract

Large language models (LLMs) are increasingly used to generate synthetic respondents — textual simulations of informants’ responses based on a specified socio-demographic profile. For quantitative synthetic data, evaluation approaches have already been developed that rely on comparing statistical distributions with the results of large-scale surveys. For qualitative

data, however, established criteria are lacking. In the literature, this absence is described both as a temporary gap that will be filled as methodological tools develop and as a limitation stemming from a deeper mismatch between the foundations of qualitative methodology and the nature of synthetic data. This article provides an analytical review of approaches to evaluating synthetic respondents across three research traditions: computational social science, natural language processing, and qualitative methodology. A review of publications from 2022 to 2026 shows that the most formalized approaches — statistical comparisons of distributions and automated text metrics — measure properties that are secondary to qualitative research. Approaches developed within the qualitative tradition address substantively important properties, such as contextual specificity, internal contradictions, and narrative resistance, but remain at the level of observations and have not been operationalized. Comparing the properties of qualitative data with existing evaluation criteria reveals areas that remain insufficiently covered, including internal contradictions within narratives, speech features, and the capacity of data to generate non-trivial interpretations. On this basis, the article outlines areas in which the use of synthetic respondents in qualitative research appears justified, as well as areas in which it remains problematic. Minimal transparency standards for cases of their use are also discussed.

Keywords: synthetic respondents; synthetic sample; generative artificial intelligence; large language models; qualitative research; transparency standards; limits of applicability of LLM

Author Bio:

Kirill O. Zhulikov — MA student, Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. **E-mail:** Kir.prog2002@gmail.com.

Received: 15.04.2026

Accepted: 30.04.2026

DOI: 10.19181/inter.2026.18.2.3
EDN: NCZXKA

Искусственный интеллект и видеоанализ в качественной социологии: обзор новейших исследований¹

Ссылка для цитирования:

Банковская С. П., Идоленко В. В. Искусственный интеллект и видеоанализ в качественной социологии: обзор новейших исследований // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 2. С. 161–179. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.3> EDN: NCZXKA

For citation:

Bankovskaya S. P., Idolenko V. V. (2026) Artificial Intelligence and Video Analysis in Qualitative Sociology: Recent Research Review. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 2. P. 161–179. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.3>

Банковская Светлана Петровна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; ПСТГУ,
Москва, Россия

E-mail: sbankovskaya@gmail.com

Идоленко Виктория Викторовна

ПСТГУ,
Москва, Россия

E-mail: victoriaidolenko@gmail.com

В статье предложен обзор новейших публикаций, в которых рассматриваются проблемы интегрирования искусственного интеллекта (ИИ) как инструмента в качественные социологические исследования. Особое внимание уделено мультимодальным качественным исследованиям, использующим видеоданные и применяющим видеоанализ как основу методологического дизайна. Обзор более 70 публикаций позволил говорить об особенностях включения ИИ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Община и литургия: пространство православного храма в коммуникативных практиках прихожан» при поддержке Фонда развития ПСТГУ и Фонда «Живая традиция» (2025–2026 гг.).

в исследовательский процесс и сопутствующих преимуществах и проблемах, среди которых: эпистемологические и этические вопросы, изменение самой природы данных и процедур их сбора и обработки, взаимодействие ИИ и исследователей на разных этапах исследования, применение мультимодальных больших языковых моделей (MLLM) в видеоисследованиях и др.

Ключевые слова: качественные исследования в социологии; искусственный интеллект; видеоисследования; мультимодальные большие языковые модели (MLLM); экосистемы специализированных инструментов и датасеты; автоматизированный видеоанализ и компьютерное зрение

Введение

В настоящее время ИИ и большие языковые модели (large language models — LLM) уже глубоко интегрированы в практику социологических исследований, в том числе и использующих качественные методы [Davidson, 2024; Kulkarni, Cameron, Gehman et al., 2024; Müller, Kempton, Mønsted, 2024; Dellafiore, Sabo, Collaro et al., 2025; Nicmanis, Spurrier, 2025; Cook, Ginsburg, Sawatsky et al., 2025; Çelik, 2025; Duke, 2025; Guo, Fang, 2025; Jowsey, Braun, Clarke et al., 2025; Paulus, Marone, 2025; Pink, 2025; Retkowski, Sudmann, Waibel, 2025; Wachinger, Bärnighausen, Schäfer et al., 2025; Franken, Vepřek, 2026; Marciniak, 2026; Paulus, Lester, Davis, 2026; Witte, Bayer, Weber, 2026]. Можно сказать, что внедрение ИИ в эмпирическую социологию стало поворотным моментом в ее развитии, сопоставимым по значимости с доступностью интернета для сбора данных и их компьютерной обработкой. А незадолго до этого момента в исследовательской практике был отмечен еще один существенный методологический поворот — визуальный, связанный с использованием видеоданных и видеоанализа. Наложение/пересечение этих двух событий может иметь эвристические следствия для качественной социологии. Качественная методология, укорененная в интерпретативистской парадигме, работает преимущественно с текстами/смыслами (или с изображениями и видео, переводимыми в тексты), что предполагает высокий уровень индексичности данных и включение широкого культурного контекста в их анализ, ограниченный человеческими, временными и когнитивными ресурсами. Увеличение объема и возрастание сложности данных (в первую очередь, мультимодальных видеоданных) открывает путь к внедрению активного взаимодействия между человеком и машиной (ИИ) в процесс интерпретации, где ИИ используется как инструмент и сбора, и анализа данных [Ворошилова, 2025; Смирнов, 2025; Roberts, Baker, Andrew, 2024; Wachinger, Bärnighausen, Schäfer et al., 2024; Abramson, Prendergast, Li et al., 2025; Akpan, Kobara, Owolabi et al., 2025; Cabanillas-García, Sánchez-Gómez, del Brío-Alonso, 2025; Retkowski, Sudmann, Waibel et al., 2025; Artz, 2026].

Какие возможности и какие фундаментальные вызовы влечет за собой такое взаимодействие?

За последние несколько лет произошла определенная эволюция применения ИИ в качественных исследованиях: спорадические / новаторские / поисковые эксперименты с использованием ИИ для сбора/анализа текстовой информации сменяются систематическим (даже рутинным) включением ИИ в исследовательскую практику, что ведет к формированию полноценного специализированного научного направления в эмпирической социологии. Все чаще в публикациях предметом обсуждения становятся обобщенные стандартизированные воспроизводимые методы качественного анализа с помощью ИИ [Савинская, 2025; Хуснутдинова, Баранова, Зубова, 2025].

При первом приближении уже сейчас можно выделить несколько областей в исследовательской практике качественной социологии, каждая из которых имеет свою логику развития взаимодействия с ИИ и свою специфическую проблематику, вытекающую из этого взаимодействия:

- прежде (и чаще) всего, ИИ применяется как инструмент библиографического поиска, отбора релевантных источников в исследовательских целях [Bolaños, Salatino, Osborne et al., 2024; Ejjami, 2024; Mozelius, Humble, 2024; Törnberg, 2024; Cappello, Madireddy, Underwood et al., 2025; Costa, Burneo, Kasperuniene, 2025; Malik, Terzidis, 2025; Susnjak, Hwang, Reyes et al., 2025; Tosi, 2025];
- ИИ (и взаимодействие с ИИ) выступает также и как объект исследования, в качественном варианте — как объект (авто)этнографии [Seta, Pohjonen, Knuutila, 2024; Messeri, Crockett, 2024; Krapp, Neuhaus, Hassenzahl et al., 2024; Tsvetkova, Yasserli, Pescetelli et al., 2025; Wang, 2025; Jarrahi, 2025; Gao, Lee, Burtch et al., 2025; Artz, 2026];
- особую проблематику для качественных исследований составляют этические вопросы, связанные с применением ИИ² [Пчегатлук, Косивченко, 2024; Хуснутдинова, Баранова, Зубова, 2025; Davison, Chughtai, Nielsen et al., 2024; Cardoso Sampaio, Souza, 2024; Marshall, Naff, 2024; Jowsey, Braun, Clarke et al., 2025; Latinović, Krčadinac, Stanković et al., 2025; Cabanillas-García, Sánchez-Gómez, del Brío-Alonso, 2025].

Главное преимущество внедрения ИИ — значительное повышение эффективности анализа, позволяющее обрабатывать большие массивы текстовой информации в сжатые сроки, быстро генерировать тематические обобщения, выявлять скрытые закономерности и минимизировать ошибки, связанные с человеческой усталостью при ручном кодировании [Хуснутдинова, Баранова, Зубова, 2025; Галкин, Петухова, Парфенова, 2025; Perkins, Roe, 2024; Grigoryan, 2025; Artz, 2026]. Кроме того, ИИ существенно ускоряет (и удешевляет) процесс сбора данных (конструируя синтетических (гибридных) респондентов и адаптированных интервьюеров) [Ворошилова, 2025; Филипова, Абросимова, Зубова, 2025; Савинская, 2025; Shin, Hedderich, Rey et al., 2024; Eryaman, 2025; Gu, Chandrasegaran, Lloyd, 2025; Kapania, Agnew, Eslami et al., 2024], а большие языковые модели (LLM) демонстрируют впечатляющие возможности

² Важно отметить, что практически все упомянутые в нашем обзоре публикации в той или иной степени проблематизируют использование ИИ-инструментов на всех этапах качественного исследования и рассматривают этические последствия их применения.

в анализе текста — от базовой тематической кластеризации до генерации кодификационных книг.

Наконец, ИИ становится все более незаменимым в сборе и анализе визуальной информации, особенно в мультимодальном анализе видеоданных.

Количество публикаций, связанных с применением ИИ в качественных исследованиях, увеличивается лавинообразно, поэтому приведенный выше перечень областей исследования с использованием ИИ не может быть исчерпывающим, но даже этот набор публикаций рассмотреть более или менее содержательно в одном обзоре не представляется возможным. Поэтому мы ограничимся представлением публикаций, отсылающих к качественным исследованиям в социологии (и к междисциплинарным социальным исследованиям), проведенным с использованием видеоданных и мультимодального видеоанализа.

Методология отбора публикаций для обзора

Формирование корпуса источников для данного обзора осуществлялось в несколько этапов. Был применен метод «воронки» с опорой на поисковые алгоритмы, большие языковые модели (LLM, а также специализированные приложения на их основе. Исходной точкой послужил целенаправленный запрос в Google Scholar по ключевым словам на английском языке³, релевантным вопросу применения искусственного интеллекта в качественной социологии и видеоанализе с фильтром по временному диапазону — 2024–2026 гг. Указанное ограничение связано с экспоненциальным ростом публикаций, посвященных проблематике использования ИИ и LLM в исследовательской практике социальных наук, а также с ограниченными временными ресурсами.

Первичный набор публикаций был проверен на предмет тематического соответствия при помощи следующих ИИ-инструментов: приложения Perplexity и языковых моделей ChatGPT-5.4⁴ и DeepSeek⁵. Стартовый пул источников был сформирован вышеупомянутыми инструментами для уменьшения возможных смещений при субъективном подборе ключевых слов для поисковых запросов. На следующем этапе отбор статей проводился в ручном режиме, особое внимание уделялось наиболее свежим систематическим обзорам на исследуемую тему⁶: наиболее близкие тематике работы вносились в сводную таблицу. Последующее и достаточно значимое расширение корпуса обеспечил еще один ИИ-инструмент — ResearchRabbit⁷, позволяющий работать с сетями цитирований в формате визуального графа.

³ Поиск русскоязычных работ осуществлялся отдельно и был менее комплексным в силу значительно меньшего количества актуальных для исследуемой темы публикаций.

⁴ ChatGPT. URL: <https://chatgpt.com/> (дата обращения: 21.04.2026).

⁵ DeepSeek. URL: <https://www.deepseek.com> (дата обращения: 21.04.2026).

⁶ См., например, [Witte, Bayer, Weber, 2026].

⁷ ResearchRabbit. URL: <https://www.researchrabbit.ai/> (дата обращения: 21.04.2026).

В целях минимизации систематических пропусков и усиления поисковой вариабельности были задействованы еще два инструмента — Ai2 Asta⁸ и Consensus⁹, что позволило обнаружить источники за пределами первоначально очерченного тематического узла, но содержательно близкие к нашей базовой выборке. Все подходящие работы заносились в единую таблицу и классифицировались по выделенным категориям. В общей сложности в таблицу были внесены 248 статей. Соавторы совместно осуществляли отбор наиболее значимых и методологически обоснованных статей из сводной таблицы для итогового корпуса текстов. Финальный пул источников (79) был перенесен в отдельную таблицу и загружен в GPT-5.5 Thinking для следующего этапа аналитической обработки.

Надо иметь в виду, что различные LLM допускают смещения в подборе данных по языковому признаку. Так, например, DeepSeek предлагает исследования, опубликованные на китайском языке, в то время как ChatGPT — исключительно англоязычные публикации с незначительными смещениями/исключениями, если, например, работа написана на одном из европейских языков и имеет англоязычную аннотацию.

Технологическая трансформация видеоанализа на фоне внедрения ИИ

Анализ видеоданных в качественных социологических исследованиях, будь то этнографические наблюдения, анализ медиаконтента или изучение межличностных взаимодействий, традиционно опирался на ручной просмотр, кодирование и интерпретацию исследователем, что неизбежно ограничивало масштаб анализируемого материала и повышало риск субъективных искажений. Внедрение ИИ-инструментов обещает преодолеть эти ограничения, предлагая автоматизированное распознавание объектов, действий, эмоций и даже абстрактных понятий в видеопотоке.

Технологические трансформации исследовательского процесса с внедрением ИИ в визуальные исследования можно представить по трем основным направлениям.

1. Компьютерное зрение (computer vision) и автоматизированный видеоанализ — это изначальное и наиболее распространенное направление применения ИИ к сбору и анализу видеоданных в социологии, предполагающее автоматическое распознавание и классификацию визуальных элементов в видеопотоке, или более детально — детекция объектов (идентификация предметов и их расположения в кадре), распознавание поз и жестов (определение положений тела и ключевых точек), идентификация лиц и анализ мимики, а также распознавание конкретных действий и видов активности. ИИ используют для автоматизированного анализа видеозаписей в публичных

⁸ Ai2 ASTA. URL: <https://asta.allen.ai/> (дата обращения: 21.04.2026).

⁹ Consensus. URL: <https://consensus.app/> (дата обращения: 21.04.2026).

пространствах, для изучения социального дистанцирования, анализа невербальной коммуникации. Примечательна в этой связи предложенная Меллер и Айрольди трехшаговая модель интеграции машинного обучения в визуальный контент-анализ, объединяющая автоматизацию с человеческой экспертизой и рефлексивностью. Модель включает: а) эксплоративный анализ паттернов с использованием обучения без учителя; б) теоретически обоснованную классификацию изображений с применением сверхточных нейронных сетей; в) контекстуально-чувствительную интерпретацию, обеспечивающую критическое осмысление выявленных паттернов [Møller, Airoldi, 2025]. Авторы применяют методы компьютерного зрения (различные архитектуры CNN с трансферным обучением) исключительно к статичным изображениям (фотографиям дипломатов в Twitter), чтобы автоматизировать процесс кодирования визуального контента.

2. Мультимодальные большие языковые модели (multimodal large language model — MLLM). Качественный скачок в возможностях анализа видеоданных связан с появлением MLLM, способных обрабатывать и интегрировать информацию из различных модальностей — текста, изображения, звука и видео. В отличие от традиционного компьютерного зрения, фокусирующегося на распознавании конкретных визуальных признаков, MLLM претендуют на понимание семантического содержания визуальных материалов.

Особый интерес для качественной социологии представляет предложенная Фу Сяосином и соавторами новая методология анализа длинных видеозаписей [Fu, Zhao, Wang, 2025]. Исследователи разработали подход, основанный на стратегии «нарезка — рекомбинация» (slice — recombination), позволяющей преодолеть технические ограничения существующих моделей в обработке протяженных видеозаписей. Суть метода заключается в сегментации длинного видео на короткие фрагменты, их последовательном анализе с помощью MLLM и последующем синтезе полученных интерпретаций. Исследование показало, что мультимодальные модели демонстрируют способность к темпоральному рассуждению, межмасштабному захвату деталей и мультимодальной семантической интеграции. При этом авторы подчеркивают необходимость сочетания автоматического анализа с традиционными качественными методами, в частности, с кодированием в обоснованной теории (grounded theory) и механизмом обратной привязки к временным меткам для верификации результатов.

3. Специализированные инструменты и датасеты. Параллельно с развитием базовых технологий формируется экосистема специализированных инструментов для социальных исследователей [Liu, Su, Seth, 2025]. Примером может служить представленный в 2025 году инструмент VisTopics, являющийся вычислительным фреймворком, объединяющим ИИ-генерируемые описания изображений, неконтролируемую кластеризацию и тематическое моделирование для крупномасштабного анализа визуальных датасетов. Еще одним значимым направлением является разработка методологий для автоматического извлечения из видеоконтента социальных сетей такого параметра, как «ценности». Так, в исследовании Старовольски-Шитрит с соавторами

[Starovolsky-Shitrit, Neduva, Doron et al., 2025] была предпринята первая попытка извлечения имплицитных ценностей из видео в TikTok на основе теории базовых ценностей Шварца [Schwartz, 1992].

Авторы сравнили два метода: прямой мультимодальный анализ, использующий слияние эмбедингов видео (VideoMAE), аудио (Wav2Vec2-Base) и текста (Sentence Transformers), а также большие языковые модели (Gemini и Mistral), и двухэтапный подход, в рамках которого видеоданные сначала конвертировались в подробный текстовый сценарий с помощью Gemini 1.5 Pro, а затем из полученных таким образом текстовых данных извлекались ценности либо посредством той же LLM в режиме few-shot, либо дообученными маскированными языковыми моделями (RoBERTa, DeBERTa, Longformer). Авторы делают вывод о том, что двухэтапная схема с использованием Gemini на обоих этапах продемонстрировала значительно более высокую эффективность по сравнению с прямым анализом видеоряда.

Применение ИИ-инструментов в качественных социологических исследованиях

Появление в методическом арсенале исследователей, использующих визуальные данные, таких инструментов, как MLLM, экосистем специализированных инструментов и датасетов, автоматизированного видеоанализа и компьютерного зрения, предоставляет новые возможности для социального анализа и существенным образом меняет исследовательский ландшафт качественной визуальной социологии. Можно наметить основные направления этих изменений.

Изучение социальных взаимодействий

Одной из наиболее амбициозных и одновременно проблематичных областей применения ИИ-видеоанализа в социологии является изучение социальных взаимодействий. Качественная социология традиционно уделяет особое внимание микро-социологическим процессам — тому, как люди координируют действия, интерпретируют намерения друг друга, выстраивают коммуникацию. Автоматизация анализа этих тонких процессов представляет собой серьезный вызов.

Исследования последних лет свидетельствуют о сохраняющемся фундаментальном разрыве между возможностями даже самых продвинутых ИИ-моделей и человеческой способностью к определению социальной ситуации и отслеживанию социальной динамики. В работе группы исследователей из Университета Джонса Хопкинса было показано, что люди значительно точнее интерпретируют динамические социальные сцены, чем ИИ [Garcia, McMahon, Conwell et al., 2024]. Исследователями был выявлен фундаментальный пробел в способности ИИ к «социальному зрению» (social vision) — пониманию действий и взаимодействий в динамике. Исследователи-люди намного точнее, чем ИИ, справлялись с задачей распознавания того, что происходит

между людьми в видеоклипах в различных социальных ситуациях. Это имеет принципиальное значение для методологии качественных исследований, так как указывает на то, что ИИ-инструменты в их нынешнем виде не могут заменить интерпретативную работу социолога, но должны рассматриваться как вспомогательное средство.

Тем не менее даже при существующих ограничениях ИИ-видеоанализ открывает новые возможности для изучения социальных взаимодействий. Тесты мультимодальных языковых моделей оценивают, насколько хорошо MLLM понимают реальное социальное взаимодействие. Недавно предложенный тест SIV-Bench [Kong, Zu, Chen et al., 2025] создан на основе 2792 тщательно отобранных видеороликов и 8792 пар вопросов и ответов, проверенных людьми. Этот тест охватывает три измерения: восприятие видимых событий, определение скрытого социального и психического состояния и прогнозирование развития взаимодействия, — на основе теории реляционных моделей Фиска.

Анализ публичного дискурса и социальных медиа

Видеоконтент социальных платформ представляет собой богатый источник данных о коллективных представлениях, ценностях и дискурсивных практиках. Исследование Джангироглу и Кючюка, посвященное изучению аудитории видеоконтента — реакциям (комментариям) пользователей YouTube на сгенерированные ИИ видео (синтетический видеоконтент), — демонстрирует продуктивность смешанного подхода, сочетающего количественное тематическое моделирование (LDA) (которое применяется для тематического моделирования текстовых комментариев пользователей к видео) с качественной интерпретацией [Jangiroglu, Küçük, 2025]. Анализ более 11 000 комментариев позволил авторам разработать трехуровневую модель пользовательского опыта, включающую: 1) социотехнические системы и платформы; 2) контент и эстетику, сгенерированные ИИ; 3) социальные и этические импликации. Применение модели установок ABC (affective, behavioral, cognitive) к этой структуре позволило выявить различные измерения пользовательского опыта — от аффективных реакций (uncanny valley — эффект «зловещей долины») до когнитивных (эпистемическая тревога).

Исследование социальных концептов и самопрезентации

Особого внимания заслуживают работы, направленные на оценку способности мультимодальных моделей интерпретировать абстрактные социальные концепты в пользовательском видеоконтенте. В исследовании Лю и соавторов модель LLaVA-1.6 Mistral 7B была применена к анализу 725 ключевых кадров из 142 коротких видео YouTube, посвященных депрессии, с целью оценки ее способности распознавать концептуальное содержание в четырех измерениях самораскрытия [Liu, Su, Seth, 2025]. Полученные результаты оказались неоднозначными: вопреки ожиданиям, большая детализация промптов не приводила к улучшению согласованности между человеком и ИИ, а такие факторы, как сложность концепта и жанровое разнообразие,

оказывали существенное влияние на результаты. Данное исследование не только демонстрирует потенциал MLLM в анализе социальных концептов, но и указывает на необходимость более человекоцентрированных стратегий оценки и дизайна промптов.

Методологические вызовы и эпистемологические вопросы

Внедрение ИИ в качественный видеонализ оказалось сопряжено с рядом фундаментальных методологических и эпистемологических проблем, требующих исследовательской рефлексии.

Проблема валидности и надежности. Применение компьютерного зрения в социальных науках ставит вопрос о валидности и надежности получаемых результатов. Как отмечают Чжан Лунь и соавторы в обзоре социально-научных применений компьютерного зрения, существуют серьезные вызовы, связанные с измерением визуальных переменных — их надежностью и валидностью в социологическом контексте [Zhang, Fan, Wu 2024]. Технически точное распознавание объекта не гарантирует социологически релевантной интерпретации: камера может безупречно зафиксировать жест, но его значение, связанное с индексичностью, остается предметом интерпретации.

«Черный ящик» и объяснимость. Качественные исследования традиционно ценят прозрачность аналитической процедуры и возможность проследить путь от эмпирических данных к теоретическим выводам. Современные обширные нейронные сети, напротив, функционируют как «черные ящики», внутренняя логика которых непрозрачна даже для их создателей [Vigren, Paredes, 2026]. Это создает напряжение между технологической эффективностью и методологической обоснованностью. Кроме того, зачастую ИИ предлагает лишь поверхностный анализ материала, ограничивается генерацией общих выводов, не проникая в глубинные смыслы, доступные опытному исследователю. Отсюда — систематические смещения в анализе видеоданных и ошибки в их кодировании, не учитывающие специфические характеристики респондентов.

В работах Центра перспективных интернет-исследований (CAIS) разрабатываются подходы к партисипативному проектированию программного обеспечения, которые предполагают множество методов активного вовлечения пользователей в процесс разработки систем ИИ и машинного обучения как нового типа совместного творчества. Такие подходы нацелены в конечном счете на демократизацию машинного обучения и повышение доверия к ИИ путем увеличения прозрачности и понятности/объяснимости систем ИИ [Heuer, Glassman, 2024; Jarke, Heuer, 2024].

Проблема человеческого фактора в автоматизированном анализе. Парадоксальным образом использование ИИ не устраняет, а лишь трансформирует роль человеческого фактора в исследовании в целом и в анализе видеоданных в частности. «Человеческая предвзятость может быть

привнесена на этапе выбора обучающих данных, на этапе формулировки промптов, интерпретации результатов. Как показано в трехшаговой модели Меллера и Айрольди, именно третий этап — контекстуально-чувствительная интерпретация, во многом зависящая от сложности, „плотности“, степени индексичности контекста, и выполняемая человеком, — остается критически важным для обеспечения научной ценности результатов [Møller, Airolidi, 2025; Kommers, Hemment, Antoniak et al., 2025].

Кроме того, генеративные модели (такие, как, например, DALL-E 2) зачастую воспроизводят существующие социальные предубеждения, что и подтверждается исследованиями [Jang, Chen, Kang et al., 2024]. Так, при визуализации районов Бостона ИИ изображал места проживания «черного сообщества» неприглядными и запущенными, а «белого» — ухоженными даже при идентичных базовых промптах [Jang, Chen, Kang et al., 2024]. Во избежание такого рода стигматизаций требуется строгий этический контроль и прозрачность алгоритмов обучения.

Этические аспекты. Среди основных этических вопросов в исследованиях, использующих видео, можно выделить **приватность и информированное согласие**. Использование видеоданных в социологических исследованиях всегда требовало особого внимания к вопросам приватности, однако масштабная автоматизация анализа кратно повышает этические риски. Возможность обрабатывать огромные массивы видеозаписей, извлекая из них детальную информацию о поведении, эмоциях и взаимодействиях людей, создает принципиально новую ситуацию. Традиционные механизмы информированного согласия, разработанные для небольших выборок и ручного анализа, оказываются недостаточными в контексте крупномасштабного автоматизированного анализа. Этические проблемы получения и использования видеоданных относятся к числу наиболее острых вызовов для социально-научного применения компьютерного зрения [Golann, Bougher, Hall et al., 2024; Levine, Philpot, Nightingale et al., 2024].

Манипуляция и дипфейки. Расширение использования ИИ для создания и анализа видеоконтента происходит на фоне стремительного распространения технологий генерации синтетического видео. Это создает двойной вызов для социологов: с одной стороны, генеративный ИИ производит новый тип данных, требующих изучения с учетом их специфики, рассмотренной в «теории не-репрезентации» [Bankovskaya, 2017]; с другой стороны, социологи должны критически оценивать достоверность анализируемых ими видеоматериалов.

Исследователи предупреждают, что бесконтрольное распространение ИИ-сгенерированного видео может привести к так называемому цифровому загрязнению — наполнению обучающих выборок искаженными данными, что в конечном счете ведет к деградации качества информации. К тому же некоторые модели генерируют несуществующую информацию (галлюцинации), искажая смысл цитат и приводя к потере смысловой целостности текста.

Этические кодексы и регулирование. На институциональном уровне происходит постепенное формирование нормативной базы. В России действует

этический кодекс ИИ¹⁰, предполагающий должность уполномоченного по этике; крупные IT-корпорации осознают потребность в философах, социологах, специалистах по коммуникации в составе команд разработчиков. При этом эксперты подчеркивают, что каждая область профессиональной практики сталкивается с различными особенностями применения ИИ, и в разных областях должны быть разработаны свои регламенты, соотнесенные с профессиональными этическими декларациями. Для академических социологических исследований это означает необходимость выработки специфических этических руководств, учитывающих особенности качественного видеоанализа.

Заключение

ИИ и технологии автоматизированного видеоанализа открывают перед качественной социологией принципиально новые возможности — от масштабного анализа публичного дискурса в социальных медиа до систематического изучения микросоциальных взаимодействий. Мультимодальные большие языковые модели, инструменты компьютерного зрения и специализированные аналитические фреймворки позволяют исследователям работать с объемами видеоданных, немислимыми в эпоху исключительно когнитивного анализа.

Массивы видеоданных, используемых в качественных исследованиях, уже настолько велики, что позволяют их классифицировать по нескольким критериям. С точки зрения практического применения ИИ-инструментов к анализу видеоданных можно выделить исследования в области образования, медицины, правоохранительной деятельности, городского планирования и навигации (для определения идентичности места и визуализации уникальных черт городов), в медиаисследованиях (автоматическая классификация новостного видеоконтента по темам политики, кризисов, экологии).

Другим критерием классификации могут служить теоретико-методологические подходы к использованию видеоданных в качественном исследовании. Среди этих подходов выделяются этнометодология и разговорный анализ (EM/CA). Эти исследования фокусируются на ситуативном действии. Основное внимание здесь уделяется началу / завершению контакта, его прерыванию и невербальному поведению. Еще одним подходом можно считать систематическое социальное наблюдение (SSO/VBSSO) — подход, объединяющий компьютерное зрение и тематическое моделирование для выявления скрытых нарративов в больших массивах видеоданных. Третьим критерием классификации могут служить используемые в анализе видеоданных технологии: компьютерное зрение (CV) — модели YOLO для распознавания объектов и GPT-4v для анализа видеокладов; обработка естественного языка (NLP) и звука — нейросеть Whisper для транскрибирования речи с последующим тематическим моделированием текстов; генеративные модели — ChatGPT и DALL-E 2 для создания текстовых и визуальных образов.

¹⁰ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470682/ (дата обращения: 21.04.2026).

При этом с накоплением больших массивов видеоданных наблюдается постепенный переход от «вирусности» к системности. Использование ИИ дает возможность исследователям перейти от анализа редких, или «вирусных», видео к изучению повседневных, рутинных взаимодействий, которые составляют 99% данных. Это помогает формировать объективную картину происходящего, а не опираться лишь на редкие и уникальные случаи. Мульти-modalность становится уже аналитическим стандартом качественных видеоисследований. Наиболее эффективные результаты достигаются при интеграции видео-, аудио- и текстовых данных. ИИ способен связывать визуальные образы (например, жесты или объекты) с лингвистическими паттернами, подчеркивая индексичность контекста происходящего.

Несмотря на весь потенциал алгоритмических решений сложных социальных ситуаций, ИИ все еще сталкивается с трудностями в понимании нюансов и специфических деталей в визуальном измерении взаимодействия, таких как, например, паузы в разговоре или невербальные сигналы начала и завершения коммуникации.

Вместе с тем проведенный обзор демонстрирует, что технологический прогресс не отменяет фундаментальных принципов качественной методологии — рефлексивности, чувствительности к индексичности социальных феноменов, интерпретативной глубины. Сохраняющийся разрыв между алгоритмическим распознаванием паттернов и человеческими интерпретациями социального смысла указывает на то, что ИИ в обозримой перспективе останется инструментом-помощником, а не заменой социолога-исследователя. ИИ постепенно трансформируется из потенциальной угрозы в практический инструмент масштабирования знания. Однако его внедрение требует преодоления технологических барьеров (связанных с качеством звука, стоимостью API) и тщательной работы по минимизации как предвзятости данных, так и предвзятости в работе LLM-инструментов.

Наиболее продуктивной стратегией представляется развитие гибридных методологий, в которых вычислительная мощь ИИ сочетается с аналитической компетенцией и теоретической подготовкой исследователя. Такого рода гибридная методология представляется как сочетание [Abramson, Prendergast, Li et al., 2025]: 1) автоматизации рутинных задач (транскрибирования, первичного кодирования, лексического анализа), 2) глубокой интерпретации исследователем — как на стадии отбора видеоданных, так и в ходе их анализа, а особенно — на стадии выводов и теоретических обобщений (смысловый анализ, контекстуализация), и 3) рефлексии и постоянного критического анализа взаимодействия с ИИ [Hughes, Homan, O'Reilly et al., 2025; Messner, Smith, Richards, 2025; Wheeler, 2025; Wheeler, 2026].

Этические вопросы использования ИИ в качественных видеоисследованиях неизменно выходят на первый план [Pant, Hoda, Tantithamthavorn et al., 2024]. Среди ключевых проблем: приватность данных, алгоритмическая предвзятость, необходимость информированного согласия при использовании ИИ для анализа, а также фундаментальный вопрос о моральной ответственности: ИИ не испытывает морального давления, не боится последствий и не несет социальной ответственности.

Таким образом, на повестке дня стоит не просто техническая задача внедрения новых инструментов, но глубокая эпистемологическая рефлексия о том, как меняется природа социологического знания в эпоху искусственного интеллекта [Marciniak, 2026].

Литература/ References

Ворошилова А. И. Искусственный интеллект в социологическом исследовании: опыт использования для обработки и анализа интервью // Социодинамика. 2025. № 2. С. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2025.2.73330> EDN: HSPJRS

Voroshilova A. I. (2025) Artificial Intelligence in Sociological Research: Experience of Using It for Interview Processing and Analysis. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 2. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2025.2.73330> (In Russ.)

Галкин К. А., Петухова И. С., Парфенова О. А. OPEN AI как помощник при анализе интервью // Социологические исследования. 2025. Т. 51. № 4. С. 105–116. DOI: <https://doi.org/10.7868/S3034601025040095>

Galkin K. A., Petukhova I. S., Parfenova O. A. (2025) Open AI as Assistants in Interview Analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 51. No. 4. P. 105–116. DOI: <https://doi.org/10.7868/S3034601025040095> (In Russ.)

Пчегатлук С. К., Косивченко Е. В. Искусственный интеллект в социологическом измерении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-34>

Pchegatluk S. K., Kosivchenko E. V. (2024) Artificial Intelligence in the Sociological Dimension. *Gumanitarnye, Sotsialno-Ekonomicheskie i Obshchestvennye Nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences]. No. 6. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-34> (In Russ.)

Савинская О. Б. Применение ИИ для разработки категорий в качественном исследовании: что возможно в текущем моменте // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 63–72. DOI: <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/63-72>

Savinskaya O. B. (2025) Using AI to Develop Categories in Qualitative Research: What is Possible at the Moment. *Oykumena. Regionovedcheskie Issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. Vol. 19. No. 3. P. 63–72. DOI: <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/63-72> (In Russ.)

Смирнов В. А. Генеративные нейронные сети в эмпирическом социологическом исследовании: возможности и ограничения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 52–62. DOI: <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/52-62>

Smirnov V. A. (2025) Generative Neural Networks in Empirical Sociological Research: Opportunities and limitations. *Oykumena. Regionovedcheskie Issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. Vol. 19. No. 3. P. 52–62. DOI: <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/52-62> (In Russ.)

Хуснутдинова М., Баранова И., Зубова О. Искусственный интеллект в качественном анализе данных фокус-групп: сравнительное исследование ручного и автоматизированного подходов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 3. С. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/73-83>

Khusnutdinova M., Baranova I., Zubova O. (2025) Artificial Intelligence in Qualitative Focus Group Data Analysis: A Comparative Study of Manual and Automated Approaches. *Oykumena. Regionovedcheskie Issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. Vol. 19. No. 3. P. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/73-83> (In Russ.)

Филипова А. Г., Абросимова Е. Е., Зубова О. Г. Метод синтетических фокус-групп в контексте цифровой трансформации социологического исследования // Социодинамика. 2025. № 5. С. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.25136/24097144.2025.5.74430> EDN: EUMCKL

Filipova A. G., Abrosimova E. E., Zubova O. G. (2025) The Method of Synthetic Focus Groups in the Context of Digital Transformation of Sociological Research. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 5. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2025.5.74430> (In Russ.)

Abramson C. M., Prendergast T., Li Z., Dohan D. (2026) Qualitative Research in an Era of AI: A Pragmatic Approach to Data Analysis, Workflow, and Computation. *Annual Review of Sociology*. P. 1–37. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2509.12503>

Akpan I., Kobara Y., Owolabi J., Akpan A., Offodile O. (2025) Conversational and Generative Artificial Intelligence and Human-Chatbot Interaction in Education and Research. *International Transactions in Operational Research*. Vol. 32. No. 3. P. 1251–1281. DOI: <https://doi.org/10.1111/itor.13522>

Artz M. (2026) Multi-Agent Ethnography: Post-Conventional Anthropological Practice Through Human–AI Collaboration. *Anthropological Forum*. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/00664677.2026.2614501>

Bankovskaya S. P. (2017) Epistemological Premises of Converting Video of Social Events into the Narrative. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 9. No. 13. P. 39–43.

Bolaños F., Salatino A., Osborne F., Motta E. (2024) Artificial Intelligence for Literature Reviews: Opportunities and Challenges. *Scientometrics*. Vol. 129. P. 258–315. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2402.08565>

Cabanillas-García J.L., Sánchez-Gómez M.C., del Brío-Alonso I. (2025) Voices of Researchers: Ethics and Artificial Intelligence in Qualitative Inquiry. *Information*. Vol. 16. No. 11. P. 938. DOI: <https://doi.org/10.3390/info16110938>

Cappello F., Madireddy S., Underwood R., Getty N., Chia N.L.-P., Ramachandra N., Nguyen J., Keçeli M., Mallick T., Li Z., Ngom M., Zhang, C., Yanguas-Gil, A., Antoniuk E., Kailkhura B., Tian M., Du Y., Ting Y.-S., Wells A., Nicolae B., Maurya A., Rafique M. M., Huerta E., Li B., Foster I., Steven. (2025) EAIRA: Establishing a Methodology for Evaluating AI Models as Scientific Research Assistants (Preprint). *Argonne National Laboratory*. P. 1–33. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2502.20309>

Cardoso Sampaio R., Chagas V., Sinimbu Sanchez C., Gonçalves J., Borges T., Brum Alison M., Tigrinho C. S., Schwarzer Paz F. (2024) An Artificial Intelligence (AI)-Assisted Scoping Review of Emerging Uses of AI in Qualitative Research and Its Ethical Considerations. *Revista Pesquisa Qualitativa*. Vol. 12. No. 30. P. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.33361/RPQ.2024.v.12.n.30.729>

Cook D. A., Ginsburg S., Sawatsky A. P., Kuper A., D'Angelo J. D. (2025) Artificial Intelligence to Support Qualitative Data Analysis: Promises, Approaches, Pitfalls. *Academic Medicine*. Vol. 100. No. 10. P. 1134–1149. DOI: <https://doi.org/10.1097/ACM.0000000000006134>

Costa A. P., Burneo Arteaga P., Kasperuniene J. (2025) Mixed-Methods & AI for Methodological Literature Reviews. *The Qualitative Report*. Vol. 30. No. 10. P. 4515–4540. DOI: <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2025.8434>

Çelik N. (2025) New Methodological Trends in Sociology: An Assessment of Recent Studies. *Uluslararası Sosyal Bilimlerde Mükemmellik Arayışı Dergisi*. Vol. 8. P. 44–59. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10444995>

Davidson T. (2024) Start Generating: Harnessing Generative Artificial Intelligence for Sociological Research. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. Vol. 10. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1177/23780231241259651>

Davison R. M., Chughtai H., Nielsen P., Marabelli M., Iannacci F., van Offenbeek M., Tarafdar M., Trenz M., Techatassanasoontorn A. A., Díaz Andrade A., Panteli N. (2024) The Ethics of Using Generative AI for Qualitative Data Analysis. *Information Systems Journal*. Vol. 34. P. 1433–1439. DOI: <https://doi.org/10.1111/isj.12504>

Dellafiore F., Saba A., Collaro C., Artioli G. (2025) Artificial Intelligence in Qualitative Research: Insights from Experts via Reflexive Thematic Analysis. *Qualitative Health Research*. Vol. 36. No. 2–3. P. 145–165. DOI: <https://doi.org/10.1177/10497323251389800>

Duke M. R. (2026) Artificial Intelligence and the End(s) of Qualitative Data Analysis. *Human Organization*. Vol. 85. No. 1. P. 8–10. DOI: <https://doi.org/10.1080/00187259.2025.2546439>

Ejjami R. (2024) Integrative Literature Review 5.0: Leveraging AI and Emerging Technologies to Redefine Academic Research. *International Journal for Multidisciplinary Research*. Vol. 6. No. 5. P. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2024.v06i05.28756>

Eryaman M.Y. (2025) The Evolving Landscape of Qualitative Research: Exploring the Potential and Navigating the Challenges of Artificial Intelligence. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 24. P. 1–3. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069251400178>

Franken L., Vepřek L.H. (2026) AI in and for Qualitative Research. *Handbuch Soziale Praktiken und Digitale Alltagswelten*. P. 581–589. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-44521-8_98

Fu X., Zhao L., Wang A. (2025) Intelligent Image Analysis Based on Multimodal Large Models: A Case Study of Visual Ethnography. *Guangdong Social Sciences*. No. 5. P. 180–192. DOI: <https://doi.org/10.12451/202510.01699>

Gao Y., Lee D., Burtch G., Fazelpour S. (2025) Take Caution in Using LLMs as Human Surrogates. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 122. No. 24. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2501660122>

Garcia K., McMahon E., Conwell C., Bonner M.F., Isik L. (2024) Modeling Dynamic Social Vision Highlights Gaps Between Deep Learning and Humans. *International Conference on Learning Representations (ICLR)*. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/4mpd9>

Golann J.W., Bougher L., Hall R., Espenshade T.J. (2024) Sharing Big Video Data: Ethics, Methods, and Technology. *Sociological Methods & Research*. Vol. 55. No. 1. P. 1–33. DOI: <https://doi.org/10.1177/00491241241277524>

Grigoryan T. (2025) Weaving Meaning in the Digital Age: A Meta-Meta-Ethnography Enhanced by AI. *WCF Education*. Vol. 3. No. 1. P. 11–20. DOI: <https://doi.org/10.33422/wcfeducation.v3i1.1317>

Gu H., Chandrasegaran S., Lloyd P. (2025) Synthetic Users: Insights from Designers' Interactions with Persona-Based Chatbots. *Artificial Intelligence for Engineering Design, Analysis and Manufacturing*. Vol. 39. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0890060424000283>

Guo J., Fang H. (2025) Dialogues of Sense and Algorithm: Reconfiguring Arts-Based Research in the AI Era. *Qualitative Inquiry*. (Advance online publication). DOI: <https://doi.org/10.1177/10778004251393201>

Heuer H., Glassman, E.L. (2024) Reliability Criteria for News Websites. *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*. Vol. 31. No. 2. P. 1–33. DOI: <https://doi.org/10.1145/3635147>

Hughes J., Homan L., O'Reilly M., Hughes K. (2025) AI Voice Methodology: Using Generative AI in Qualitative Social Research. *Qualitative Inquiry*. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1177/10778004251401842>

Jang K.M., Chen J., Kang Y., Kim J., Lee J., Duarte F., Ratti C. (2024) Place Identity: a Generative AI's Perspective. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 11. No. 1. P. 635–650. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03645-7>

Jangiroğlu N., Küçük S. (2025) Recoding Reality: A Case Study of YouTube Reactions to Generative AI Videos. *Systems*. Vol. 13 No. 10. P. 1–38. DOI: <https://doi.org/10.3390/systems13100925>

Jarke J., Heuer H. (2024) Reassembling the Black Box of Machine Learning: Of Monsters and the Reversibility of Foldings. In: *Algorithmic Regimes: Methods, Interactions, and Politics*. Amsterdam: Amsterdam University Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/jj.11895528.7>

Jarrahi M.H. (2025) Interviewing AI: Using Qualitative Methods to Explore and Capture Machines' Characteristics and Behaviors. *Big Data & Society*. Vol. 12. No. 3. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1177/20539517251381697>

Jowsey T., Braun V., Clarke V., Lupton D., Fine M. (2025) We Reject the Use of Generative Artificial Intelligence for Reflexive Qualitative Research. *Qualitative Inquiry*. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1177/10778004251401851>

Kapania S., Agnew W., Eslami M., Heidari H., Fox S.E. (2025) "Simulacrum of Stories": Examining Large Language Models as Qualitative Research Participants. *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1145/3706598.3713220>

Kommers C., Hemment D., Antoniak M., Leibo J.Z., Long H., Robinson E., Sobey A. (2025) Meaning is Not a Metric: Using LLMs to Make Cultural Context Legible at Scale. *arXiv preprint*. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2505.23785>

Kong F., Zu W., Chen X., Yang Y., Zhu S.-C., Feng X. (2025) SIV-Bench: A Video Benchmark for Social Interaction Understanding and Reasoning. *arXiv preprint*. P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2506.05425>

Krapp E., Neuhaus R., Hassenzahl M., Laschke M. (2024) In a Quasi-Social Relationship with ChatGPT. An Autoethnography on Engaging with Prompt-Engineered LLM Personas. *Proceedings of the 13th Nordic Conference on Human-Computer Interaction*. No. 79. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1145/3679318.3685501>

Kulkarni M., Cameron L.D., Gehman J., Glaser V.L., Greenwood M., Islam G., Lindebaum D., Mantere S., Pachidi S., Petriglieri G., Rahman H.A., Vaara E., van den Broek E. (2024) The Future of Research in an Artificial Intelligence-Driven World. *Journal of Management Inquiry*. Vol. 33. No. 3. P. 207–229. DOI: <https://doi.org/10.1177/10564926231219622>

Kvist Møller A.H., Airoidi M. (2025) With Eyes of a Machine: A Three-Step Guide for Applying Machine Learning to Visual Content Analysis in Social Research. *Big Data and Society*. Vol. 12. No. 2. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1177/205395172511343860>

Latinović B., Krčadinac O., Stanković Z., Stošić L. (2025) The Sociology of Artificial Intelligence Through the Lens of Ethics in the Digital Age. *Journal of UUNT: Informatics and Computer Sciences*. Vol. 2. No. 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.62907/juuntics2502010011>

Levine M., Philpot R., Nightingale S.J., Kordoni A. (2024) Visual Digital Data, Ethical Challenges, and Psychological Science. *American Psychologist*. Vol. 79. No. 1. P. 109–122. DOI: <https://doi.org/10.1037/amp0001192>

Liu J., Su Y., Seth P. (2025) Can Large Language Models Grasp Concepts in Visual Content? A Case Study on YouTube Shorts about Depression. *Extended Abstracts of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI EA '25)*. No. 127. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1145/3706599.3719821>

Nicmanis M., Spurrier H. (2025) Getting Started with Artificial Intelligence Assisted Qualitative Analysis: An Introductory Guide to Qualitative Research Approaches with Exploratory Examples from Reflexive Content Analysis. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 24. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/160940692511354863>

Malik F.S., Terzidis O. (2025) A Hybrid Framework for Creating Artificial Intelligence-Augmented Systematic Literature Reviews. *Management Review Quarterly*. P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11301-025-00522-8>

Marciniak L. (2026) Two Decades of Reflection and Critique. The Continuous Fear of Replacement — The Renaissance of Feeling and Intuition in the Age of Artificial Intelligence in Qualitative Sociology Review (2005–2025). *Qualitative Sociology Review*. Vol. 22. No. 1. P. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.18778/1733-8077.22.1.01>

Marshall D., Naff D.B. (2024) The Ethics of Using Artificial Intelligence in Qualitative Research. *Journal of Empirical Research on Human Research Ethics*. Vol. 19. No. 3. P. 92–102. DOI: <https://doi.org/10.1177/15562646241262659>

Messeri L., Crockett M.J. (2024) Artificial Intelligence and Illusions of Understanding in Scientific Research. *Nature*. Vol. 627. P. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-024-07146-0>

Messner R., Smith S., Richards C. (2025) Artificial Intelligence and Qualitative Data Analysis: Epistemological Incongruences and the Future of the Human Experience. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 24. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1177/160940692511371481>

Müller S., Kempton A., Mønsted T. (2024) Is the Human Is Researcher Dead? Long Live the AI Researcher. *Proceedings of the 57th Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS 2024)*. P. 207–216. DOI: <https://doi.org/10.24251/HICSS.2024.025>

Mozelius P., Humble N. (2024) On the Use of Generative AI for Literature Reviews: An Exploration of Tools and Techniques. *Proceedings of the 23rd European Conference on Research Methodology for Business and Management Studies*. Vol. 23. No. 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.34190/ecrm.23.1.2528>

Pant A., Hoda R., Tantithamthavorn C., Turhan B. (2024) Ethics in AI through the Practitioner's View: A Grounded Theory Literature Review. *Empirical Software Engineering*. Vol. 29. No. 3. P. 1–48. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10664-024-10465-5>

Paulus T., Marone V. (2025) "In Minutes Instead of Weeks": Discursive Constructions of Generative AI and Qualitative Data Analysis. *Qualitative Inquiry*. Vol. 31. No. 5. P. 395–402. DOI: <https://doi.org/10.1177/10778004241250065>

Paulus T., Lester J., Davis C. (2026) The Construction of the Role of AI in Qualitative Data Analysis in the Social Sciences. *AI & Society*. Vol. 41. P. 1737–1748. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02488-3>

Perkins M., Roe J. (2024) The use of Generative AI in Qualitative Analysis: Inductive Thematic Analysis with ChatGPT. *Journal of Applied Learning and Teaching*. Vol. 7. No. 1. P. 390–395. DOI: <https://doi.org/10.37074/jalt.2024.7.1.22>

Pink S. (2025) Artificial Intelligence and the Futures Turn: An Anticipatory Infrastructure for Qualitative Methods. *Qualitative Research in Psychology*. P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/14780887.2025.2570167>

Retkowski F., Sudmann A., Waibel A. (2025) The AI Co-Ethnographer: How Far Can Automation Take Qualitative Research? In: *Proceedings of the 5th International Conference on Natural Language Processing for Digital Humanities*. Albuquerque: Association for Computational Linguistics. P. 73–90. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/2025.nlp4dh-1.8>

Roberts J., Baker M., Andrew J. (2024) Artificial Intelligence and Qualitative Research: The Promise and Perils of Large Language Model (LLM) "Assistance". *Critical Perspectives on Accounting*. Vol. 99. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpa.2024.102722>

Schwartz S. (1992) Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. P. 1–65. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)

Seta G. de, Pohjonen M., Knuutila A. (2024) Synthetic Ethnography: Field Devices for the Qualitative Study of Generative Models. *Big Data & Society*. Vol. 11. No. 4. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1177/20539517241303126>

Shin J., Hedderich M.A., Rey B.J., Lucero A., Oulasvirta A. (2024) Understanding Human–AI Workflows for Generating Personas. In: *Proceedings of the 2024 ACM Designing Interactive Systems Conference (DIS '24)*. P. 757–781. DOI: <https://doi.org/10.1145/3643834.3660729>

Starovolsky-Shitrit A., Neduva A., Doron N.A., Daniel E., Tsur O. (2025) The Value of Nothing: Multimodal Extraction of Human Values Expressed by TikTok Influencers. *arXiv preprint*. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2501.11770>

Susnjak T., Hwang P., Reyes N., Barczak A.L.C., McIntosh T., Ranathunga S. (2025) Automating Research Synthesis with Domain-Specific Large Language Model Fine-Tuning. *ACM Transactions on Knowledge Discovery from Data*. Vol. 19. No. 3. P. 1–39. DOI: <https://doi.org/10.1145/3715964>

Tosi D. (2025) Comparing Generative AI Literature Reviews Versus Human-led Systematic Literature Reviews: A Case Study on Big Data Research. *IEEE Access*. Vol. 13. P. 56210–56219. DOI: <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2025.3558096>

Törnberg P. (2024) Best Practices for Text Annotation with Large Language Models. *Sociologica*. Vol. 18. No. 2. P. 67–85. DOI: <https://doi.org/10.6092/issn.1971-8853/19461>

Tsvetkova M., Yasserli T., Pescetelli N., Werner T. (2024) A New Sociology of Humans and Machines. *Nature Human Behaviour*. Vol. 8. P. 1864–1876. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-024-02001-8>

Vigren M., Lozano Paredes L. (2026) Struggling With the Black Box: Mapping Bias and Agency in Using Generative Artificial Intelligence in Qualitative Method Development. *Qualitative Inquiry*. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1177/10778004261434487>

Wachinger J., Bärnighausen K., Schäfer L.N., Scott K., McMahon S.A. (2025) Prompts, Pearls, Imperfections: Comparing ChatGPT and a Human Researcher in Qualitative Data Analysis. *Qualitative Health Research*. Vol. 35. No. 9. P. 951–966. DOI: <https://doi.org/10.1177/10497323241244669>

Wang S. (2025) AI for Social Science: A Sociology PhD Candidate's Autoethnography on How LLMs are Changing Research Work. *AI Magazine*. Vol. 46. No. 4. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1002/aaai.70046>

Wheeler K. (2025) How to Use Generative AI to Assist the Analysis of Qualitative Data [How-to Guide]. *Sage Research Methods: Data and Research Literacy*. In print. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781036217471>

Wheeler K. (2026) Technological Reflexivity in Practice: How MAXQDA, NVivo, and ChatGPT Shape Qualitative Survey Analysis. *Qualitative Research in Psychology*. P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1080/14780887.2025.2602820>

Witte J., Bayer S., Weber I. (2026) Use Cases for the Application of Generative Artificial Intelligence for Researchers: A Survey. *HAL*. P. 1–41.

Zhang L., Fan J., Wu Y. (2024) Review of Computer Vision Research in the Social Science Perspective: Theory, Methods, and Prospects. *New Media & Network*. Vol. 1. No. 2. P. 24–39.

Сведения об авторах:

Баньковская Светлана Петровна — кандидат философских наук, PhD, профессор кафедры анализа социальных институтов, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, лаборатория «Социология религии», ПСТГУ, Москва, Россия. **E-mail:** sbankovskaya@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** [6708-8350](https://elibrary.ru/6708-8350); **ORCID ID:** [0000-0002-2503-9556](https://orcid.org/0000-0002-2503-9556).

Идоленко Виктория Викторовна — религиовед, младший научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», ПСТГУ, Москва, Россия. **E-mail:** victoriaidolenko@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 29.04.2026

Принята к публикации: 15.05.2026

.....

Artificial Intelligence and Video Analysis in Qualitative Sociology: Recent Research Review

DOI: [10.19181/inter.2026.18.2.3](https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.2.3)

Svetlana P. Bankovskaya *HSE University; St. Tikhon's Orthodox University
for the Humanities, Moscow, Russia
E-mail: sbankovskaya@gmail.com*

Victoria V. Idolenko *St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: victoriaidolenko@gmail.com*

The article provides an overview of recent publications examining the integration of Artificial Intelligence (AI) as a tool in qualitative sociological research. Particular attention is paid to multimodal qualitative research using video data and employing video analysis as the basis for methodological design. A review of over 70 publications highlights the features of incorporating

AI into this type of research process and its associated benefits and challenges, including epistemological and ethical issues, changes in the nature of data and procedures for collecting and processing the data, interactions between AI and researchers at different stages of research, and the use of multimodal large-scale language models (MLLMs) in video research.

Keywords: qualitative research in sociology; artificial intelligence; video research; multimodal large-scale language models (MLLM); ecosystems of specialized tools and datasets; automated video analysis and computer vision

Authors Bio:

Svetlana P. Bankovskaya — Candidate of Philosophy, PhD in Sociology, Associate Professor, Department for Social Institutions Analysis, Leading Researcher, Centre for Fundamental Sociology, HSE University; Senior Researcher, “Sociology of Religion” Laboratory, St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia. **E-mail:** sbankovskaya@gmail.com. **RSCI Author ID:** 6708-8350; **ORCID ID:** 0000-0002-2503-9556.

Victoria V. Idolenko — Specialist of Religious Studies, Junior Researcher, “Sociology of Religion” Laboratory, St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia. **E-mail:** victoriaidolenko@gmail.com.

Received: 29.04.2026

Accepted: 15.05.2026

Интеракция. Интервью. Интерпретация
СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Главный редактор:
Виктория Владимировна Семенова

Редакция:
Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Технический редактор:
Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:
Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:
Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ, перечень ВАК,
индексируется в международной базе данных RSCI.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter.fnisc.ru

2026. Том 18. № 2. Дата выхода в свет 30.06.2026.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com